

▲ Александр Невский

Битва на Чудском озере или Ледовое побоище 5 (18) апреля 1242 года

«И БЫСТЬ ТУТ СЕЧА ЗЕЛА, И ЛЕД БЫЛ ЗАЛИТ КРОВЬЮ»

18 апреля — День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242)

В ПЕРВОЙ трети XIII века над Русью нависла опасность с Запада, со стороны католических духовно-рыцарских орденов. В 1237 году рыцари-монахи двух орденов, Тевтонского и Меченосцев, создали единый Ливонский орден. Летом 1240 года в Новгородскую землю вторглись немецкие крестоносцы, взяв штурмом г. Изборск; подошли к Пскову и продержали его неделю в осаде, готовясь к штурму, но псковитянин Твердило Иванович сдал город. Зимой 1240—1241 гг. рыцари Ливонского ордена вновь явились в Новгородскую землю, теперь в их руках оказались Изборск, Псков, Сабель, Тесов и Копорье.

Князь Александр Невский нанес первый удар на Копорье, а затем уже освободил от захватчиков Псков. Потерпев поражение, орден стал сосредоточивать свои силы в пределах Дерптского епископства, подготавливая наступление против русских. Русская рать выступила на Изборск, но противник послал туда незначительные силы, главные же дивигались к Чудскому озеру.

На рассвете 5 апреля 1242 года рыцари построились «клином» или, как говорили русские, «свиньей» и начали движение на наши полки. Александр Невский расположил свое войско на восточном берегу Чудского озера, решив ослабить центр боевого построения русского войска и усилить полки правой и левой руки. Личная дружина князя и часть тяжеловооруженных конных воинов составили засадный полк. Немцы атаковали центр боевого порядка русских. Однако рыцари наткнулись на обрывистый берег озера, где их конница сучилась так, что задние шеренги рыцарей подталкивали передние, которым негде было развернуться для боя. Немецкий «клин» оказался зажатым в клещи. В это время дружина Александра Невского нанесла удар с тыла и завершила окружение противника. Лед под тяжестью людей стал трещать. Некоторым рыцарям удалось прорвать кольцо окружения, и они попытались спастись бегством, многие утонули.

Ливонские рыцари потерпели полное поражение. В бою было убито более 500 рыцарей и «бесчисленное множество» прочего войска, взято в плен 50 «нарочитых воевод».

▲ Ледовое побоище
Миниатюры из Лицевого свода

▲ Монумент в память о Ледовом побоище г. Псков

Публикацию подготовила А.Н. ЧАБАНОВА

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книжки. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книжки» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу во втором полугодии 2007 года — 39 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-54-10

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и интернет — приложения «Военно — исторического журнала» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

апрель
№ 4
2007 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Отстаивая принципы научности и объективности: критические мысли о некоторых книгах «нетрадиционных» военных историков

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Генерал-майор Г.Ф. Воронцов... по характеру волевой, смелый и решительный»

Боевые действия украинских партизан. 1943 г.

Стальной курянин «Борис Петрович»

«Император Всероссийский, как простой эскадронный командир, врубился в неприятельский строй»

Военнопленные-египтяне в России. 1877—1880 гг.

ISSN: 0321-0626

Юнга
Художник Н.Я. БУТ, 1972 г.

12 апреля — День космонавтики

Военно-исторический журнал 2007 № 4 апрель

▲ Наградной лист к револьверу системы «Маузер»
Москва, 23 февраля 1928 г.

▲ Командиры полков (слева направо):
В.И. Казаков, П.И. Батов, Бакланов
1-я Московская Пролетарская стрелковая дивизия (1-я МПСД), 1936 г.

▲ Обложка книги

▲ Полковник В.И. Казаков (третий слева) на полигоне в Алабино
1-я МПСД, 1937 г.

▲ Билет на открытие памятника советским воинам в Берлине
8 мая 1949 г.

▲ Награды маршала артиллерии В.И. Казакова

▲ Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

ВАСИЛИЙ Иванович Казаков родился 18 июля 1898 года в деревне Филиппово Княгининского уезда Бутурлинской волости Нижегородской губернии. Будучи восьмым ребенком в семье, Василий Иванович начал трудовую деятельность с тринадцати лет.

В русской армии служил с мая 1916 по сентябрь 1917 года рядовым (Северный фронт). В Красной армии — с февраля 1918 года, во время Гражданской войны — командир артиллерийской батареи, участвовал в боях на Северном и Западном фронтах.

С 1918 по 1941 год прошел путь от командира взвода до начальника артиллерии механизированного корпуса. Весь довоенный период посвятил глубочайшему изучению артиллерийского дела, сочетая службу с получением образования — общего и военного. Трижды учился на Артиллерийских курсах усовершенствования командного состава РККА. В 1934 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. В 1927—1939 гг. его судьба тесно связана с 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизией, где он с 1933 года был командиром артиллерийского полка. С 1939 года в звании комбрига Казаков являлся начальником артиллерии дивизии, затем корпуса.

В Великую Отечественную войну генерал-майор артиллерии В.И. Казаков вступил начальником артиллерии механизированного корпуса. Наиболее ярко его талант в управлении и организации боевого применения артиллерии проявился на посту начальника артиллерии 16-й армии в Битве под Москвой, начальника артиллерии Брянского фронта, командующего артиллерии Донского фронта в Сталинградской битве, Центрального фронта в Курской битве, 1-го Белорусского фронта при освобождении Белоруссии, в Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях. С именем Казакова связывают такие понятия в искусстве применения артиллерии, как «артиллерийское наступление», «двойной огневой вал», «массированный артиллерийский удар».

После войны Василий Иванович командовал артиллерией Группы советских войск в Германии, затем был первым заместителем и командующим артиллерии Советской армии. С 1958 года — начальник ПВО Сухопутных войск. С 1965 по 1968 год — военный советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Умер В.И. Казаков 25 мая 1968 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. В память о его служении Отечеству издан фотоальбом*.

* Казакова Т.В. Маршал артиллерии Казаков Василий Иванович: Фотоальбом. СПб.: Институт сонтологии, 2005. 104 с., ил.

▲ Публикацию подготовил лейтенант Р.И. ПАРФЕНОВ

▲ Поход князя Олега на Царьград
Миниатюры из Радзивиловской летописи, XV в.

▲ Князь Олег на киевском столе

«НА КОНЯХ И НА КОРАБЛЯХ ПРИДЕ К ЦАРЬГРАДУ»

К 1100-летию морского похода князя Олега на Византию для защиты торговли и рыболовства на Русском (Черном) море

▲ Князь Олег
Гравюра на дереве, XVIII в.

▲ Князя Олег и Игорь
Художник И. ГЛАЗУНОВ

▲ Греческие походы. Олег под стенами Царьграда
С рисунка П. ЗАГОРСКОГО

«ВОЕННАЯ КНИГА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

▲ Обложка книги

В 1986 году во Франции впервые вышла в свет книга «Русская императорская гвардия, 1896—1914 гг.». Ее появление стало результатом совместной работы двух друзей-коллекционеров — Патрика де Гмелина и Жерара Горохова. Книга была быстро раскуплена, и вышедшее в 2002 году русское издание также моментально исчезло с прилавков. Со времени первого издания стали доступны новые источники информации и материалы, позволившие переработать и дополнить альбом, исправить ошибки, заполнить пробелы и выпустить 3-е издание книги*.

Труд «Русская императорская гвардия, 1896—1914 гг.» занимает особое место в гвардейской библиографии. Многочисленные фотографии дают

яркую и богатую картину быта гвардейских полков. Благодаря этим снимкам оживают страницы военных мемуаров, которые за последнее время стали издавать, а точнее переиздавать в России.

Основным замыслом авторов было отдать дань памяти офицерам и солдатам императорской гвардии, отдавшим свою жизнь за царя и Отечество на полях Первой мировой, и пережившим позор Брест-Литовского мирного договора, Гражданскую войну и эмиграцию, разлучившую их с Родиной.

Эту книгу, а также номера «Военно-исторического журнала» за 2005, 2006 и 2007 гг. можно приобрести в магазине «Военная книга».

Адрес магазина «Военная книга»: 123308, Москва, ул. Зорге, 1 (м. Полежаевская). Тел.: (499) 195-24-90, (499) 195-24-14. www.voenkiga.ru; e-mail: voenlit@bk.ru

* Горохов Ж. Русская императорская гвардия. М.: Рейтар, 2006. 400 с., ил.

В 907 году великий князь киевский Олег, прозванный в народе Вещим, собрав 80-тысячное войско, на 2000 кораблях, «а в корабли по 40 муж», совершил морской поход на Византию для защиты торговли и рыболовства на Русском (Черном) море. Летопись рассказывает, как «иде Олег на Греки», взяв с собой союзников — «множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляни, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверцы», «на конях и на кораблях приде к Царьграду». Греки закрыли Царьградскую бухту цепями, но Олег велел поставить лодки на катки и, подняв паруса, с попутным ветром перебросить их в бухту Золотой Рог, откуда Константинополь (Царьград, ныне Стамбул) был более уязвим. Утром осажденные увидели «чудо»: корабли русов, распустив паруса, плыли по суше.

Напуганный появлением войска у столицы, император вынужден был заключить мирный договор. Византия выплатила «подарки» по 12 гривен на каждый из двух тысяч кораблей и отдельно на крупнейшие русские города. Кроме того, все приходившие с Руси в Царьград торговые люди помимо бесплатного брать съестных припасов из расчета на месяц, мыться в банях, а для обратного пути запастись у греческого царя якорями, канатами, парусами и тому подобным. Русские дали обещание не грабить окрестные села, жить в городе в одном месте, чтобы император всегда мог послать чиновника переписать имена вновь прибывших торговцев. Входить в город русские должны были только через одни ворота без оружия, причем в сопровождении императорского слуги и не более 50 человек одновременно.

Договор по обычаю того времени скрепили клятвами. Византийцы клялись на кресте, а Олег клялся на своем оружии и Перуном — высшим для него божеством.

▲ Публикацию подготовила А.Н. ЧАБАНОВА

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

апрель

№4 (564)

2007 год

- ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ** 3 **AGAINST LIE AND FALSIFICATION**
Д.М. КОЛОМЫЦ — Отстаивая принципы научности и объективности: критические мысли о некоторых книгах «нетрадиционных» военных историков
Д.М. КОЛОМЫЦ — Upholding the principles of scientific and objective character: critical thoughts about some books of "untraditional" military historians
- ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ** 7 **COMMANDERS AND MILITARY LEADERS**
Б.Г. ВОРОНЦОВ — Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Генерал-майор Г.Ф. Воронцов... по характеру волевой, смелый и решительный»
Б.Г. ВОРОНЦОВ — Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov: "Major-General G.F. Vorontsov... is a strong-willed, courageous, decisive of a character"
- ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ** 12 **STANDPOINTS. OPINIONS. VERSIONS**
О.Н. БУГАЕВ — Нападение на Ахульгинский батальон. Свидетельства очевидцев
О.Н. БУГАЕВ — Attack on the Akhulginsky battalion. Opinions of the eye-witnesses
- ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ** 13 **FROM THE MILITARY ARCHIVES FUNDS**
А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ, Е.Ф. КРИНКО — «Гвардии генерал казачьих войск» Н.Я. Кириченко
А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ, Е.Ф. КРИНКО — "Guards General of the Cossack Troops" N.Ya. Kirichenko
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.** 18 **THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945**
М.А. ВИЛИНОВ — Тыл Западного фронта в Битве под Москвой
М.А. ВИЛИНОВ — The Rear Services of the West Front in the Battle of Moscow
- А.Н. МАНЖОСОВ** — Стальной курянин «Борис Петрович» 22 **A.N. MANZHOSOV** — "Steel" inhabitant of Kursk "Boris Petrovich"
- БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ** 26 **SECURITY OF RUSSIA: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW**
Г.А. ГРЕБЕНЩИКОВА — Вооруженный нейтралитет Екатерины II: причины и следствия
Г.А. ГРЕБЕНЩИКОВА — Armed neutrality of Catherine II: reasons and consequences
- В.С. СЕРГЕЕВ** — Военные спасатели — войска гражданской обороны. 1996—2006 гг. 30 **V.S. SERGEEV** — Military rescuers — The Civil Defense troops. 1996—2006
- ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА** 34 **TRAGEDY OF CAPTIVITY**
В.В. БЕЛЯКОВ — Военнопленные-египтяне в России. 1877—1880 гг.
В.В. БЕЛЯКОВ — Egyptian prisoners of war in Russia. 1877—1880
- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 38 **DOCUMENTS AND MATERIALS**
Боевые действия украинских партизан. 1943 г. (Публикация Ю.А. ПЛУШКОВОЙ)
Military operation of the ukrainian partisans. 1943 (Publication of Ya.A. GLUSHKOVA)
- Д.А. Милютин о задачах военно-судебной реформы в России. 1860—1867 гг. (Публикация Е.Д. АРАПОВОЙ)** 44 **D.A. Milyutin about tasks of the military-judicial reform in Russia. 1860—1867 (Publication of E.D. ARAPOVA)**
- ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ** 46 **MILITARY REFORM: YESTERDAY AND TODAY**
Ю.М. ПОПОВ — «Чтоб отставные от службы офицеры, унтер-офицеры и рядовые по отставке имели покой и пропитание»
Ю.М. ПОПОВ — "After resignation the retired officers, corporals and private soldiers should have peace and subsistence"
- ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ** 51 **EPOCH REFLECTED IN DOCUMENTS**
С.В. КАЗАКОВЦЕВ — Первая мировая война в письмах воинов-вятичей
С.В. КАЗАКОВЦЕВ — World War I reflected in letters of servicemen of the Vyatka region
- ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ** 55 **MEMOIRS AND ASSAYS**
В.И. ПОПОВ — Выручая союзников
В.И. ПОПОВ — Helping to our allies
- П.В. ГОРНОСТАЕВ** — «...Но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей» 59 **P.V. GORNOSTAEV** — "...But there were no such friends, as they are in the Russian land"
- ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** 63 **EPOCH REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
Е.И. ЮРКЕВИЧ — «Император Всероссийский, как простой эскадронный командир, врубился в неприятельский строй»
Е.И. ЮРКЕВИЧ — "Emperor of all Russia broke into the ranks of the enemy as an ordinary squadron commander"
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** ★ ★ **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНАЯ РАБОТА** 67 **MILITARY MEMORIAL WORK**
В.В. СТЕПАНОВ — Незабываемые рубежи
В.В. СТЕПАНОВ — Unforgotten frontiers
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** 71 **MILITARY HISTORIC HERITAGE**
В.И. ДАЛЬ — Что такое Отчина? Матросские досуги (Публикация С.К. ДАРКОВА)
В.И. ДАЛЬ — What is the Motherland? Seamen's leisure-time (Publication of S.K. DARKOV)
- НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ** 73 **UNKNOWN FROM THE SPECIAL SERVICES LIFE**
В.В. ШИГИН — Екатерина Великая и А.Г. Орлов на разгладели в российских адмиралах Эльфинстоне и Ноульсе шпионов Великобритании
В.В. ШИГИН — Catherine the Great and A.G. Orlov did not perceived spies of the Great Britain in admirals Elfinstone and Nouis
- НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ** 77 **SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION**
Н.В. ГАВРИКОВА — Помощь фронту Общества спасения на водах Московского региона. 1941—1944 гг.
Н.В. ГАВРИКОВА — Moscow region Life-saving on Water Society's relief to the front. 1941—1944
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 78 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
В.Г. ОПОКОВ — Научный труд посвящен фронтовику и военному историку В.М. Ковальчуку
В.Г. ОПОКОВ — Scientific work is devoted to front-line soldier and military historian V.M. Kovalchuk
- В.В. ИЗОНОВ** — Крылья над морем 79 **V.V. IZONOV** — Wings over the sea

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 6, 21, 50;
WWW.MIL.RU — 37; ХРОНОГРАФ — 40;
К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 71;
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА — 80

SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 6, 21, 50;
WWW.MIL.RU — 37; CHRONOGRAPH — 40;
TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE" — 71;
INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE — 80

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

4 (564)

The Journal of Military History
2007 April

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Лавровая петля
генерал-лейтенанта
А.А. Власова

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

«Поучение о хлебе
я адресовал
И.В. Сталину»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941—1945 гг.
Мобилизация женщин
в Красную армию
в годы фашистского
нашествия

АРМИЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИИ

Мусульманское
духовенство в годы
Великой
Отечественной войны
1941—1945 гг.

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Деятельность
Императорского
русского военно-
исторического
общества.
1907—1917 гг.

Военное книгоиздание
в России при Петре I

ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

«Среди зарубежных
морских писателей
Н.А. Монастырев
занимает одно
из видных мест»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по истории

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛБЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор запаса, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооруженных сил, полковник запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Румынии (Бухарест)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:
Р.А. АЛИЕВ:
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
В.Г. КИКНАДЗЕ, капитан 3 ранга, кандидат военных наук;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса, кандидат исторических наук;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, лейтенант;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
О.Р. СПИХИНА;
А.Н. ЧАБАНОВА
секретариат:
М.В. ЗАБРЮДИНА (заместитель ответственного секретаря редакции);
К.Н. АГАФОНОВА;
Е.В. КРИГЕР;
Ю.В. СНЕГОВА;
А.С. ФИЛИППОВА

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
Е.С. ДАНИЛИНА;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

ОТСТАИВАЯ ПРИНЦИПЫ НАУЧНОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТИ: КРИТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ «НЕТРАДИЦИОННЫХ» ВОЕННЫХ ИСТОРИКОВ

В современных условиях системного кризиса общественного сознания методологические и мировоззренческие основания современной исторической науки России оказались размытыми. Усилия многих историков и людей, выдающих себя за таковых, направлены не на развитие лучших традиций отечественной науки и историческое просвещение граждан, а на погоню за сомнительной сенсационностью, всяческое «разоблачение» и «развенчание». Все эти исследователи с большим рвением пытаются изложить свою, «альтернативную» или «нетрадиционную» историю России, а фактически представить ее как непонятную, полуслучайную и алогичную. Часть «исторических писателей» откровенно перешла на позиции западных обществоведов, подхватила брошенные за ненадобностью знамена ушедших на пенсию советологов, и изучает Россию как чужую для себя страну, где жили и живут люди со странным и нерациональным сознанием. При отсутствии базовых принципов, под воздействием пресса различных СМИ у граждан России атрофируется способность к самостоятельному анализу. Результатом этого становятся размывание этнической самоидентификации, потеря социальной памяти, просто утрачивается здравый смысл. Для восстановления позиций научности редакция «Военно-исторического журнала» при поддержке авторского актива продолжает изучать конкретные проявления некомпетентности, недобросовестности и фальсификаторства в исторической науке.

СЭТОЙ точки зрения не может не привлечь внимания, например, книга военного историка А.Б. Широкограда «Тайны поля Куликова»*. Вообще-то, он известен как специалист по оружию и военной технике. Его же обращение в последние годы к жанру русской военной истории вряд ли можно признать успешным и полезным по своим результатам. Вначале вы-

скажу общее суждение о книге «Тайны поля Куликова», носящей весьма интригующее название: автор в погоне за сенсационностью представил читателям весьма поверхностное сочинение, вполне выявившее его стремление принизить, «развенчать» Куликовскую битву и в целом борьбу русского народа за освобождение от монгольского ига. При этом для него, как это сейчас модно, нет никаких авторитетов, он очень критичен в отношении других историков, считая себя, видимо, самым компетентным в освещении тех или иных проблем.

Перейдем к конкретным вопросам, затронутым в книге. В начале своего повествования о Куликовском сражении А.Б. Широкоград подчеркнута торжественно ставит под сомнение «символ веры наших историков — "Куликовская битва переломила хребет Золотой Орде"» (с. 109). Но сразу же хочется спросить, у какого настоящего историка автор обнаружил такой странный и громкий тезис? Не хотелось бы здесь еще раз излагать действительную, давно известную оценку роли и значения Куликовской битвы (особенно в нравственно-духовном отношении). Замечу лишь, что очень удивляет то, что руководствуясь именно такой странной изначальной целью, автор с завидным упорством стремится внушить читателям мысль о преходящем, незначительном характере Куликовской битвы. Оказывается, «ходил Мамай на Русь за... «зипунами», то есть попросту подкормиться и приодеть свою орду и на награбленные деньги нанять еще войско» (с. 131). А тут еще князь московский Дмитрий Иванович рассердил Мамаю задержкой с выплатой дани «из-за «замятни» в Орде, когда попросту неясно было кому платить, а кому нет» (с. 131). Так что ничего особенного на Куликовом поле в 1380 году не произошло, а Дмитрий Иванович вскоре безропотно возобновил выплату дани ордынскому хану Тохтамышу, совершившему набег на Москву в 1381 году.

А.Б. Широкоградом используются и другие приемы, чтобы «развенчать» Куликовскую битву. Кто именно составлял «бесермен-

* Широкоград А.Б. Тайны поля Куликова. М.: Вече, 2005.

ское» войско Мамаю, мол, доподлинно неизвестно, какова была численность сражавшихся войск, тоже неясно. Да и место битвы, собственно, определено потомками случайно: оно было указано в начале XIX века помещиком из Тульской губернии «масоном» С.Д. Нечаевым, которому очень захотелось, чтобы памятник героям Куликовской битвы поставили на земле, ему принадлежавшей (с. 143). Фактически автор иронизирует над исторической памятью русского народа.

АВТОР многозначительно замечает, что Псковская летопись за 1380 год лишь «кратко упоминает сражение на Куликовом поле в длинном списке житейских событий за год» (с. 146). Установка читателю дана, а ведь если подумать и разобраться, то невнимание Пскова к рассматриваемому событию было вполне объяснимо. Псков тогда не ощущал своего единства с другими русскими землями, поскольку в период феодальной раздробленности, описанной, кстати, во всех учебниках истории, он, как и Новгород, жил тогда независимо от Москвы, они и позже всячески боролись против объединения Москвой Руси в единое государство.

Особое место А.Б. Широкоград уделяет унижению великого князя Дмитрия Ивановича. Он с удовольствием цитирует профессора З.З. Мифтахова (автора изданного в 2002 г. в Казани «Курса лекций по истории татарского народа»), который уничижительно отзывается о поведении Дмитрия Донского на поле боя. Великий князь, боясь за свою жизнь и возможного плена, «решил вообще не участвовать в бою, а отсидеться где-нибудь подальше...» (с. 146), подчеркивает Широкоград, а насчет переодевания великого князя в одежду своего ближнего боярина и вовсе заявляет: «Любой командир Красной армии от лейтенанта до маршала, повторивший действия Дмитрия Донского, однозначно был бы расстрелян военным трибуналом и даже без суда и следствия» (с. 146). Можно ли тут обнаружить мышление историка Древней Руси, знающего свой предмет? Факты интерпретируются в угоду изначальной концепции, история превращается в фарс.

Здесь следует вернуться к «зипунам». Пограбить чужое добро, подкормиться, по мысли автора, было занятием не только Мамаю и других ордынцев, но и русских «вольных людей» — ушкуйников. И тут он делает «открытие»: оказывается, «за два десятилетия ушкуйники убили куда больше татар, чем войско Дмитрия Донского на Куликовом поле. Но в условиях полигамии в Орде за 1380 год родилось на два порядка больше мальчиков, чем было убито в боях с русскими с 1360 по 1380 год. Так что ни Дмитрий, ни Прокоп** физически не могли сломить хре-

бет Золотой Орде» (с. 109). Видимо, настоящий историк вслед за этим должен был бы подробно осветить и раскрыть те обстоятельства и факторы, которые привели к освобождению Руси от монгольской зависимости, но этого мы в книге при всем желании не найдем. Есть лишь сбивчивый, фрагментарный рассказ о бесконечных междоусобных расправах русских князей и их заискивании перед монгольскими ханами вкупе с такими утверждениями: «Как мы знаем, Москва возвысилась только с помощью «татарского батога»... И московские князья начали создавать российское самодержавие по образцу Золотой Орды...» (с. 287).

ПРИМЕРЫ поверхностности с элементами «сенсационности» содержатся и в книге А.А. Бычкова «Московия. Легенды и мифы: Нетрадиционная история России»***. Автор поставил перед собой цель «разобраться в том, что же в действительности происходило на территории России с древнейших времен до XVII века» (с. 3). Не вдаваясь в анализ всего содержания книги, довольно запутанной по структуре и логике, приведем пример о той же Куликовской битве. Автор, осуществляя «новое прочтение» памятника древнерусской литературы XIV века — «Задонщины», сообщает читателям, что «Куликовская битва произошла в 1384 году на территории современной Москвы, к югу от Донского монастыря (в начале Загородного шоссе)» (с. 265). Как видим, у «сногшибательных историков» Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко (авторов теории «новой хронологии» истории России) появился новый сторонник. Оригинальная концепция подкрепляется такими «открытиями»: не Куликово поле, «а Кулигово, то есть Дальнее, не примыкающее непосредственно к поселению», а Дон, вблизи которого происходило сражение с Мамаем, это не Дон-Танаис на юге Руси, а «славянское название Москвы-реки... Дон и Москва — одна и та же река, но первое название — русское, второе — финское».

В связи со «Сказанием о Мамаевом побоище», а затем с описанием «стояния на Угре» в 1480 году (войск Ивана III и хана Ахмата) читатель может почерпнуть у А.А. Бычкова и такую идею в духе «новой хронологии»: «Сказание о Мамаевом побоище» — документ о событиях 1479—1480 годов. Просто имя Ивана III заменено именем Дмитрия Донского, а имя Ахмата заменено Мамаем. И никакой Куликовской битвы» (с. 277). Сколь-нибудь убедительного научного обоснования этой гипотезы у автора не найти, главное выглядит сенсационным.

СВОЕЙ тенденциозностью и пренебрежительным отношением к отечественной военной истории отличается книга В.А. Красикова «Победы, которых не было»****. Само название книги, в которой ав-

** Прокоп — новгородский воевода-ушкуйник.

*** Бычков А.А. Московия. Легенды и мифы: Нетрадиционная история России. М.: Астрель, 2005.

**** Красиков В.А. Победы, которых не было. М.: Нева, 2004.

тор стремится «развенчать» военные победы России и СССР, говорит само за себя. Начиная от «призвания викингов-варягов на Русь» и до сегодняшних дней все в военной истории нашей страны В.И. Красикову представляется чем-то ущербно-неполноценным, мрачным и едва ли не постыдным. К этому настраивают читателя и названия глав: «Полтава не по Пушкину», «Альпийская осечка» (о походах А.В. Суворова), «Так кто же выиграл Бородинскую битву?» и т.д.

Идеологическое кредо этого писателя-журналиста либерального направления — сожаление о том, что Россия ушла в сторону «от цивилизации, основанной германскими племенами», и о том, что «русские по сей день не могут полноценно в нее интегрироваться» (с. 30). Рассматривая крупнейшие военные победы русской и Советской армий, те, которыми гордится наша страна, автор на глазах изумленных читателей обращает их в свою противоположность — поражения и позор. Расчет делается на эпатаживание, ошеломление читателя.

Например, описывая Полтавскую битву, Красиков стремится поражение шведов объяснить чередой случайностей. Едва ли не главной причиной разгрома шведской армии, он считает вражду между главными помощниками короля Карла XII фельдмаршалом Реншельдом и генералом Левенгауптом. После же бегства к Переволочне Левенгаупт, по его мнению, конечно, мог бы развернуться и разгромить русских, но ему стало жаль крови шведских солдат (с. 52). О военном искусстве русского командования, героизме русских солдат и усилиях всего народа в Северной войне на всем протяжении ее описания — ни слова. На первом месте у автора такой тезис: победа в этой войне «добывалась, во-первых, за счет непосредственного интеллектуального заимствования у западных специалистов, а, во-вторых, за счет расхода огромных материальных и человеческих ресурсов» (с. 53). А реформаторский урок Петра I состоял «в том, что он указал единственно возможный путь качественного улучшения дел в российской армии, успешно опробованный еще в эпоху викингов, — путь массового приглашения в нее западных военных специалистов» (с. 56). Глубину общественной мысли в этих тезисах вряд ли стоит искать. Автор-либерал, видимо, и сегодня хотел бы рекомендовать России массовое приглашение в российскую армию западных военных специалистов из НАТО.

ГОВОРИЯ о периоде Отечественной войны 1812 года, В.А. Красиков вынужден признать, что русская армия по своим профессиональным качествам тогда в Европе «котировалась высоко». Однако французская армия, по его мнению, все

равно была куда лучше, и не она, а именно русские на следующий день после Бородинского сражения «оказались не в состоянии продолжить битву. Тактическое военное поражение, таким образом, налицо», а «разговоры о моральной победе также сомнительны» (с. 78). Так что последующее прославление Россией Бородинского сражения это всего лишь «своеобразная аберрация общественного сознания» (с. 79).

Журналисту-западнику, конечно, хотелось бы отменить дни воинской славы России, а коли этого сделать нельзя, то надо их хотя бы оболгать. И он продолжает: «Кампания 1812 года была выиграна главным образом в результате войны «на измор» и энергичных партизанских действий, а не путем разгрома Бонапарта в открытых полевых сражениях» (с. 80). Но, во-первых, еще Древний Рим выиграл борьбу с Ганнибалом путем ведения войны с Карфагеном «на измор», военная стратегия может и должна быть различной, что в 1812 году убедительно и продемонстрировал русский полководец М.И. Кутузов. А, во-вторых, после Бородине не французская, а именно русская армия доказала свое превосходство в сражениях под Малоярославцем, Вязьмой, Красным и Молодечно, а позже в Заграничных походах 1813—1814 гг. на полях Европы.

При обращении к событиям Великой Отечественной войны автор-критик вновь одержим идеей развенчать победы Красной армии, обратив их в поражения или, по крайней мере, принизив значение. Так, рассматривая итоги Курской битвы, журналист пишет: «Нельзя не признать, что в известной степени немцам удалось добиться желаемого» (с. 290). В.А. Красиков едва ли не в восторге от военного искусства немецко-фашистского командования, которое, оказывается, борьбой в Курской битве смогло выиграть время и задержать наступление Красной армии «вплоть до осени». Надо ли тут о чем-то спорить, если автор просто не хочет признать всем известную истину, что именно в результате Курской битвы немецкая армия утратила способность к ведению стратегического наступления, и ее разгром стал делом времени и военного искусства советского командования. Военачальники же Красной армии за эту битву заслужили от журналиста лишь упрек за традиционное незнание азов «науки правильной войны»: «создай советское командование еще большее превосходство в силах и с самого начала не отдавай инициативу неприятелю», тогда, мол, успех был бы полным (с. 292). То есть надо было повести встречные сражения с наступавшей почти миллионной группировкой противника? Для военных людей такая «наука правильной войны» выглядит крайне странно.

НАЧИНАЯ с Полтавской битвы, при описании битв и сражений русской и Советской армий В.А. Красиков уделяет повышенное внимание численному соотношению сил сторон и их потерь. Ясно, что при этом называется максимально заниженная (из возможных цифр) численность вражеских войск и их потерь и одновременно максимально возможная численность русских (советских) войск и их потерь. Цифрам советских источников, да и, например, современной российской «Военной Энциклопедии» журналист, конечно, не доверяет. Не будем детально разбирать приводимую им тенденциозную статистику, хотя следует признать, что военная статистика советского времени долгое время действительно грешила искажениями данных о соотношении сил, цене побед и поражений. Но для примера приведем сведения Красикова о количестве немецких и советских солдат, не вернувшихся с советско-германского фронта Второй мировой войны, — 2,8 и 19,5 млн человек соответственно (с. 29). Для чего автор дал эти цифры, думается, понятно, другой вопрос, чем именно они обоснованы, каково их конкретное происхождение? Где и каким образом некий «Русско-Балтийский информационный центр», на который автор ссылается как на источник, в 1995 году вывел цифру в 19,5 млн не вернувшихся с фронта советских солдат?

Как пытается убедить читателей автор, Советский Союз в Великой Отечественной войне «спасла огромная территория, многолюдное население и флот англосаксов» (с. 28). «Полностью в русле азиатских традиций лежат и последующие четыре десятилетия» (с. 29). «То, что Россия — явление во многом иррациональное и «непрактичное», уже давно ни для кого не секрет» (с. 97). Эти цитаты в полной мере отражают глубоко антипатриотическую идеологическую установку, которую автор со всем старанием отразил в своей книге.

Рассмотренные выше публикации имеют крайне сомнительную научную значимость. Вдохновляясь определенными идеологическими установками (да и, видимо, ожиданиями гонораров), авторы «смело» осветили темы, для изучения которых требуются специальные знания, навыки историка-исследователя, огромный кропотливый труд по осмыслению фактов и событий, не говоря уже о предельной осторожности в исторических обобщениях и оценках. Думается, что российской военно-исторической науке следует больше внимания уделять критике недобросовестных изданий, защищая ценности нашего Отечества и отстаивая принципы научности и объективности.

Д.М. КОЛОМЫЦ

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ТАРХАНАХ

В ПЕНЗЕНСКОЙ области, на территории Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» прошла научно-практическая конференция «М.Ю. Лермонтов в русской культуре XIX—XXI веков», посвященная 165-й годовщине со дня гибели поэта.

М.Ю. Лермонтов известен как поэт-офицер, участник военных действий на Кавказе в 1840—1841 гг. Особый интерес ученых из Москвы, Ярославля, Рязани, Пензы, работников музея, а также руководства Пензенской областной организации Российского союза ветеранов Афганистана вызвала работа в рамках конференции секции «М.Ю. Лермонтов и русская армия», которая была организована впервые по инициативе Международного общественного движения «Славяне» и Скобелевского комитета.

Заседание секции открыл ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, вице-президент Скобелевского комитета, доктор географических наук В.И. Гусаров, выступивший с докладом «М.Ю. Лермонтов — однополчанин М.Д. Скобелева по Гродненскому гусарскому полку». В докладе отмечалось, что лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, созданный в феврале 1824 года, впоследствии стал одной из прославленных частей русской армии. Представителями разных поколений гродненских гусар были поэт М.Ю. Лермонтов и будущий известный военачальник М.Д. Скобелев.

Выступление кандидата исторических наук, доцента Ярославского военного финансово-экономического института полковника С.Л. Воронцова было посвящено анализу военно-исторической (военной) темы лермонтовских произведений, которая, по мнению выступавшего, красной нитью проходит через все творчество поэта. Наиболее известными стихотворениями этого направления являются «Война» (1829), «Поле Бородина» (1831), «Бородино» (1837), «Валерик» (1840).

В выступлении аспиранта Пензенского государственного университета А.М. Смирнова «Сотня Дорохова-Лермонтова в контексте боевых действий Большой Кавказской войны (1817—1864 гг.)» подробно раскрыто участие поэта в военных действиях в октябре—ноябре 1840 года на территории Чечни.

Завершило работу секции выступление сотрудника Лермонтовского музея-заповедника Е.Б. Родиной, рассказавшей о проекте военно-патриотического направления в работе коллектива музея-заповедника совместно с руководством Пензенского высшего военного артиллерийского и Тамбовского высшего военного авиационного училищ (военных институтов), Пензенского совета ветеранов боевых действий «Росичи» и областной организации Российского союза ветеранов Афганистана.

В заключение В.И. Гусаров отметил, что образ М.Ю. Лермонтова, его поэзия должны активно использоваться для военно-патриотического воспитания молодежи. Призванием этого является знак «За службу на Кавказе», врученный музею в 2005 году от имени военного совета и всего личного состава Группы российских войск в Закавказье.

С. Л. ЛЬВОВ

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г.К. ЖУКОВ:

«ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Г.Ф. ВОРОНЦОВ... ПО ХАРАКТЕРУ ВОЛЕВОЙ, СМЕЛЫЙ И РЕШИТЕЛЬНЫЙ»

Генерал-полковник
Г.Ф. Воронцов
1965 г.

ГЕРМАН Федорович Воронцов родился 12 (25) мая 1907 года в г. Карабаново (тогда Александровского уезда Владимирской губернии) в семье рабочего. После окончания фабричной трудовой школы он 16-летним юношей поступил на фабрику имени 3-го Интернационала (бывшая мануфактура братьев Барановых), где работали его родители. Начав с чернорабочего, трудолюбивый, сообразительный паренек вскоре освоил сложную профессию литейщика и оператора красильной машины.

Германа Федоровича всегда привлекала военная служба. Поэтому, как только ему исполнилось 19 лет, он добровольно вступил в Красную армию, получив назначение красноармейцем-сигнальщиком во 2-й отдельный кавалерийский полк Краснознаменной Дальневосточной армии. Однако в связи со смертью отца, Федора Федоровича Воронцова, его отправили в долгосрочный отпуск, и он снова пошел работать на фабрику, чтобы содержать семью.

В начале 1930-х годов обстановка в стране и материальное положение в семье Воронцовых изменились к лучшему. Это дало возможность Герману Федоро-

Герман Федорович Воронцов принадлежит к числу видных советских военачальников, которые прошли суровую трудовую и ратную школу напряженных предвоенных лет, ожесточенных боев и сражений Великой Отечественной войны и опасного периода военно-политического противоборства между СССР и США, отдав свои силы и незаурядные способности делу защиты Родины и отстаивания ее интересов. От чернорабочего до руководителя крупными воинскими коллективами, от красноармейца до генерал-полковника — таков был его жизненный путь.

Г.Ф. Воронцов с первого и до последнего дня Великой Отечественной войны являлся активным ее участником. В послевоенные годы последовательно был начальником штабов армии, Воздушно-десантных войск, ряда военных округов, работал на ответственных должностях в Генеральном штабе, возглавлял особый факультет Военной академии Генерального штаба. Уделял большое внимание совершенствованию работы штабов и внес немалый вклад в развитие военного искусства.

вичу окончить вечерний рабфак и летом 1931 года поступить на вечернее отделение Московского института архитектуры. У него были большие способности к рисованию. Забегая вперед, скажем, что благодаря этому он впоследствии стал высококлассным специалистом в нанесении на карту решения командующего и разработке других графических документов.

Но студенческая жизнь длилась недолго. Через месяц Германа Федоровича снова призвали в армию и по путевке комсомола направили в Орловскую бронетанковую школу красных командиров. В мае 1932 года Воронцов окончил школу и в звании лейтенанта был назначен командиром танкового взвода 4-й стрелковой дивизии Киевского военного округа. Насколько успешно Герман Федорович справился со своими обязанностями, свидетельствует тот факт, что летом 1937 года его, уже старшего лейтенанта, с

должности командира учебной танковой роты 133-й танковой бригады по рекомендации командования последней направили на учебу в Военную академию имени М.В. Фрунзе.

В академии Г.Ф. Воронцов постигал тактику и оперативное искусство под руководством высококвалифицированных военных педагогов и теоретиков, среди которых были Р.Я. Малиновский и А.И. Антонов. Не пройдет и нескольких лет, как в годы войны он будет работать в войсках и штабах, возглавляемых этими военачальниками.

Академию Герман Федорович окончил в 1939 году с отличием. В представлении на присвоение ему очередного звания капитан, подписанном начальником и комиссаром курса полковниками Ступниковым и Виноградовым соответственно, сказано: «Ударник учебы. Взаимоотношение с товарищами отличное. Служит примером в группе. Волевой, требовательный, энергичный и инициативный ко-

мандир. Умеет образцово организовать свою работу. Правильно организует взаимодействие родов войск в общевойсковом бою. Стреляет из танкового оружия хорошо. Знание матчасти машин и вождение хорошие». После окончания учебы в академии капитан Г.Ф. Воронцов вернулся в Киевский Особый военный округ, где был назначен заместителем по тылу начальника штаба 4-й стрелковой дивизии.

ПЕРВОЕ боевое крещение Герман Федорович получил во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В условиях лютых морозов и бездорожья, под огнем финских «кукушек» он успешно справился с обеспечением частей 4-й стрелковой дивизии 13-й армии Северо-Западного фронта всем необходимым для боя, за что был награжден орденом Красной Звезды.

В сентябре 1940 года Г.Ф. Воронцова назначили с повышением старшим помощником начальника отдела автобронетанкового управления Закавказского военного округа, командующим которым в те годы был генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, а начальником штаба генерал-майор Ф.И. Толбухин.

Начало Великой Отечественной войны Г.Ф. Воронцов встретил офицером для особых поручений при командующем войсками Закавказского военного округа, вскоре переименованного в Закавказский фронт, который уже в то время не был глубокоим тылом. В конце августа 1941 года обстановка на южной границе Советского Союза осложнилась из-за стремления Германии создать здесь плацдарм для наступления в Закавказье. Чтобы отвести эту угрозу, СССР (на основании советско-иранского договора 1921 г.) временно ввел свои войска в северную часть Ирана, где они заняли ключевые районы. Тут же были приняты меры по пресечению подрывной и шпионско-диверсионной деятельности наводнившей страну немецко-фашистской агентуры.

В связи с большой разбросанностью и удаленностью соединений и частей от пунктов управления военный совет Закавказского фронта направил в войска, действовавшие на важнейших участках, своих представителей. Находясь в гуще событий, эти представители напрямую докла-

Чернорабочий ткацкой фабрики имени 3-го Интернационала Герман Воронцов
1924 г.

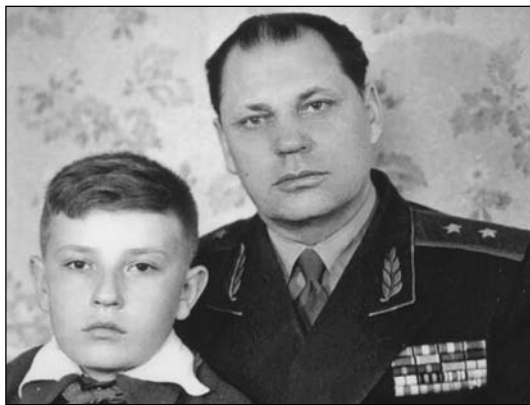
Старший помощник начальника отдела автобронетанкового управления ЗакВо капитан Г.Ф. Воронцов на отдыхе с женой Натальей Андриановной
18 июля 1940 г.

дывали командованию реальную обстановку. В их числе был и Г.Ф. Воронцов, которому за успешное выполнение заданий военного совета фронта в войсках, находившихся в Иране, досрочно присвоили звание майор.

Г.Ф. Воронцов был участником Керченско-Феодосийской десантной операции Закавказского (с 30 декабря 1941 г. Кавказского) фронта и последующих боев за Крым. В то же время он продолжал выполнять различные поручения командующего, нередко находясь на переднем крае. Был контужен, но не покинул район боевых действий. Командующий фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов так отзывался о Германе Федоровиче: «Грамотный во всех отношениях штабной строевой командир. Дисциплинирован, инициативен, правдив. В бою спокоен и выдержан. Будучи на фронте, выполнял точно и в срок ответственные задания в сложных условиях боевой обстановки».

Как известно, войска Красной армии в Крыму в то время потерпели поражение. В начале мая 1942 года враг нанес сильный удар по соединениям и частям Крымского фронта (образован 28 января 1942 г.) и 16 мая овладел Керчью, вынудив защитников Керченского полуострова эвакуироваться на Северный Кавказ. Севастополь был также оставлен советскими войсками.

Г.Ф. Воронцов с сыном Борисом
Вюнсдорф (ГДР),
1960 г.

КРЫМСКИЙ фронт после неудачных боев был расформирован, а генерала Д.Т. Козлова назначили командующим вновь формируемой 9-й резервной армией, позже переименованной в 24-ю армию. В первое управление этой армии прибыл и майор Г.Ф. Воронцов с назначением заместителем начальника оперативного отдела штаба армии. В рядах этой армии Герман Федорович прошел боевой путь от Сталинграда до Вены.

В начале у Г.Ф. Воронцова не все ладилось: сказывалось отсутствие навыков оперативной работы. Первое время он не мог охватить весь сложный и обширный комплекс задач, решаемых ведущим отделом штаба армии. Вместе с тем солидная теоретическая подготовка, уже приобретенный боевой опыт, природная смекалка, высокая работоспособность и ответственное отношение к делу помогли Герману Федоровичу занять подобающее место в работе штаба армии при планировании операций и обеспечении управления войсками в ходе военных действий.

Вновь созданная армия активно участвовала в обороне Ста-

линграда и уничтожении окруженных немецких войск. Для Г.Ф. Воронцова эти сражения явились школой становления его как высококвалифицированного штабного офицера. В сентябрьские дни 1942 года на командном пункте 24-й армии побывал первый заместитель народного комиссара обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г.К. Жуков. Тогда и произошла встреча Германа Федоровича с легендарным полководцем, которому он, исполняя обязанности начальника оперативного отдела штаба армии, доложил выводы из оценки обстановки в полосе армии и ее соседей.

После победы советских войск под Сталинградом подполковник Г.Ф. Воронцов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Вот выписка из наградного листа: «Товарищ Воронцов четко выполняет возложенные на него задачи по планированию боевых действий войск армии, много работает над вопросами контроля и проверки выполнения боевого задания войсками... неоднократно выезжал на поле боя и выполнял ряд решений военного совета армии. В процессе боевых действий войск личная плодотворная работа товарища Воронцова во многом способствовала успешному действию войск армии по обороне Сталинграда и уничтожению окруженной группировки противника...».

16 апреля 1943 года 24-я армия стала 4-й гвардейской. В составе Воронежского фронта она приняла участие в Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции, прове-

Г.К. Жуков и Г.Ф. Воронцов
Сталинградский фронт,
1942 г.

денной с 3 по 28 августа 1943 года в ходе контрнаступления советских войск под Курском. Развивая наступление, армия освободила многие районы Левобережной Украины, вышла к Днепру и после непродолжительной подготовки в октябре успешно форсировала реку. В этих боях вновь отличился Г.Ф. Воронцов, которому присвоили звание гвардии полковник и наградили орденом Отечественной войны 1-й степени. В представлении к награждению, военный совет армии отмечал: «Товарищ Воронцов правильно и быстро оформлял решения командующего армией и своевременно доводил задачи до исполнителей. Активно участвовал в разработке планирующих документов и в организации взаимодействия родов

Встреча в аэропорту.
Начальник штаба Закавказья
генерал-лейтенант
Г.Ф. Воронцов и начальник
Генерального штаба
армии Ирана
1958 г.

войск. Постоянно и глубоко знал оперативную обстановку, при докладах давал ей правильную оценку... В период подготовки к форсированию р. Днепр, в ходе форсирования реки и при бое на ее противоположном берегу своей работой обеспечивал контроль за выполнением войсками боевых задач, в том числе с выездом на командные пункты корпусов и дивизий».

В декабре 1943 года, когда 4-я гвардейская армия вела тяжелые бои за расширение днепро-розовского плацдарма на криво-розовском направлении, при выезде на передовые позиции машина Германа Федоровича подорвалась на mine, а сам он был контужен и тяжело ранен с переломом обеих ног. Понадобилась длительная госпитализация.

ПОЛНОСТЬЮ не закончив лечение в госпитале, Г.Ф. Воронцов в апреле 1944 года возвратился в 4-ю гвардейскую армию и занял должность начальника оперативного отдела ее штаба. В этой должности он принял участие в освобождении Молдавии и планировании действий армии в Ясско-Кишиневской наступательной операции. Несмотря на последствия тяжелого ранения (не полностью восстановленная подвиж-

Главнокомандующий ГСВГ
Маршал Советского Союза
М.В. Захаров (в центре),
справа начальник штаба
генерал-лейтенант
Г.Ф. Воронцов
Вюнсдорф (ГДР)

Переговоры Председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева с Председателем Высшего военного совета Лаоса генералом Тхао Синчано Чуннамсали
Москва, Кремль, 2 июня 1962 г.

ность ног), Герман Федорович с выездом в войска осуществлял контроль за выполнением ими плана операции. Родина высоко оценила его заслуги, наградив орденом Красного Знамени.

Пришла осень 1944 года. Соединения армии вступили на территорию Венгрии, форсировали Дунай и приняли активное участие в ожесточенных кровопролитных боях по разгрому в районе озера Балатон одной из крупнейших танковых группировок противника, пытавшейся нанести контрудар задержать наступление советских войск. 4-я гвардейская армия в этом сражении действовала на отдельном направлении 3-го Украинского фронта против превосходящих сил 6-й танковой армии СС, 6-й полевой немецкой и 3-й венгерской армий. Успех отражения вражеского удара зависел от быстроты перехода войск к обороне, создания противотанковых районов и рубежей, смелого маневрирования резервами на угрожаемые направления. С этими задачами командование и штаб армии, в том числе оперативный отдел штаба, возглавляемый гвардии полковником Г.Ф. Воронцовым, справились успеш-

но. Войска армии нанесли врагу значительный урон и, перейдя в решительное наступление, заняли город Секешфехервар, открыв путь на Вену. В конце декабря за успешное обеспечение руководства боевыми действиями войск армии в этих сражениях Германа Федоровича наградили орденом Кутузова 2-й степени.

В марте 1945 года командование и штаб 4-й гвардейской армии детально разработали план участия ее войск в Венской наступательной операции, которая прошла успешно и завершилась 13 апреля взятием Вены. 19 апреля Совет Народных Комиссаров СССР присвоил Г.Ф. Воронцову звание генерал-майор, а Президиум Верховного Совета за большой личный вклад, внесенный Германом Федоровичем в окончательный разгром немецко-фашистских войск награди его орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени.

После победы над Германией руководство 4-й гвардейской армии в составе генерал-лейтенанта Н.Д. Захватаева (командующий), генерал-майоров К.Н. Деревянко (начальник штаба) и Г.Ф. Воронцова (начальник оперативного отдела), других офи-

церов, имевших большой опыт управления войсками в наступательных операциях, направили на Дальний Восток, чтобы возглавить 35-ю армию, которая должна была участвовать в войне с Японией.

Боевые действия в Маньчжурии начались 9 августа 1945 года и закончились через месяц полным поражением миллионной Квантунской армии, что предопределило капитуляцию Японии. В ходе Харбино-Гиринской наступательной операции 1-го Дальневосточного фронта генерал-майор Г.Ф. Воронцов успешно справился с обязанностями начальника штаба армии и за образцовое выполнение бо-

Встреча на Кубинской земле. Крайний слева – Г.Ф. Воронцов, второй – министр обороны Кубы Рауль Кастро Рус
Куба, 1964 г.

евых заданий был награжден орденом Суворова 2-й степени.

ВТОРАЯ мировая война закончилась. В феврале 1946 года Г.Ф. Воронцов поступил в Военную академию Генерального штаба. По окончании академии его направили служить в Архангельский военный округ на должность начальника оперативного управления, а через год назначили начальником штаба этого округа. В 1950 году по рекомендации начальника Генерального штаба генерала армии С.М. Штеменко Германа Федоровича переводят в Генеральный

Генерал-полковник Г.Ф. Воронцов во время переговоров с Ю. Цеденбалом
Улан-Батор, 1966 г.

штаб и назначают заместителем начальника управления оперативной подготовки Главного оперативного управления. В утвержденной лично Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым на него аттестации говорилось: «Генерал-майор Г.Ф. Воронцов за время работы в управлении показал себя дисциплинированным, требовательным и энергичным начальником. Имеет хорошую оперативно-тактическую подготовку и большой опыт штабной работы, накопленный во время Великой Отечественной войны, успешно осваивает организацию и методику оперативной подготовки. При выездах в войска правильно подмечает недостатки в подготовке штабов и помогает командованию устранять их в ходе учения. По характеру волевой, смелый и решительный. Способен навести твердый порядок и дисциплину. В работе настойчив, в суждениях прямолинеен».

В мае 1954 года за отличную службу, образцовое выполнение заданий руководства Генерального штаба и достигнутые успехи в боевой подготовке войск Г.Ф. Воронцову присвоили очередное воинское звание генерал-лейтенант, а в октябре того же года назначили начальником штаба Воздушно-десантных войск, которыми командовал Герой Советского Союза генерал-лейтенант (с 1967 г. генерал армии) В.Ф. Маргелов, посвятивший всю свою жизнь тому, чтобы «крылатая пехота» заняла достойное место в Советских Вооруженных Силах. В этом деле он нашел полное понимание и поддержку генерала Г.Ф. Воронцова и пребывал в полной уверенности, что любое служебное задание тот выполнит точно и в срок.

В конце июля 1956 года Г.Ф. Воронцов был назначен начальником штаба Закавказского военного округа, который возглавлял Герой Советского Союза генерал армии И.И. Федюнинский. У Германа Федоровича с ним сразу же сложились не только деловые, но и дружеские отношения.

После XX съезда партии, осудившего культ личности И.В. Сталина, особенно в связи с выносом его тела из Мавзолея, в Грузии начались националистические выступления, которые затем переросли в беспорядки. Участились случаи погромов и нападения на военнослужащих. Активизировались зарубежные спецслужбы. Через некоторое время обстановка в Грузии нормализовалась. Большую роль в этом сыграли четкие и взвешенные действия руководства округа, в том числе и Г.Ф. Воронцова.

Советская военная делегация во главе с начальником Генерального штаба ВС СССР Маршалом Советского Союза М.В. Захаровым (четвертый слева). Первый слева генерал-полковник Г.Ф. Воронцов

Египет, 1967 г.

В мае 1959 года Г.Ф. Воронцова назначили начальником штаба Группы советских войск в Германии (ГСВГ), которая являлась наиболее мощным и боеспособным объединением Советских Вооруженных Сил. Командовал ГСВГ в то время Маршал Советского Союза М.В. Захаров, которого сменил генерал-полковник И.И. Якубовский.

В 1961 году Германа Федоровича перевели в Москву и назначили заместителем начальника 10-го Главного управления Генерального штаба. Его деятельность в этом управлении трудно переоценить. Пользуясь авторитетом у министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского и начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза М.В. Захарова, он готовил многие документы и участвовал в переговорах в Кремле, которые проводили Н.С. Хрущев и А.Н. Косыгин с зарубежными военными делегациями, вел большую работу по укреплению боевого сотрудничества армий стран Варшавского договора, строительству и оснащению вооруженных сил других дружественных нам в то время стран.

ПО ДОЛГУ службы Г.Ф. Воронцов в составе правительственных и военных делегаций часто выезжал за рубеж, в том числе и в горячие точки: Монголию, Афганистан, Индонезию, Ирак, Египет, Сирию, Алжир, Сомали, Судан, Йеменскую Араб-

скую Республику и иные страны, где вел переговоры с руководителями этих государств: Ю. Цеденбалом, Г.А. Насером, Х. Асадом, Сукарно, Ф. Кастро Рус и другими по вопросам оказания им помощи в строительстве национальных вооруженных сил. Воинское звание генерал-полковник Герману Федоровичу было присвоено в 1965 году.

События, которые произошли в Венгрии (1956), Грузии (1957), Германии (1960) и Чехословакии (1968), в настоящее время оцениваются неоднозначно. Но нельзя отрицать тот факт, что Г.Ф. Воронцов, занимая высокие должности в Министерстве обороны, в любой обстановке честно и с отдачей всех своих сил, знаний и опыта выполнял возложенные на него задачи по укреплению Вооруженных сил и отстаиванию интересов нашей Родины. Свидетельство тому высокие правительственные награды, которыми был удостоен Герман Федорович после Великой Отечественной войны, — это орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени, два ордена Красной Звезды.

Осенью 1968 года Г.Ф. Воронцова назначили начальником особого факультета Военной академии Генерального штаба. Весь свой громадный военный опыт он передавал слушателям из иностранных армий.

В 1972 году генерал-полковник Г.Ф. Воронцов уходит в отставку и по распоряжению Правительства СССР становится пенсионером союзного значения.

Герман Федорович Воронцов — кандидат военных наук, лауреат премии имени М.В. Фрунзе. Участвовал в написании книги «50 лет Вооруженных Сил СССР», автор труда «Военные коалиции и коалиционные войны». Активно сотрудничал с «Военно-историческим журналом» и журналом «Советское военное обозрение».

25 апреля 1993 года перестало биться сердце генерал-полковника Г.Ф. Воронцова. Российская армия потеряла боевого и заслуженного генерала, преданного сына великой страны. Но память о Германе Федоровиче и его боевых товарищах жива. В районе Ясенево города Москвы усилиями руководства управы во главе с Ю.В. Никитенко и его заместителем Е.Б. Фадиной на базе школы № 780, директором которой является В.Я. Капул, создается музей, посвященный 4-й гвардейской армии. Хочется пожелать им успехов в этом прекрасном начинании.

Б.Г. ВОРОНЦОВ

НАПАДЕНИЕ НА АХУЛЬГИНСКИЙ БАТАЛЬОН. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ действительность революционных процессов, проходивших в начале прошлого века на Ставрополье, была частично искажена историками советского периода. Спустя столетие открываются новые данные, позволяющие не только переосмыслить некоторые события, но и более объективно оценить их. Это, в частности, относится и к факту декабрьского восстания Ахульгинского батальона в 1905 году, которое являлось по существу самозащитой личного состава от нападения казаков.

По официальной версии началось с того, что днем 22 декабря адъютант атамана пятигорского отдела полковника Краснова подъяесаул Метлин собрал по тревоге отряд казаков станицы Горячеводской и приказал им отправиться с ним в Пятигорск¹ для получения оружия в расквартированном там Ахульгинском батальоне, чтобы затем двинуться на Георгиевск с целью защиты артиллерийского склада от разграбления его местным населением, в основном ингушами, осетинами и чеченцами.

Собранную команду из 15 человек², вооруженную главным образом холодным оружием, Метлин привел в Пятигорск к казармам Ахульгинского батальона и потребовал выдать оружие. Однако ахульгинцы его требование выполнить отказались. Между тем к казармам стал стекаться народ, так как по городу прошел слух, что казаки разоряют солдат. Обстановка накалялась. Казаки попытались скрыться во дворе казарм, но солдаты приняли их в штыки³. Тогда казаки бросились бежать, толпа их преследовала, при этом раздавались выстрелы. Среди казаков появились раненые, на которых набрасывались, отнимали у них

оружие и били. На Царской улице, напротив аптеки Рахмалевица, убежавших казаков встретила вызванная из других казарм 4-я рота Ахульгинского батальона. Некоторые солдаты открыли огонь. В результате были убиты два казака — Егор Харламов и Сергей Бороденко, 8 казаков получили ранения⁴.

Но есть и другая версия происшедшего. В дни декабрьских событий 1905 года царские власти направили две сотни казаков станицы Горячеводской в Пятигорск для подавления революционного движения, прежде всего для разоружения бунтарского Ахульгинского батальона. Однако солдаты отказались сдать оружие, ударили в набат, к казармам стал стекаться народ, вооруженные дружинники. Казаки действительно попытались скрыться во дворе казарм, но их встретили в штыки. Тогда они побежали, преследуемые дружинниками и личным составом 4-й роты Ахульгинского батальона. В результате столкновения несколько человек было убито и ранено⁵.

Однако есть еще и свидетельства очевидца Д.Ф. Пащенко. Весь батальон был выстроен на плацу, а с другой стороны — группа казакостариков, которые объясняли, что на их станицу собираются напасть местные жители, преимущественно ингуши, и для защиты они просят выдать им оружие. Вдруг раздался провокационный выстрел, и солдаты стали стрелять без команды в толпу казаков. В результате 4 человека были убиты и несколько ранено. Д.Ф. Пащенко предполагает, что Метлину нужно было проверить отношение охваченных революционными настроениями солдат к казакам и спровоцировать кровопролитие⁶.

И, наконец, один из руководителей городской подпольной революционной организации И.В. Вакуленко утверждает, что казаков специально напоили и послали разоружать беспокойный батальон. Когда казаки пошли по улице Кабардинке, народ двинулся за ними, чтобы не допустить этого. Как только пьяная толпа подошла к войсковому двору, часовой, стоящий возле арсенала, выстрелил в воздух⁷.

Так или иначе, столкновение имело место. Вот только количество казаков, а это была нападавшая сторона, не могло быть столь ничтожно. Во-первых, что могли сделать 15 человек, во-вторых, даже если бы их требование было выполнено, сколько бы оружия они могли унести на себе? Так что версия о двух сотнях казаков правдоподобна более всего. Потому и личный состав батальона уже заранее был выстроен на плацу: солдаты решили защищаться всеми возможными средствами, опасаясь наказания за неподчинение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки истории Ставропольской организации КПСС // Под ред. Д.В. Кочуры. Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. С. 37.

² Тот факт, что казаков было именно 15 человек, подтверждает и товарищ прокурора Пятигорского суда А.Б. Гутковский в своем донесении прокурору Владикавказского окружного суда В.И. Стратонову.

³ Очерки истории Ставропольской организации КПСС. С. 37.

⁴ Пятигорск в исторических документах 1803—1917 гг. Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. С. 277, 278.

⁵ Пятигорский краеведческий музей. Инв. № 10071. Л. 154.

⁶ Там же. Инв. № 2958. Л. 7.

⁷ Там же. Инв. № 3225/2. Л. 19.

О.Н. БУГАЕВ

Н.Я. Кириченко

«ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК» Н.Я. КИРИЧЕНКО

РОДИЛСЯ Николай Яковлевич Кириченко 14 января 1895 года в слободе Уразово (в настоящее время — посёлок городского типа Уразово Валуйского района Белгородской области) в семье крестьянина. С раннего возраста почувствовав тягу к военному делу, он уже в девятнадцать лет стал унтер-офицером, а во время Первой мировой войны — ротмистром (1917). Командовал кавалерийским эскадронном, затем учебной командой. Вернувшись в конце 1917 года домой, возглавил Уразовский отряд Красной гвардии.

В марте 1918-го красный командир Кириченко становится командиром полка войск Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), в апреле — бригады, в июне, после месячного лечения раны, — сводно-го кавалерийского полка, партизанской бригады; в сентябре из-за ранения выбывает из строя. В августе 1919 года Н.Я. Кириченко стал помощником начальника отряда особого назначения 8-й армии, в сентябре — командиром 40-го стрелкового полка, а начиная с февраля 1920-го занимал должности командира 132-го стрелкового полка, 44-й бригады 15-й Пензенской (Сивашской) дивизии, повторно 132-го стрелкового полка.

Последующие годы были также богаты на частые перемены: учеба на Академических курсах высшего командного состава и в Военной академии механизации и моторизации РККА, служба в кавалерийских, стрелковых частях, нахождение в распоряжении Раз-

ведывательного управления Генерального штаба РККА.

В июле 1937 года, после того как советская политика в отношении казачества подверглась серьезной корректировке и были отменены ограничения в отношении службы казаков в РККА, Н.Я. Кириченко назначили командиром Терско-Ставропольской территориальной казачьей дивизии, преобразованной из 10-й кавалерийской и вошедшей в состав 4-го казачьего кавалерийского корпуса Северо-Кавказского военного округа (СКВО). В феврале 1939-го ему было присвоено звание комдив, а в июне 1940-го — генерал-майор.

Накануне Великой Отечественной войны большую часть всех казачьих и кавалерийских частей расформировали, передав их личный состав в танковые и механизированные войска. Так, на основе прежних кавалерийских частей СКВО сформировался 26-й механизированный корпус в составе 19-й армии, командиром которого в марте 1941 года и стал Н.Я. Кириченко. Однако с началом боевых действий, когда танково-механизированные войска РККА понесли значительные потери, в связи с чем резко снизилась подвижность частей Красной армии, советское руководство приняло решение о создании кавалерийских дивизий легко-го типа (без артиллерийских и танковых полков). В ходе оборонительных боев они прикрывали отход других соединений, наносили контрудары по флангам и тылу прорывавшихся группировок противника, дезорганизовывали их управление и снабжение, а при переходе в наступление — преследовали неприятеля, нарушали его коммуникации, осуществляли рейды по вражеским тылам. Именно в этот период (с 26 июля 1941 по 11 января 1942 г.) Н.Я. Кириченко

возглавлял 38-ю кавалерийскую дивизию, прославившуюся в боях в Украине и первой в кавалерии получившую орден Красного Знамени; комдив же был награжден орденом Ленина. В первой половине 1942 года Н.Я. Кириченко в течение трех месяцев командовал 14-м кавалерийским корпусом и несколькими неделями — 51-й армией, эвакуированной из Крыма. 29 мая он возглавлял 17-й казачий кавалерийский корпус, сформированный на добровольных началах в составе 12-й и 13-й Кубанской и 116-й и 15-й Донской казачьих кавалерийских дивизий.

НАСТОЯЩИМ боевым крещением для казаков, руководимых генералом Н.Я. Кириченко, оказались ожесточенные схватки с противником, прорвавшимся с севера на территорию Кубани, в конце июля — начале августа 1942 года. Для того чтобы восстановить положение, командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С.М. Буденный приказал 17-му казачьему кавалерийскому корпусу занять оборону по южному берегу реки Ея на рубеже станиц Кущевская, Шкуринская, Канеловская, Старощербиновская. Утром 31 июля немецкая пехота начала наступление на позиции 12-й Кубанской и 116-й Донской кавалерийских дивизий, оборонявших станицы Шкуринскую и Канеловскую. Казаки перешли в контратаку и сумели отбросить противника, в то время как части соседней 18-й армии продолжали отступать, оставив станицу Кущевскую. С наступлением ночи 15-я кавалерийская дивизия попыталась выбить оттуда противника, но не смогла, не получив поддержки пехоты.

Командование корпуса, учитывая, что противник, готовясь перейти в наступление, подтягивает резервы, решило упре-

дять его и ввести в бой находившуюся во втором эшелоне 13-ю дивизию при поддержке танковой бригады, сформированной из курсантов Орловского танкового училища имени М.В. Фрунзе и 267-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона. В ночь на 2 августа дивизия совершила 45-километровый переход под Куцевскую. Продвигаясь по пересеченной местности, 29-й Ады-

активных действий. Военный совет Северо-Кавказского фронта 5 августа 1942 года направил командованию 17-го казачьего кавалерийского корпуса приветственную телеграмму, поздравив «со славной победой, одержанной в бою с фашистскими гадами в станицах Куцевской, Шуруинской и Канеловской»¹.

В июле 1942 года корреспондент «Красной звезды»

менты, преувеличения, и не только со стороны Н.Я. Кириченко, допускались, иногда нарочито, иногда ошибочно, поскольку в боевой обстановке действительно трудно было точно оценить нанесенный врагу урон. Нередко в донесениях суммировались данные разных родов войск (пехоты, артиллеристов, танкистов, кавалеристов и т.д.), приписывавших каждый себе общий успех. Известен, например, случай, когда на Закавказском фронте, в состав которого вскоре вошел корпус Н.Я. Кириченко, его командующий генерал армии И.В. Тюленев отчитывал командарма-37 за сведения о том, что противник, судя по донесениям штаба армии, давно разбит и уничтожен, в то время как тот наступал и наносил армии большой урон⁴.

Объективность боевых донесений «казачьего генерала», как сам себя величал Н.Я. Кириченко, подвергалась сомнениям даже на самом высоком уровне. Так, в начале 1943 года первый заместитель наркома обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г.К. Жуков представил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову докладную записку о результатах специального расследования, проведенного главным инспектором кавалерии генерал-полковником О.И. Городовиковым. В документе отмечалось, что факты систематического преувеличения потерь противника штабом корпуса подтвердились. В то же время подчеркивалось, что в бою корпус зарекомендовал себя стойким соединением, а решения его командира в целом были правильными. Г.К. Жуков при этом просил Г.М. Маленкова «при определении заслуг т. Кириченко иметь в виду его личную характеристику»⁵.

В общем же Н.Я. Кириченко имел высокую репутацию не только у Г.К. Жукова. Заслуженной славой пользовалось и возглавляемое им соединение. Именно поэтому 27 августа 1942 года 17-й корпус был преобразован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский, а его командиру присвоили звание генерал-лейтенант. В

КАЗАКИ яростно рубили вражеских солдат шашками, на галопе подлетали к танкам и поджигали их бутылками с горючей смесью

гейский и 32-й Курганинский полки сумели выйти на указанное место, но с опозданием, только к 10 часам утра, сорвав таким образом запланированную на ночь атаку. Хотя осуществить ее днем, на открытом пространстве, утратив возможность внезапности, было гораздо сложнее, командир корпуса не отменил своего решения. Атаковавшие полки 13-й кавалерийской дивизии, оказавшись под сильным ружейно-пулеметным, артиллерийским и минометным огнем противника и неся большие потери, не дрогнули. Казаки яростно рубили вражеских солдат шашками, на галопе подлетали к танкам и поджигали их бутылками с горючей смесью.

В ходе напряженных боев Куцевская несколько раз переходила из рук в руки, в конце концов оставшись за врагом, сумевшим вовремя усилиться мотопехотой и танками при полном господстве в воздухе. Не имея поддержки соседних частей, казаки отошли на исходные рубежи. Примерно в то же время части вермахта вышли в тылы корпуса, из-за чего 12-я кавалерийская дивизия была вынуждена занять круговую оборону в станице Шуруинской, а 116-я четверо суток вела тяжелые оборонительные бои в районе станицы Канеловской, решительными контратаками разгромив полк 198-й немецкой пехотной дивизии. Не добившись успеха в этом районе, немецкие войска вынуждены были изменить направление

П.И. Трояновский прибыл в Краснодар, где его с группой военных журналистов принял С.М. Буденный, предложивший им обязательно съездить в 17-й кавалерийский корпус. «Им командует генерал Кириченко, — пояснил он. — И сразу же скажу, что дерутся с врагом казаки отменно!.. На первый взгляд может показаться нелепым: кавалерия, дескать, против танков. Но в корпусе тоже имеются танки. Правда, их мало, но генерал Кириченко умело их использует. Выше всяких похвал действуют и его артиллеристы... Действия этого корпуса очень высоко оцениваются. И не только нами, штабом фронта, но и Москвой... А кроме того, очень важно опровергнуть пущенный фашистами слух о том, будто кубанское казачество встречает гитлеровцев хлебом-солью...». В начале августа «Красная звезда» призвала бойцов и командиров всех фронтов «действовать так, как действуют казаки генерала Кириченко»².

ПРАВДА, утвердилось мнение, что командир корпуса нередко преувеличивал данные об успешных итогах боев, хотя сам отвергал любые сомнения в правдивости собственных донесений, утверждая, что «никогда в практике службы с моей стороны не было случаев допущений неточных или преувеличенных сведений о деятельности»³. И все же, как свидетельствуют архивные доку-

конце сентября 1942 года, когда казаков-гвардейцев, которых после короткого перерыва вновь возглавил Н.Я. Кириченко, перебрасывали на правый фланг Закавказского фронта, военный совет Черноморской группы войск этого же фронта объявил им благодарность, особо отметив боевые заслуги генерала Н.Я. Кириченко, его заместителя по политической бригаде комиссара А.П. Очкина и ряда других командиров⁶.

Передислокация 4-го гвардейского кавалерийского корпуса была вызвана не только неэффективностью использования кавалерии в гористой местности, но и особыми оперативными замыслами командования фронта. Главные бои на участке Северной группы разворачивались на правом берегу реки Терек, где противник пытался прорваться к Грозному и Орджоникидзе. Тыл немецкой 1-й танковой армии, растянувшийся далеко в степи на северном берегу Терека, представлял собой

Эльхотовские ворота подойти к Грозному и Орджоникидзе. Решением Ставки от 24 сентября 1942 года корпус генерала Н.Я. Кириченко должен был участвовать в контрнаступательной операции основных сил Северной группы по очистке от врага южного берега Терека. Перед ним стояла задача наступать в направлении населенных пунктов Ново-Щедринская, Червленные Буруны, Каясулу, Ачикулак, Буденновск, уничтожая вражеские коммуникации и резервы⁹.

Начался рейд, драматические подробности которого описаны в многочисленных работах исследователей¹⁰, 2 октября. В условиях безводной полупустыни со скудной растительностью корпус по ночам продвигался на северо-запад, непрерывно подвергаясь налетам немецкой авиации. В упорных боях 17 и 27 октября — 3 ноября в районе сел Владимировка, Урожайное, Ачикулак, Андрей-Курган он понес тяжелые потери и вынужден был отсту-

чрезвычайно трудно, [что] связано с большими потерями людей и материальной части и особенно конского состава. Танки противника сильно изматывают конский состав¹². Производя очередной налет, корпус волей-неволей втягивался в тяжелые бои, оказываясь в окружении. Кроме того, из-за затруднений в подвозе (в тылу 4-го гвардейского корпуса вообще не было дорог) казаки испытывали нехватку боеприпасов, а 9-я гвардейская кавдивизия вообще не имела артсредств и решала задачи «только за счет своей беспредельной храбрости», — сообщал он генерал-лейтенанту И.И. Масленникову в другом донесении¹³. Отвергая же упреки начальника штаба группы генерал-майора Я.С. Дашевского, утверждал, что «только стойкостью казаков и упорством начальствующего состава корпус, продолжая выполнять поставленную задачу, действует смело и дерзко, нанося тяжелые потери врагу»¹⁴. Правдивость этого вывода в целом подтверждал и штаб Закавказского фронта, признавая, что рейдовые действия 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, угрожавшие тылам Моздокской группировки противника, вынуждали его «оттягивать часть сил на северный берег р. Терек для прикрытия своего открытого фланга»¹⁵. Таким образом, корпус выполнил основную задачу по прикрытию правого фланга Северной группы войск.

В КОНЦЕ первой декады ноября 1942 года, когда советские войска перехватили инициативу в сражении на подступах к Орджоникидзе, фронтовое командование продолжило подготовку к контрнаступлению войск Северной группы, намечая в связи с этим кавалерийский рейд по глубоким тылам противника с выходом на его основные коммуникации в районе Георгиевска. О масштабах планируемого рейда и значении, которое ему придавалось, говорит решение о формировании для выполнения задуманного конной армии во главе с генерал-лейтенантом Н.Я. Кириченко. Учитывая вы-

ОЧЕНЬ важно опровергнуть пущенный фашистами слух о том, будто кубанское казачество встречает гитлеровцев хлебом-солью...

хорошую цель для контрударов советских войск. В ходе Моздокской оборонительной операции (2 сентября — 3 октября 1942 г.) здесь рейдировали небольшие отряды отдельного (сводного) кавалерийского корпуса. Его опыт, хотя и не всегда удачный, убедил советское командование в полезности таких действий⁷. Немецкие историки свидетельствуют, что появление советской конницы в тылах 1-й танковой армии во второй половине сентября внесло смутнение в войска вермахта⁸.

ПЕРЕБРОСКА 4-го гвардейского кавалерийского корпуса на правый берег Терека (23—28 сентября) проходила в напряженный момент Моздокской оборонительной операции, когда противник пытался прорваться в долину Алхан-Чурт и через

пить в глубь бурунной степи, так и не выйдя в глубокие тылы 1-й танковой армии противника. За это командир корпуса подвергся резкой критике. Он был обвинен в медлительности, нерешительности. В ответ Н.Я. Кириченко вместе со своим штабом вступил в оживленную дискуссию с командованием Северной группы войск (командующий генерал-лейтенант И.И. Масленников). По их мнению, в штабе группы «истинного положения корпуса не знают, неточно информированы и неправильно информируют фронт»¹¹.

Так, 21 октября Н.Я. Кириченко докладывал командующему Северной группой: «Против конницы противник, быстро маневрируя, бросает танковые группы и мотопехоту на машинах, и вести с ним бой на открытой местности

воды, сделанные им в предыдущих боевых донесениях, а также соответствующие рекомендации Генерального штаба, Ставка выделила в распоряжение командующего конной армией 3 танковых полка (117 машин) и 216-ю авиадивизию в составе 2 штурмовых (на Ил-2) и 2 истребительных (на Як-7) полков¹⁶. Помимо того в нее включили почти все кавалерийские соединения фронта, а на укомплектование ее тыла использовали тылы 37-й армии¹⁷.

Окончательное формирование и введение в действие конной армии приостановило начавшееся контрнаступление советских войск под Сталинградом, потребовавшее ускорить подготовку наступления войск Северной группы из-за опасности переброски противником механизированных соединений с Кавказа. Было решено вместо конной армии сформировать из наличных кавалерийских дивизий два гвардейских кавалерийских корпуса — 4-й Кубанский гвардейский в прежнем составе (командир — генерал-лейтенант Н.Я. Кириченко) и 5-й Донской гвардейский из прибывавших 11-й, 12-й гвардейских и 63-й кавалерийских дивизий (командир — генерал-майор А.Г. Селиванов). Направленную Ставкой технику и авиацию для конной армии надлежало распределить между корпусами, которым ставились раздельные задачи, что, понятно, затрудняло их взаимодействие. Кроме того, острая нехватка времени оказала отрицательное влияние на их боевое состояние и возможности. Так, инспектировавший 11-ю гвардейскую дивизию, прежде входившую в состав 4-го гвардейского корпуса, генерал Н.Я. Кириченко не смог скрыть перед командующим фронтом своего возмущения ее состоянием. «В результате преступного, повторяю, преступного использования [дивизия] доведена до небоеспособного состояния, — писал он. — Конский состав доведен до изнеможения... Люди измотаны, ободраны и завшивлены. Материальная часть и оружие истребаны и требуют немедленного восстановления»¹⁸.

Не лучшим было положение и самого 4-го гвардейского корпуса, в эскадронах которого оставалось по 20—25 активных бойцов¹⁹. Когда же в усиление ему были присланы конно-саперные эскадроны без лошадей, оружия, шанцевого инструмента, то Н.Я. Кириченко просто негодовал в докладной тому же командующему фронтом: «Это не конные, не гвардейские, не саперные и не эскадроны, потому что лошадей нет, шанцевого инструмента нет, это неорганизованная голодная толпа людей... Этот факт является ярким показателем преступно-формального отношения к выполнению распоряжений

способно выполнить любую задачу», — заключал он²¹.

Несмотря на то, что враг к зиме 1942 года значительно ослаб и вынужден был вывести на оборонительные рубежи запасные, инженерные, жандармские и прочие небоевые подразделения, сражение сразу приобрело ожесточенный характер. В декабрьских боях в районе хуторов Новкус-Артезиан, Сунженский, Нортона, Торосов казакам довелось действовать в основном спешенно против подготовленной в инженерном отношении обороны противника, в результате чего боевая мощь корпуса быстро таяла. На 12 декабря в его полках числилось

ТОВАРИЩ Сталин к гвардии относится совершенно иначе, чем чиновники, формировавшие эти «саперные эскадроны»

НКО и Ваших, надругательством над гвардией и показом врагам нашей бедности... Такая злая сатира на гвардию и издевательство над советскими людьми терпимы быть не могут. Товарищ Сталин к гвардии относится совершенно иначе, чем чиновники, формировавшие эти «саперные эскадроны»²⁰.

СОЗДАНИЮ двух отдельных кавалерийских корпусов и конармии имелась альтернатива, которую отстаивал генерал-лейтенант Н.Я. Кириченко: восстановить 4-й гвардейский корпус в прежнем составе (9, 10, 11 и 12-я гвардейские дивизии), необходимость единства которого он неоднократно подчеркивал после перевода части сил в Северную группу войск. Кириченко предлагал командованию фронта обратиться все негвардейские дивизии на доукомплектование гвардейских и этим ликвидировать катастрофический некомплект боевых подразделений. «Проведа это мероприятие, мы будем иметь сильные кавалерийские соединения и при той технике усиления, которая имеется в корпусе сейчас, это соединение* будет

по 350—500 человек, из которых активных сабель насчитывалось в среднем всего по 200. Общая численность трех дивизий корпуса составляла 7168 человек (в боевых подразделениях — 2514)²².

В январе 1943 года Н.Я. Кириченко командовал конно-механизированной группой — временным подвижным соединением Северной группы войск Закавказского фронта, действовавшим на флангах отступавшей на Ростов группировки врага, а в начале февраля вместе со своим корпусом ступил на родную кубанскую землю. Здесь во время длительной передышки, отведенной на доукомплектование, он часто выступал перед местным населением. Один из младших командиров корпуса П.Ф. Скакун в своем фронтовом дневнике оставил такое впечатление от доклада комкора 3 апреля 1943 года о боевом пути кавалеристов: «Слушал я этот содержательный доклад — и сердце наливалось чувством глубокой благодарности к тем, кто проявил беспримерный героизм, кто своими подвигами во имя Отчизны прославил моих земляков»²³. Особенно подкупающим местом доклада Н.Я. Кириченко, воодушевившим

* 4-й гвардейский кавалерийский корпус.

станичников, явилось заверение лихого генерала в том, что Кубанский корпус первым окажется в Берлине²⁴.

Н.Я. Кириченко, не будучи по происхождению казаком, настолько проникся казачьей романтикой, что именовал себя не иначе как «гвардии генерал-лейтенант казачьих войск». Хотя таковых как отдельного рода войск в Красной армии никогда не существовало, именно так подписывал Н.Я. Кириченко все официальные документы; такую же формулу использовали и работники штаба корпуса²⁵.

Бравый вид генерала Кириченко, его уверенность и прямота располагали к себе многих. Начальник штаба 2-й гвардейской армии С.С. Бирюзов, вызвавший к себе командира Кубанского корпуса осенью 1943 года, описывал, как тот «прискакал в окружении своих генералов и офицеров в полном казачьем облачении», и по прошествии почти двух десятилетий тепло вспоминал, как «неволью залюбовался их живописными фигурами на взмыленных добрых конях», как «Кириченко лихо соскочил на землю, подошел, четко печата шаг, и заулыбался: «Чую, пахнет большим и горячим делом...»²⁶.

Через всю жизнь пронес свое очарование генералом Н.Я. Кириченко и Л.М. Каганович, бывший летом 1942 года членом военного совета Северо-Кавказского, а с ноября того же года — Закавказского фронта. Уже в 90-летнем возрасте (в 1991 г.) в одном из своих интервью, вспоминая о событиях лета 1942-го на Северном Кавказе, он несколько преувеличенно, но искренне заявил: «Все разбежались. Спас нас там кавалерийский корпус Кириченко, замечательный корпус. Кириченко был хорошим генералом, почему-то его потом затерли в славе. Он так и умер генерал-лейтенантом...»²⁷.

ПОСЛЕДНИЙ эпизод фронтовой биографии Н.Я. Кириченко был связан с участием 4-го гвардейского кавалерийского корпуса в Донбасской стратегической наступательной операции. Начальник Генерального штаба и представитель Ставки Маршал Советского Союза А.М. Василевский, руково-

дивший планированием и проведением операций Южного и Юго-Западного фронтов по освобождению Донбасса, пришел к выводу, что в условиях столь широкого наступления требовались более решительные действия, умения и навыки оперативного руководства войсками, а Н.Я. Кириченко не успевал за ходом событий. «Я вынужден был в связи с этим, — вспоминал впоследствии он, — сделать соответствующее внушение Н.Я. Кириченко»²⁸. По словам Василевского, к Кириченко выехал «лучший знаток кавалерии в СССР Маршал Советского Союза С.М. Буденный», выводы которого были «для комкора неутешительными», после чего «новым командиром казаков 4 ноября стал И.А. Плиев»²⁹. По мнению самого Плиева, отставка Кириченко была связана с тем, что он не понял стоявших перед ним задач³⁰.

После отставки Н.Я. Кириченко некоторое время находился не у дел. Лишь 5 февраля 1944 года он был назначен начальником Краснознаменной высшей офицерской школы имени С.М. Буденного. В этой должности он встретил окончание войны и был освобожден от нее 26 мая 1945-го, сразу после Парада Победы, в котором возглавлял полк Высшей кавалерийской школы, шедший вместе с полками других учебных заведений в составе войск Московского гарнизона. В последующие годы он занимал руководящие должности в войсках, но лишь в качестве заместителя командиров — самостоятельное командование воинскими соединениями ему больше не доверяли. 8 ноября 1946 года Н.Я. Кириченко стал заместителем командира 40-го гвардейского стрелкового, а 31 марта 1947-го — 16-го гвардейского стрелкового корпуса.

31 августа 1949 года в возрасте 56 лет Н.Я. Кириченко был уволен в запас. Став военным пенсионером, Николай Яковлевич жил в Москве с женой Александрой Александровной Янышевой, принимая активное участие во встречах ветеранов. Умер он 5 января 1973 года.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 3470. Оп. 1. Д. 12. Л. 182.

² *Трояновский П.И.* На восьми фронтах. М., 1982. С. 80, 81.

³ ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 13. Л. 99.

⁴ Там же. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 198. Л. 24.

⁵ *Соколов Б.В.* Разведка. Тайны Второй мировой войны. М., 2001. С. 111, 115.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 13. Л. 74.

⁷ Там же. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 159.

⁸ *Muskulus F.* Geschichte der 111. Infanterie Division 1940—1944. Hamburg, 1980. S. 119.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1064. Д. 2. Л. 90.

¹⁰ См. например: Битва за Кавказ. М., 1954. С. 178—180; *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М., 1967. С. 170—173; *Завьялов А.С., Калядин Т.Е.* Битва за Кавказ 1942—1943 гг. М., 1957. С. 99, 100; *Ибрагимбеи Х.-М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977. С. 155—161; *Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К.* Закавказский фронт Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971. С. 168.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.

¹² Там же. Л. 22.

¹³ Там же. Л. 49—52.

¹⁴ Там же. Л. 35.

¹⁵ Там же. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 436. Л. 63.

¹⁶ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 г. М., 1996. Т. 16. С. 449. Док. № 657.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1029. Д. 25. Л. 1—6.

¹⁸ Там же. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 13. Л. 45.

¹⁹ Там же. Л. 111—117.

²⁰ Там же. Л. 48.

²¹ Там же. Л. 111—117.

²² Там же. Д. 33. Л. 39.

²³ *Скаун П.* По дорогам войны // Казаки-гвардейцы. Краснодар, 1980. С. 259, 260.

²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 43. Д. 965. Л. 226—229.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 13. Л. 111, 113, 115, 117.

²⁶ *Бирюзов С.С.* Когда гремели пушки. М., 1981. С. 220, 221.

²⁷ *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 87.

²⁸ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. 6-е изд. М., 1988. С. 47.

²⁹ Там же. С. 61.

³⁰ *Плиев И.А.* Разгром «армии мстителей». Орджоникидзе, 1967. С. 7—13.

**А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ;
Е.Ф. КРИНКО**

ТЫЛ ЗАПАДНОГО ФРОНТА В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

НА РАБОТУ тыла Западного фронта, который играл важную роль в разгроме врага как в оборонительной (30 сентября — 5 декабря 1941 г.), так и в наступательной (5 декабря 1941 — 20 апреля 1942 г.) операциях Битвы под Москвой, существенное влияние оказывало общее военно-политическое и экономическое положение страны. Ведь к этому времени нашими войсками были оставлены обширные и важные в экономическом отношении районы. Крайне неустойчивая обстановка сложилась и в зоне действий войск Западного фронта, оборонявших Москву. Части и учреждения тыла (начальник — генерал-майор В.П. Виноградов) отходили вместе с войсками, организуя работу на ходу, часто под ударами авиации и прорвавших оборону войск противника.

К концу сентября 1941 года в соответствии с приказом народного комиссара обороны от 1 августа 1941 года во фронтовом звене были в основном сформированы и доукомплектованы органы управления тылом, а также подразделения, части и учреждения тыла. Были значительно сокращены по сравнению с довоенными нормами размеры тыловых районов, что объяснялось наличием развитой сети железных и шоссейных дорог, большим количеством населенных пунктов с развитой промышленностью и сельским хозяйством, близостью центральных складов, что создавало благоприятные условия для обеспечения и обслуживания войск. Общая протяженность железных дорог в границах фронтового и армейских тыловых районов составляла около 1000 км. Снабжение фронта и армий осуществлялось по основному железнодорожным коммуникациям (Москва — Ржев и Москва — Вязьма; линия Торжок — Вязьма служила фронтовой

рокадой). Фронтовая распорядительная станция (ФРС) располагалась на станции Вязьма, ее оперативная группа — на станции Ржев. Продуманное удаление ФРС от линии фронта, не превышавшее 100 км, позволяло оперативно осуществлять подвоз материальных средств и эвакуацию железнодорожным транспортом. Значительная часть фронтовых складов размещалась на железнодорожной коммуникации Москва — Вязьма. Для наступающих немецко-фашистских войск это направление было кратчайшим на Москву, и, как оказалось впоследствии, именно в районе Вязьмы сомкнулись клинья двух крупных группировок противника, окруживших значительную часть сил Западного фронта.

Удаление фронтовых складов от полевых армейских баз (ПАБ) составляло 50—100 км. Всем армиям были назначены железнодорожные участки и распорядительные станции (АРС). Тыловые части и учреждения армий развертывались на одной-двух железнодорожных станциях¹, удаление которых от линии фронта колебалось от 50 до 150 км, а выгрузочных станций — от 20 до 50 км. Вместе с тем имелись и просчеты. Так, при определении базирования фронтовых и армейских складов учитывались только благоприятные условия для подвоза и эвакуации, но не предусматривался возможный характер действий противника на этом направлении. Начавшееся 30 сентября вражеское наступление вынудило наше командование принять 10 октября непредвиденное решение о передаче полевых баз четырех армий (30, 19, 16 и 20-й) в непосредственное распоряжение фронта².

Для подвоза всего необходимого по грунту использовались военно-автомобильные дороги (ВАД), однако недоста-

ток дорожных частей (в октябре 1941 г. фронт имел только два дорожно-эксплуатационных полка) не позволял оборудовать и обслуживать необходимую сеть коммуникаций. Общая протяженность ВАД, использовавшихся армиями и фронтом, составляла 1500 км, из которых средствами Ставки ВГК обслуживалось 420, средствами фронта — 500 и средствами армий — 580 км³. Автомобильные перевозки снабженческих грузов в оборонительный период облегчались тем, что железнодорожные транспорты с боеприпасами нередко подавались не только до выгрузочных станций, но и непосредственно до огневых позиций артиллерии. Кроме того, войска фронта при отходе приближались к фронтовым и стационарным складам Наркомата обороны (НКО), а Ставка ВГК помогала фронту своим транспортом. В интересах перевозки личного состава и материальных средств использовался также воздушный транспорт, которым для Западного фронта с октября 1941 по январь 1942 года были перевезены 49,8 тыс. человек и 1365 т различных грузов⁴.

Фронтовая рокадная дорога Торжок — Ржев — Вязьма протяженностью 250 км позволяла осуществлять маневр тыловыми частями, учреждениями и запасами материальных средств фронта (боеприпасов — 1,1—4,5 боекомплекта; дизельного топлива — 1,5—2,5 и автомобильного бензина — 0,5—1,5 заправки; продовольствия — 2—3 сутодачи⁵).

К НАЧАЛУ Битвы под Москвой на территории Московского военного округа и особенно в Подмоскovie были сосредоточены в большом количестве боеприпасы на центральных складах, находившихся в распоряжении Главного артиллерийского управления (ГАУ). Хорошо развитая сеть дорог и близость рай-

она боевых действий позволяли относительно быстро подавать запасы центра, часть которых отправлялась с заводов Москвы и Подмосковья. Большую роль в их доставке сыграло и создание подвижного резерва боеприпасов на автомашинах Ставки, обеспечивавшее своевременную подачу дефицитных номенклатур патронов, снарядов и мин с центральных складов и заводов непосредственно в передовые соединения и части. Важное значение для бесперебойного обеспечения войск боеприпасами имело также установление тесного взаимодействия по вопросам перевозки боеприпасов между ГАУ, штабом Тыла Красной армии и органами военных сообщений⁶.

Тем не менее на полевых складах армейских баз запасы боеприпасов во время оборонительной операции не превышали 0,75 боекомплекта, а на фронтовых — 1,0. Понижение требуемых норм было связано с особо тяжелым экономическим положением страны в октябре—ноябре 1941 года, необходимостью подрыва ряда центральных складов, располагавшихся в районах Ржева, Гжатска и Вязьмы, и ограниченными возможностями средств подвоза. Вместе с тем снижение объема этих запасов позволило несколько повысить подвижность тыла.

Фактическая обеспеченность фронта и армий горючим и смазочными материалами (ГСМ) превышала нормы запасов, установленные директивой фронта по тылу (во фронте — 2 заправки, в армиях — 1 заправка). Это объясняется тем, что в распоряжение фронта поступали мобилизационные запасы горючего с местных складов Главнефтебывата. Кроме того, в полосе фронта находились центральные склады, а в районе Москвы сосредоточивались эвакуированные из западных областей страны мобилизационные резервы горючего НКО. К тому же укомплектованность фронта танками, самоходно-артиллерийскими установками, автомашинами и самолетами была еще недостаточной. Учитывая все это, служба снабжения горючим создала к началу контрнаступления войск Западного фронта в ходе оборонительных действий соответ-

ствующие запасы (на 35—40 суток для наземных машин и на 10—12 — для авиации)⁷.

Немалые сложности возникали в обеспечении войск Западного фронта продовольствием, поскольку почти все местные запасы, а также скот были вывезены и эвакуированы из прифронтовой полосы. В связи с этим личный состав некоторых армий фронта продолжительное время питался лишь консервами и овощами. Особенно тяжелое положение сложилось в 22-й армии, которая с 6 октября и до конца месяца не получала продовольствия с фронтовых складов. В этих условиях военный совет армии принял решение о временном сокращении норм снабжения. Наиболее устойчивое положение было со снабжением теми продуктами, которые фронт получал по местным нарядам путем заготовок. Чтобы повысить их эффективность, для более тесной связи с органами власти на местах при военных советах армий и фронта были созданы оперативные группы, которые наряду с вопросами снабжения войск занимались организацией уборки урожая и вывозом в безопасные районы народнохозяйственного имущества. Установился и новый порядок эшелонирования запасов продовольствия: в войсках — 3 сутодачи, на армейских складах — 2, на фронтовых — 15 сутодач. В отдельных случаях армии вообще не развешивали свои продовольственные склады, что было связано с близостью расположения к войскам фронтовых пунктов, откуда продовольствие подавали непосредственно в соединения автотранспортом⁸.

Особенностью организации обеспечения войск Западного фронта продовольствием в период подготовки и проведения контрнаступления являлось то, что решение большинства вопросов возлагалось на Управление продовольственного снабжения. Аппарат центра при этом не только оказывал помощь фронту, занимался поставками всего необходимого армиям, соединениям, что объяснялось непосредственной близостью к фронту центральных и окружных складов и пищевых предприятий столицы.

Тяжелые оборонительные бои под Москвой в осенне-зим-

ний период совпали с подготовкой и проведением тылом фронта сезонной смены обмундирования и обуви, которая происходила с октября по декабрь 1941 года. Эта задача была успешно выполнена, чему способствовали наличие крупных промышленных предприятий в городе и области, самоотверженная помощь со стороны как местного населения, так и всего народа. Только предприятиями Москвы и Подмосковья было изготовлено и поставлено для Западного фронта: шинелей — 162 тыс., хлопчатобумажных гимнастеров — 198 тыс., ватных шаровар — 487 тыс., зимних перчаток — 264 400 пар и другого вещевого имущества, что позволило обеспечить войска по состоянию на 5 декабря 1941 года шапками-ушанками на 100 проц., телогрейками — 90—100 и валенками — на 85—99 проц.⁹ В последующие месяцы войска фронта, не испытывали недостатка в зимнем обмундировании. Используя этот опыт, управления вещевого и обочно-хозяйственного снабжения лучше подготовились к сезонной смене имущества и в 1942 году.

Основными железнодорожными коммуникациями, по которым подвозились войска и грузы Западному фронту, являлись: Горьковская железная дорога с пропускной способностью 53 пары поездов в сутки, Московско-Рязанская — 79, Казанская — 28, Ярославская — 56 пар поездов в сутки¹⁰. Сложность передвижения по ним заключалась в том, что навстречу мощному потоку поездов, шедших к фронту, на восток шли тысячи эшелонов с эвакуационными грузами и гражданским населением. Это движение не прекращалось до конца 1941 года. Кроме того, железнодорожные магистрали, ведущие к Москве, постоянно находились под воздействием авиации противника, пытавшегося сорвать сосредоточение наших резервов и дезорганизовать снабжение фронта и Москвы.

Сложившаяся оперативно-тыловая обстановка значительно осложняла и медицинское обеспечение войск. К началу Битвы под Москвой военно-санитарное управление фронта располагало подвижными полевыми и инфекционными госпитальными и эвакуационными

всего на 44 900 штатных коек (8 проц. к численности личного состава фронта), что было явно недостаточно. Слабо было укомплектовано медицинскими частями и учреждениями армейское звено. В связи с этим решением ГКО большая часть госпиталей Народного комиссариата здравоохранения, расположенных в Москве, была передана в ведение НКО. Из этих медицинских учреждений была создана госпитальная сеть Московской зоны обороны, являвшаяся одновременно резервом Западного фронта. Большую помощь фронтовой медицинской службе оказали московские городские власти и общественные организации города, силами которых в столице были развернуты 57 госпиталей. Более 200 тыс. москвичей выхаживали раненых, оказывали помощь инвалидам и семьям погибших воинов. Основные усилия медицинской службы были сосредоточены на оказании неотложной медицинской помощи и эвакуации раненых в тыл, причем во фронтовые медицинские учреждения, расположенные в Москве, раненые доставлялись, минуя отдельные этапы эвакуации¹¹.

Большое внимание уделялось охране и обороне фронтового тыла. Для этого привлекались специально выделенные части внутренних и пограничных войск, органы милиции, истребительные отряды, подчиненные начальнику охраны тыла фронта. С целью наведения строжайшего порядка в использовании автомобильного транспорта и обеспечения безопасности автоперевозок была организована заградительная и усилена комендантская служба, а на железных дорогах созданы этапно-заградительные комендатуры. Для уничтожения групп противника, проникавших в тыл, выделялись специальные маневренные отряды и войсковые резервы. Все тыловые части и учреждения осуществляли, кроме того, охрану и оборону своими силами. Штаб тыла, тыловые части и учреждения от ударов противника с воздуха прикрывались 7-й отдельной бригадой противоздушной обороны, а особо важные объекты — средствами Московской зоны ПВО¹².

В целом тыл Западного фронта, работая с большим

напряжением, сумел обеспечить проводившиеся войсками оборонительные операции и накопить материальные средства, необходимые для перехода в контрнаступление.

Следует отметить, что одним из узких мест являлось управление тылом. Органы тыла Западного фронта совершенно не имели радиосредств, проводная связь во время отхода не могла широко использоваться, а подвижные средства были не всегда надежны. Эти обстоятельства приводили к нарушению управления тылом как во фронте, так и в армиях, вынуждали выделять специальные оперативные группы и офицеров связи, направлявшиеся в войска с соответствующими распоряжениями и для наведения порядка в тыловых районах. Впрочем, подобная практика, оказавшаяся весьма эффективной, получила распространение и в последующих операциях войны.

ПОДГОТОВКА советских войск к контрнаступлению началась в первых числах ноября. Соответствующая директива Западного фронта, определявшая организацию тыла в новых условиях, была издана 3 декабря 1941 года. При этом фронтовые довольствующие органы, обеспечивавшие войска, испытывали большие трудности, поскольку во фронтовом управлении с планом контрнаступления в интересах его скрытности был ознакомлен ограниченный круг лиц. В то же время близость к фронтовым складам складов НКО с большим количеством материальных средств позволяла создавать в короткие сроки необходимые запасы. Совместная работа центральных и фронтовых органов тыла к началу контрнаступления обеспечила создание на фронтовых складах следующих запасов: боеприпасов — 2–3 боекомплекта, горючего — 5–6 заправок, продовольствия — 10–12 сутокных дач¹³. Положение столицы, находившейся в 25–75 км от линии фронта, позволяло, в частности, снабжать всем необходимым с фронтовых складов и их отделений, расположенных непосредственно в Москве, наносившие в контрнаступлении главный удар 20, 16, 50 и 10-ю армии.

Это хотя и нарушало принятые в то время понятия о глубине эшелонирования фронтовых запасов, но было наиболее целесообразным.

По мере продвижения наступавших войск, несмотря на приближение к ним фронтовых и армейских тыловых частей и учреждений, подвоз материальных средств стал резко сокращаться. Это было связано с сильными морозами, короткими зимними днями, отсутствием опыта восстановления железных дорог и единого централизованного руководства и управления восстановительными работами, слабой технической оснащенностью соответствующих подразделений. Так, темпы восстановления железных дорог не превышали 2,5–3,5 км в сутки, что усложняло подвоз грузов войскам внутри фронта, не давало возможности своевременно передислоцировать полевые армейские базы. В связи с этим основная тяжесть подвоза в армейском и войсковом тылу ложилась на автомобильный и гужевого транспорт.

Опыт боевых действий потребовал изменить существовавшую систему руководства дорожными работами фронта, в соответствии с которой все дорожные части Главного управления шоссейных дорог (Гушосдор) НКВД были переданы в систему дорожной службы Красной армии. Однако, несмотря на принятые меры, затруднения в доставке продолжали иметь место, в частности с подвозом по грунту к армиям, действовавшим на флангах фронта, так как расстояние до них было значительно большим, чем до армий, находившихся в центре. Одновременно увеличивался отрыв армий от линии железной дороги, что тоже усложняло дорожное обеспечение войск. Чтобы улучшить обстановку 1, 10, 20 и 50-й армиям, не имевшим вообще дорожных частей до конца контрнаступления, разрешалось временно формировать их путем мобилизации мужчин старших возрастов из местного населения. В декабре 1941 года по предложению начальника Тыла Красной армии А.В. Хрулева ГКО принял решение о сформировании для Западного фронта 50 до-

**XXVI ГЕНЕАЛОГО-
ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

В МОСКВЕ состоялась XXVI Международная генеалого-геральдическая научная конференция, организованная Всероссийским геральдическим обществом, Русской геральдической коллегией, Российским дворянским собранием, Историко-архивным институтом РГГУ.

Оргкомитет конференции: Н.А. Александрова; кандидат исторических наук И.В. Борисов; В.П. Егоров; А.Н. Колыбин; доктор исторических наук В.И. Кулаков; кандидат философских наук В.Н. Медведев; кандидат исторических наук Е.В. Пчелов; кандидат технических наук С.А. Сапожников; доктор исторических наук Н.А. Соболева; И.С. Сметанников.

С приветственным словом к участникам конференции обратился председатель Всероссийского геральдического общества И.С. Сметанников.

С докладами выступили: кандидат философских наук Г.В. Ражнев (Смоленск) — «О новом прочтении герба Михаила Ивановича Глинки»; В.В. Акунов (Москва) — «Происхождение большевистской символики»; кандидат исторических наук В.Л. Герасимов (Москва) — «Фалеронимы к юбилеям отечественной морской авиации»; С.В. Филатов (Пермь) — «Земельная геральдика в символике русской императорской армии»; Г.М. Коваль (Химки, Московская обл.) — «Награды России за спасение погибших в бою»; С.А. Синдеев (Химки, Московская обл.) — «Символика МЧС России в Парадах Победы на Красной площади»; С.А. Лазарев (Санкт-Петербург) — «Символика и форма флота в годы революции и Гражданской войны (комментарии)»; Ю.К. Николаев (Пермь) — «К истории образования Пермской губернии»; Н.А. Александрова (Москва) — «Всероссийский творческий конкурс «Овечьи славою флаг наш и герб»»; В.П. Багаев (Минусинск, Красноярский край) — «Шотландский рыцарский орден Чертополоха»; Д.А. Бойко (Запорожье, Украина) — «К вопросу о легитимности недворянской геральдики в России и на Украине»; В.П. Ветров (Москва) — «Символика знаков различия по принадлежности к Военно-ветеринарному институту»; Б.В. Воронов (Санкт-Петербург) — «Герб, созданный семьей императора и поэтом»; Е.М. Дрогов (Киров) — «Территориальная геральдика Кировской области XX—XXI вв.»; доктор исторических наук Е.П. Комаровская (Москва) — «Вексиллологические изображения в российских дворянских гербах»; кандидат исторических наук Е.А. Комаровский (Москва) — «Пятиконечная звезда как элемент российской военной униформы»; доктор исторических наук Г.И. Королев (Москва) — «Развитие представлений о гербе как особом виде знаков в России в XVI—XVII веках»; Р.Ю. Кочуров (Николаев, Украина) — «Гербы резиденции российской императорской фамилии»; Г.М. Лерман (Лейпциг, Германия) — «Герб Лейпцига»; кандидат исторических наук А.Л. Самович (Минск, Беларусь) — «Символы воинской чести Республики Беларусь»; Л.Л. Степченко (Смоленск) — «Фалероним смоленской общины «Красного креста»».

По завершении конференции прошли презентация новых печатных геральдических изданий и вручение памятной медали «К 100-летию М.А. Шолохова», медалей «За заслуги» журнала «Гербовед», «Памяти Е.И. Каменцевой» (I и II степеней), ордена Золотой пчелы, медалей ордена Золотой пчелы и гербовых грамот армигерам.

рожных батальонов. Однако из-за недостатка техники, автотранспорта и повозок формирование их проходило медленно. В течение января 1942 года Западный фронт получил только 14 таких батальонов¹⁴. Вместе с тем с упразднением стрелковых корпусов отпала необходимость содержания армиями корпусных участков грунтовых дорог. Во время контрнаступления и общего наступления оперативно-тыловая обстановка требовала подготовки и содержания одной военно-автомобильной дороги на армию, наращивание которой происходило по мере продвижения войск. Состав дорожных частей, имевшихся в армиях, и их техническая оснащенность обеспечивали содержание такой дороги. Армейские ВАД прокладывались от полевых армейских баз до складов одной из дивизий, действовавших на главном направлении.

Для развития наступательных действий, особенно при преследовании противника, потребовалась искусная организация подвоза и маневрирования запасами горючего, которого в это время было недостаточно. Выручала сметка личного состава отдела снабжения горючим Западного фронта, сумевшего создать заменители наиболее дефицитных видов горючего. Так, были разработаны рецепты, по которым на складах и в войсках приготавливались смеси лигроина, керосина, автомобильного бензина и даже дизельного топлива с автобензинами. Такое смешивание несколько ухудшало качество горючего, но создавало дополнительные ресурсы и полностью обеспечивало работу автотранспорта фронта¹⁵.

Важную роль в период контрнаступления и общего наступления играло продовольственное обеспечение, особенно доставка горячей пищи к передовым подразделениям и раздача ее бойцам. В большинстве случаев кухни не могли подъезжать к этим подразделениям ближе чем на 1,5—3 км. В таких случаях специально выделенные из отделений и взводов раздатчики пищи доставляли ее личному составу в ведрах, бидонах, термосах, часто под огнем противника.

Управление тылом фронта в период контрнаступления и общего наступления было весьма сложным в связи с недостаточной укомплектованностью средствами связи и хорошо подготовленными кадрами, отсутствием необходимого опыта в этой области, тяжелыми зимними условиями. Как и во время оборонительной операции, для его улучшения во фронте и армиях на наиболее трудных участках создавались оперативные группы тыла. В частности, такая группа для управления тылом войск левого крыла Западного фронта была создана в Туле. Нередко начальник тыла фронта направлял своих представителей в армии, а иногда и усиливал аппарат их тыла наиболее опытными офицерами своего управления.

Опыт и уроки тылового обеспечения войск Западного фронта в Битве под Москвой в значительной степени был использован при организации тылового обеспечения фронтовых оборонительных и наступательных операций в последующем. Сохраняет он свою актуальность и в наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История тыла Российских Вооруженных сил (XVIII—XX вв.). СПб.: Изд. МО РФ, 2000. Кн. 3. С. 171.

² Там же. С. 172.

³ Там же.

⁴ Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Л.: Военная академия тыла и транспорта, 1963. Ч. II. С. 162.

⁵ История тыла... Кн. 3. С. 174.

⁶ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 81. Оп. 84957. Д. 234. Л. 22, 23.

⁷ Там же. Ф. 67. Оп. 32174. Д. 357. Л. 129—131.

⁸ Там же. Оп. 5859. Д. 3. Л. 35.

⁹ Там же. Ф. 87. Оп. 23402. Д. 32. Л. 88.

¹⁰ Архив Центрального управления военных сообщений. Оп. 166. Д. 188. Т. 16. Л. 184—186.

¹¹ История тыла... Кн. 3. С. 173.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Ч. II. С. 180.

¹⁵ Там же.

*Полковник в отставке
М.А. ВИЛИНОВ*

СТАЛЬНОЙ КУРЯНИН «БОРИС ПЕТРОВИЧ»

Применение бронепоездов в годы Великой Отечественной войны хотя и не имело того значения, как в период Гражданской,

тем не менее на отдельных участках фронта играло весьма заметную роль, особенно в охране железнодорожных коммуникаций, узлов и станций в ближайшем оперативном тылу.

Если в начале войны в действующей армии имелся только один дивизион бронепоездов, то в январе 1943 года их было уже 44.

В публикуемой статье рассказывается о боевых делах команды курского бронепоезда БП-14(2), который с легкой руки поэта А.И. Безыменского (1898—1973), командированного в мае 1942 года редакцией газеты «Красная звезда» на Брянский фронт, стал называться «Борис Петрович».

«В июне 1942 года на страницах газеты впервые появилось имя Александра Безыменского... Первый очерк, который мы опубликовали в газете, назывался «Борис Петрович из Курска».

Интересный очерк. Вначале я подумал, что это рассказ об одном из героев Отечественной войны. Но оказалось, что Борис Петрович вовсе не солдат, не офицер и вообще не живой человек», — писал позднее в своих воспоминаниях бывший главный редактор «Красной Звезды» генерал-майор в отставке Д.И. Ортенберг¹.

СНАЧАЛОМ Великой Отечественной войны промышленные предприятия Курска перешли на выпуск военной продукции. В октябре 1941 года железнодорожники Курска оборудовали два бронепоезда — № 14(2) и № 15(1). Они были построены рабочими Западного паровозного депо станции Курск. Локомотивами служили паровозы серии О^в. Под бронелистами старого железнодорожного служаку было не узнать: таким он казался внушительным и мощным. В ремонтных цехах Курского вагонного участка были оборудованы бронеплощадки².

В организационном отношении каждый бронепоезд состоял из боевой части и базы. Первая включала в себя локомотив, обычно две бронеплощадки с вооружением, 2—4 железнодорожные платформы прикрытия с обеих сторон состава. База, состоявшая из нескольких пассажирских и

грузовых вагонов и локомотива, предназначалась для размещения штаба, отдыха личного состава и хранения запасов и следовала за боевой частью в готовности к подаче материальных средств, но вне зоны артиллерийского огня противника.

15 октября 1941 года в депо прибыла группа артиллеристов 13-й армии (командующий — генерал-майор А.М. Городнянский). Под руководством младшего лейтенанта В.М. Морозова на бронеплощадках бронепоезда № 14(2) были установлены два 76-мм орудия образца 1902/1930 гг., 8 танковых пулеметов ДТ и столько же станковых пулеметов

В.М. Морозов
1941 г.

С.Я. Бродкин

Боевые подруги. Военфельдшер бронепоезда лейтенант медицинской службы М.Ф. Громько (родственница А.А. Громько, с 1957 г. министра иностранных дел СССР), помощники машиниста М.С. Козьменкова (в центре) и Н.Д. Горбачева (справа)

Станция Грязи,
19 февраля
1942 г.

Бойцы бронепоезда.
Слева направо:
младший сержант В.М. Сахонько,
рядовой С.И. Кузнецов, Р. Жакенов
Воронеж,
4 апреля 1942 г.

**Отражение налета вражеской авиации
на ст. Мармыжи**
Апрель 1942 г.

«максим». В течение трех дней был сформирован боевой экипаж из 70 человек, в который вошли и 12 курских железнодорожников — машинисты, помощники, кочегары, поездные вагонные и путевые мастера³. 25 октября 1941 года бронепоезд 14(2) 62-го отдельного дивизиона бронепоездов вошел в состав 13-й армии. «Рабочие Курского депо с гордостью оглядывали создание рук своих... Движущаяся крепость грозно поблескивала дулами орудий и пулеметными стволами... Не было торжественных речей. Гулкий паровозный гудок заменил все приветствия... Двинулась вперед громадина бронепоезда, и уже через полчаса прогремел в сторону врага боевой залп. Слушая этот могучий голос, рабочие переглянулись. И один из них тихо сказал, выражая общую мысль: «Наш земляк, курянин», — писал о рождении бронепоезда А.И. Безыменский⁴.

Бронепоезд под командованием В.М. Морозова сразу же принял участие в боях в районе станций Отрешково, Охочевка, Щигры, Черемисиново, а также на елецком направлении, успешно поддерживая ослабевшие

части 2-й гвардейской, 148-й и 307-й стрелковых дивизий. Самые тяжелые бои пришлось выдержать на участке Верховье — Елец, особенно при обороне станций Шатилово, Измалково, Казаки⁵.

9 декабря 1941 года бронепоезд участвовал в освобождении Ельца. Приказом командующего войсками Брянского фронта генерал-полковника Я.Т. Черевиченко от 18 января 1942 года командир бронепоезда старший лейтенант В.М. Морозов и комиссар политрук С.Я. Бродкин были награждены орденами Красной Звезды⁶.

Подполковник Владимир Михайлович Морозов, кавалер орденов Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Александра Невско-

го, Красной Звезды прошел по дорогам войны с июля 1941 по май 1945 года и закончил боевой путь во Франкфурте-на-Одере командиром 31-го особого Горьковского-Варшавского ордена Александра Невского дивизиона бронепоездов. После окончания Великой Отечественной войны вернулся к любимой работе. Кандидат физико-математических наук, автор многих научных трудов, он работал в одном из научно-исследовательских институтов Москвы. Выйдя на пенсию, посвятил себя ветеранским заботам, часто приезжал на встречи с однополчанами в Курск, на места, связанные с боевыми действиями бронепоезда. В мае 1990 года приказом министра пу-

На отдыхе в Мармыжах
1942 г.

Курские железнодорожники — бойцы 62-го отдельного дивизиона бронепоездов. Сидят слева направо: М.С. Козьменкова, А.П. Грицаев, А.Е. Еськов, К.И. Воробьев, Н.Д. Горбачева. Стоят: А.В. Киселев, Г.И. Гусев, А.П. Масленников
1946 г.

тей сообщения СССР Н.С. Конарева В.М. Морозов был награжден знаком «Почетному железнодорожнику». Сегодня Владимир Михайлович Морозов живет в Москве. Несмотря на свои 92, участвует во всех юбилейных мероприятиях, проводимых Центральным советом ветеранов железнодорожного транспорта. Так, в июне 2006 года, в день 65-летия начала войны, В.М. Морозов побывал в крепости-герое Бресте с многочисленной делегацией фронтовых железнодорожников⁷. Комиссар бронепоезда № 14 капитан С.Я. Бродкин военными дорогами прошел до победного 1945-го. После войны работал в народном хозяйстве Белоруссии, умер в Борисове Минской области в июле 1962 года⁸.

ВЕТЕРАНАМ особенно запомнился бой за станцию Шатилово в

ноябре 1941 года. Здесь оборонялись подразделения 307-й стрелковой дивизии под командованием полковника Г.С. Лазько. Противник уже захватил прилегающее к станции село Шатилово, еще один натиск — и фашисты займут станцию. Морозов видел, что пехоте не сдержать врага. Орудия и пулеметы «Бориса Петровича» были бы хорошей поддержкой, однако и риск был велик: бронепоезд сам мог оказаться в ловушке, если бы немцы подорвали колею.

И все же он решил дать противнику бой. По приказу командира бронепоезда медленно выдвинулся из засады. По левому борту приготовились к ведению огня артиллеристы и пулеметчики, среди которых были и курские железнодорожники. Противник, однако, первым открыл минометный огонь.

Несколько мин разорвалось впереди по движению. Рельсы засыпало землей. Требовалось проверить путь. Это вызвался сделать старший сержант А.И. Глушанков. Под огнем врага он шел вперед, проверяя каждый рельсовый стык. Затем подал сигнал: можно двигаться, путь без повреждений⁹. Экипаж бронепоезда сумел отбить наступление фашистов, однако и сам попал в зону интенсивного обстрела. Прямым попаданием снаряда повреждено паровоз, осколками мины перебило воздушную тормозную магистраль. Это повреждение удалось устранить, и состав снова приобрел возможность маневра, хотя из-за поломки ходовой части паровоз не мог развить достаточную скорость.

А тут еще послышался злоевищий удар под колесами передней платформы. Ее подбросило, от чего резко закачалась обе бронеплощадки. Но машинист К.И. Воробьев смог благополуч-

Бывшие бойцы бронепоезда № 14 В.П. Ховалкин и А.Е. Колодяжный (справа) у братской могилы на ст. Избище

Июль 1992 г.

Бывшие бойцы бронепоездов № 14 и № 15 у братской могилы на ст. Избище
1980 г.

но провести состав по разрушенному участку¹⁰.

Только благодаря ему, а также самоотверженным действиям помощников, вернее сказать, боевых помощниц машиниста М.С. Козьменковой и Н.Д. Горбачевой удалось вывести бронепоезд в безопасное место. За проявленное мужество машинист К.И. Воробьев был награжден медалью «За отвагу»¹¹, а М.С. Козьменковой и Н.Д. Горбачевой начальник Главного управления Тыла Красной армии, нарком путей сообщения СССР генерал-лейтенант А.В. Хрулев 10 мая 1942 года в Москве вручил знаки «Почетному железнодорожнику»¹². Позднее, 26 августа 1942 года председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин вручил М.С. Козьменковой и ее боевой подруге Н.Д. Горбачевой ордена Трудового Красного Знамени¹³. Почти 45 лет, до ухода на пенсию, трудились почетные железнодорожники М.С. Смирнова (Козьменкова) и Н.Д. Непогодина (Горбачева) в локомотивном депо Курск¹⁴.

В экипаже бронепоезда бесстрашно сражался 16-летний пулеметчик Семен Кузнецов, прекрасно владевший, кстати, трофейным спаренным пулеметом МГ-34. За мужество, проявленное в ходе отражения налета немецкой авиации на станцию Мармыжи, он был награжден медалью «За отвагу»¹⁵. Рядовой Семен Кузнецов погиб 2 июля 1942 года на станции Избище Юго-Восточной железной дороги (Воронежская область) при отражении налета на бронепоезд вражеских самолетов. В бою, оказавшемся для отважного юноши последним, он сбил немецкий пикирующий бомбардировщик, но летчик второго самолета, зайдя со стороны солнца, сразил юного пулеметчика.

«Когда я подбежала, Семен еще был в полном сознании, — вспоминала военфельдшер бронепоезда М.Ф. Громыко. — Я его перевязала здесь же, на пло-

щадке, у пулемета. Он, глядя на меня, тихо спросил: «Маруся, я буду жить?» Я ободряла Сеню, как могла, поднесла к губам флягу с водой. Но он пить отказался, прошептал: «Не надо». Через полчаса он скончался»¹⁶. Похоронили С.И. Кузнецова в братской могиле у насыпи железной дороги¹⁷.

В июне 1971 года на братской могиле на станции Избище по ходатайству ветеранов бронепоезда и следопытов курского военно-поискового клуба «Искатель» Нижнедевицким РВК Воронежской области был установлен памятник с именами погибших бойцов бронепоездов № 14(2) и № 15(1): командира бронепоезда № 15 старшего лейтенанта А.И. Козаря, старшины А. Медведева, рядового С.И. Кузнецова, ефрейтора Кочукова и других, павших в боях на воронежской земле¹⁸. В мае 1980-го и июле 1992 года в Избище приезжали боевые побратимы С.И. Кузнецова: командир бронепоезда, почетный железнодорожник В.М. Морозов, командир отделения ПВО капитан в отставке А.Е. Колодяжный, ветераны-железнодорожники В.П. Ховалкин, М.С. Смирнова, Н.Д. Непогодина.

Отметим в заключение, что свой вклад в организацию подобных встреч ветеранов курских бронепоездов вносит и Курское областное научное краеведческое общество, уже 40 лет ведущее поиск материалов об участии курских железнодорожников в Великой Отечественной войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ортенберг Д.И.* Год 1942. Рассказ-хроника. М., 1988. С. 235.

² Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 41, 42.

³ *Ефимьев А.В., Манжосов А.Н., Сидоров П.Ф.* Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1992. С. 69, 70.

⁴ *Безыменский А.* «Борис Петрович из Курска» // Красная звезда. 1942. 26 июня.

⁵ В апреле 2005 г. на этих станциях при поддержке руководства Орловско-Курского отделения Мос-

ковской железной дороги были установлены мемориальные доски в память о героях-железнодорожниках, сражавшихся на Орловщине.

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 717037. Д. 4316. Л. 4—6.

⁷ Московский железнодорожник. 2005. 29 апреля; 2006. 7 июля.

⁸ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 19. Л. 28.

⁹ *Морозов В.* Взаимодействие бронепоездов с пехотой в обороне // Журнал автобронетанковых войск. Изд. НКО СССР. 1942. № 6. С. 39, 40.

¹⁰ *Ефимьев А.В., Манжосов А.Н., Сидоров П.Ф.* Указ. соч. С. 95, 96.

¹¹ Приказ командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова от 31 мая 1942 г. Почетный железнодорожник К.И. Воробьев умер в Курске в сентябре 1975 г.

¹² В те дни в столице, в Колонном зале Дома союзов, проходил Второй Всесоюзный митинг женщин — участниц Великой Отечественной войны. Выступая на нем, М.С. Козьменкова сказала: «Коллектив нашего депо своими силами построил бронепоезд. Нам с Ниной рабочие депо доверили почетное дело — работать на нем помощниками машиниста. Вот уже седьмой месяц наша стальная крепость непрерывно громит фашистскую армию. Коллектив узла дал нам наказ бесстрашно, не щадя своей крови и жизни, громить и уничтожать фашистов, вернуться только с победой. Этот наказ, дорогие сестры, коллектив бронепоезда выполняет с честью: крепко достается от нас немецким оккупантам!.. Скоро мы снова будем на родном бронепоезде. Клянемся вам, что не покинем его до тех пор, пока не будут уничтожены все до одного гитлеровские разбойники, пока не очистим родную землю от фашистской нечисти» (см.: Правда. 1942. 11 мая.).

¹³ Война и женская судьба // Авт.-сост. и ред. проф. А.Ю. Друговская. Курск, 2000. С. 50.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 29. Л. 26, 34; М.С. Смирнова умерла в Курске в августе 1996 г., Н.Д. Непогодина — в январе 2002 г.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 717411. Д. 43/16. Л. 6.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 32. Л. 80-82; Цит. по: *Манжосов А., Шаламов В.* Сенька — юный пулеметчик. // Молодая гвардия. 1972. 1 июля.

¹⁷ *Манжосов А.Н., Немцев А.Д.* Юные бойцы курских бронепоездов (1941—1945) // Война и дети: им память — высшая награда. Матер. международной науч.-практ. конф. Курск, 2005. С. 44, 45.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 50. Л. 1—13.

А.Н. МАНЖОСОВ

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ ЕКАТЕРИНЫ II: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

На протяжении всего XVIII века взаимоотношениям России с ведущими морскими державами уделялось самое пристальное внимание и отводилась первостепенная роль. Взаимодействие россиян с англичанами и французами в сферах экономики, кораблестроения, науки и техники и других важнейших областях государственной жизни рассматривалось в общем русле международного сотрудничества. Любые перемены во внешнеполитическом курсе неизбежно приводили к серьезным последствиям в отношениях с этими государствами. В первые годы правления Екатерины II внешнеполитические принципы России и Англии строились исключительно на обоюдном желании сохранить подписанные взаимовыгодные договоры: трактат дружбы и коммерции (1734 г.), союзный трактат, заключенный в Петербурге (1741 г.), союзный трактат, подписанный в Москве (1742 г.).

В ОКТЯБРЕ 1762 года аккредитацию в Петербурге получил английский посланник лорд Джон Букингам*. Главной целью предста-

* Написание иностранных имен часто расходится в различных изданиях, как современных, так и XIX в. Например, Букингам — Бэкингам, Гуннинг — Ганнинг, Сандвич — Сандвич, Каскарт — Каткарт, Бретель — Бретейль. В данной статье автор придерживается наиболее распространенной формы.

вителя английского короля было заключение торгового трактата, проект которого ему вручили в августе 1763 года. В начале 60-х годов XVIII столетия британская дипломатия предприняла попытки подписать с Екатериной II оборонительный союз, но они были неудачны в силу возникших разногласий по важным для России пунктам, например, таким, как турецкий вопрос. Екатерина II, будучи прирожденным дипломатом, обладавшая тонким политическим чутьем, понимала, что рано или поздно война с Турцией станет неизбежной, поэтому стремилась обеспечить себе надежных союзников. Однако вскоре она ясно осознала, что этот союз с Великобританией не предвещает России никаких внешнеполитических выгод и потому не торговалась его заключать.

Суть англо-российских противоречий в переговорном процессе состояла в следующем. В августе 1763 года императрица вручила Д. Букингаму свой вариант проекта союзного договора сроком на восемь лет. В качестве стержневого в текст был внесен пункт о включении войны России с Турцией в *casus foederis*, т.е. выполняя обязательства по союзному договору, Великобритания должна была ежегодно выплачивать Российской Империи в случае ее войны с турками внушительную сумму в размере 500 тыс. рублей (100 тыс. фунтов ст.). Но Сент-Джеймский кабинет**, не захотев рисковать своими торговыми интересами в Леванте (Средиземноморье), категорически отказывался рассматривать проект договора в такой редакции. В инструкциях Д. Букингаму из Лондона четко оговаривалось, что «невозможно найти причину, по которой Великобритания может согласиться на статью, столь гибельную для ее торго-

** По названию официальной резиденции английского короля Георга III.

Екатерина II

вых интересов»¹. Со стороны России также выдвигался пункт о *casus foederis*: императрица принимала на себя обязательство предоставить 12 тыс. солдат для защиты английского и ирландского побережий в случае военных действий Великобритании с Испанией или Португалией.

Еще одним камнем преткновения в англо-российских переговорах оказался артикул по польскому вопросу. Он содержал условие Екатерины II о выплате Англией той же суммы, что и в случае с турецким вопросом, — 500 тыс. рублей ежегодно с момента вступления русских войск в Польшу. О политическом подчинении Речи Посполитой России Екатерина II начала задумываться уже в начале своего царствования, отчего и возник этот артикул относительно английского *casus foederis*. На очередной аудиенции у императрицы британский посланник заявил, что его правительство никогда не подпишет проект в той редакции, которую предлагала российская сторона.

Несмотря на общность интересов Лондона и Петербурга, основанных на стремлении не допустить усиления Франции, заключение союзного договора так и не сдвинулось с мертвой точки. Разногласия по трем ключевым пунктам оказались непреодолимым препятствием на пути продвижения к англо-российскому

союзу. И все же 20 июня (1 июля) 1766 года с Англией был подписан торговый договор сроком на 20 лет, в целом подтвердивший режим наибольшего благоприятствования для британской торговли в России. В то время, пока шли переговоры об оборонительном союзе, началась Русско-турецкая война (1768—1774). Несмотря на сложный переговорный процесс, английский король Георг III остался надежным гарантом политики, проводимой Екатериной II в период нахождения российских военно-морских сил в Эгейском и Средиземном морях. Великобритания без каких-либо препятствий открыла русским кораблям доступ в свои порты и доки, а также предоставила военноморскую базу Магона на острове Менорка, где находились российские склады и военный госпиталь. Английские транспортные суда осуществляли доставку продовольствия и артиллерии в главную базу российского флота Аузу на острове Парос. Наконец, после окончания Русско-турецкой войны корабельные подмастерья из Кронштадта и Петербурга начали стажироваться на королевских верфях Портсмута, Плимута и Чатама.

В 1771—1772 годах, когда Россия вела войну с Турцией и готовилась к разделу Речи Посполитой, англо-русские переговоры о союзе отошли на второй план. А в 1774 году произошло событие, которое повлекло за собой совершенно непредвиденные последствия как для самой Англии, так и для ее отношений с Россией, — вспыхнуло восстание в североамериканских колониях Великобритании, переросшее вскоре в войну за независимость и отделение от метрополии. Британский посланник в Петербурге Роберт Гуннинг длительное время в своих депешах уверял Лондон в том, что «русская императрица настолько дружна» с английским королем, что в любую минуту готова предоставить ему русских солдат-наемников для усмирения колонистов². 1 сентября 1775 года английский король Георг III обратился к Екатерине II с личным письмом. Он просил ее оказать Великобритании военную по-

мощь и предоставить экспедиционный корпус в количестве 20 тыс. человек для подавления волнений в колониях. Король предлагал осуществить переброску войск через территорию Канады, после чего они должны были поступить под командование британских офицеров. Георг III настолько не сомневался в поддержке Екатерины II, что Р. Гуннингу через статс-секретаря по иностран-

Георг III

ным делам графа Г. Дж. Суффолка из Лондона был прислан проект «трактата между русской императрицей и королем Великобританским». Все военные, транспортные и продовольственные расходы, а также выплату жалования солдатам английская сторона брала на себя. На просьбу английского короля Екатерина II ответила отказом³. Впоследствии для борьбы с восставшими колонистами Георг III нанял солдат в германских княжествах, в том числе и в своих наследственных ганноверских владениях, но категорический отказ императрицы помогать ему стал первой трещинкой, появившейся в отношениях между Россией и Великобританией.

Весной 1776 года английский король скрепил своей подписью особую инструкцию, одобренную парламентом и направленную «командующим кораблями и военными судами». В ней указывалось: «Запрещается всякий промысел и торговля с селениями Нового Гемпшира, Массачусетского залива и Коннектикута во время продолжения нынешнего бунта в этих селениях и предписывается, дабы все корабли и суда,

принадлежащие жителям упомянутых селений, вместе с их грузом должны быть описаны на нас... Командующие кораблями и военными судами уполномочены и имеют повеление силой оружия делать нападения, покорять и брать корабли и суда, принадлежащие жителям упомянутых мятежных селений, вместе с их грузами»⁴.

Подписывая такой документ, Георг III по сути предоставил командирам судов, как торговых, так и военных, полный карт-бланш в действиях на море. Королевским указом поспешили воспользоваться искатели легкой наживы, для которых важен был только сам факт наличия высочайшего патента. Постепенно события приобретали все более драматический характер. Под предлогом нанесения экономического ущерба мятежникам-колонистам на океанских коммуникациях стали процветать пиратство и открытые грабежи. От нападений и разбоя страдали не только купеческие корабли поселенцев — бывших англичан, но и мирные торговые суда представителей других наций, в том числе и тех, которые начали выгодно торговать с американским населением.

В СКОРЕ морское бесчинство достигло Северного моря и российских территориальных вод. Неоднократные случаи нападения каперских судов на купеческие корабли вынудили Екатерину II принять соответствующие меры. Возмущенная причинением ущерба архангельской торговле и рыбным промыслам, 26 января 1779 года императрица направила в Адмиралтейств-коллегию указ о подготовке и вооружении 10 кораблей и фрегатов; командование эскадрой поручалось контр-адмиралу С.П. Хметевскому. С наступлением навигации ему предназначалось выйти в Северное море для крейсирования «от Белого моря до Кап Норда, составляя из эскадры своей такую цепь, дабы без ведома его ни одно судно прокрасться не могло». Согласно инструкции, в случае встречи с иностранным «каперским судном с патентом своего правительства» С.П. Хметевскому предписывалось «пристойно объявлять

офицерам, что пребывание их в тамошних водах ни дозволяемо, ни терпимо быть не может и чтоб они ехали назад»⁵. Отправление эскадры С.П. Хметевского стало первым шагом Петербурга на пути достижения безопасности в акватории Северного моря.

28 февраля (11 марта) 1780 года российская императрица обратилась к воевавшим и нейтральным государствам с манифестом. Всем европейским государствам предлагалось присоединиться к подписанию особого акта — декларации, где впервые были изложены принципы вооруженного нейтралитета⁶. Идея политической концепции нейтралитета принадлежала лично Екатерине II. Основной смысл концепции сводился к защите морской торговли стран, не участвовавших во внешнеполитических конфликтах. Великобритания в то время вела войну на двух театрах — с колониями — с одной стороны, и с Францией и Испанией — с другой. Две последние державы поддерживали американских колонистов, нейтральными оставались Россия, Дания, Швеция, Голландия, Португалия, Пруссия и Австрия. В период ведения боевых действий Англии с Францией и Испанией в Средиземном море и в Атлантике появились вооруженные американские, английские и испанские каперские корабли, совершавшие нападения на торговые суда. Возмущенная «дерзким разбоем», захватом купеческих кораблей и «оскорблением российского купеческого флага», Екатерина II предложила подписать декларацию о защите прав торговли стран, не участвовавших в конфликтах.

Документ содержал следующие требования: 1. Свободный заход кораблей нейтральных стран в любой порт, включая порты воюющих держав. Исключение составляют места, состоящие в блокаде значительным количеством морских сил; 2. Безоговорочное соблюдение основного правила на период ведения боевых действий, а именно — «Флаг принадлежит воюющим державам, должны быть неприкосновенны, за исключением военной контрабанды и оружия; 3. Защита торговли

«без разбора наций», справедливое судопроизводство»⁷.

6 мая 1780 года циркулярные рескрипты были отправлены российским посланникам И.М. Симолину в Лондон, И.С. Барятинскому в Париж и С.С. Зиновьеву в Мадрид. Императрица предписывала дипломатам проводить дальнейшие переговоры с «Великобританским и обоими Бурбонскими дворами» (французским и испанским) на предмет подписания конвенции. Она проинформировала дипломатов о подготовке и вооружении в Кронштадте сильной эскадры в составе пятнадцати кораблей и четырех фрегатов, которой предстояло выйти на боевое дежурство. В рескриптах указывалось: «Решили мы часть флота нашего, разделя на три эскадры, отправить в крейсерование по разным морям. Первая из них под командою контр-адмирала Борисова пойдет в Средиземное море и станет там плавать. Вторая под предводительством капитана Палибина имеет свое назначение к высотам Лиссабонским, а третья с контр-адмиралом Крузом выйдет к Зунду в Северное море»⁸.

В задачи эскадр входила вооруженная защита торговых судов от произвола каперских отрядов. Командиры судов получили главную инструкцию: «Чтоб флаг наш везде надлежащим образом уважаем был, и плавание наших торговых судов не было подвержено от воюющих ныне держав»⁹. Эскадрам был дан приказ «держаться неразлучно», в случае же нападения на них — «поступать по регламенту, охраняя честь флага российского». Перед отправлением в Атлантику и Средиземное море командиры эскадр получили особую инструкцию, регулирующую их действия на море. В основных пунктах этого документа указывалось, что командирам кораблей запрещалось близко подходить к блокированным портам. Если они вдруг окажутся свидетелями сражения между флотами воюющих государств, то в таком случае им запрещалось не только принимать чью-либо сторону, но и совершать провокационные действия. В этой ситуации российским кораблям предписывалось просто отойти на дальние дистанции и не вступать ни в какие конфликты.

При обращении за вооруженной помощью капитанов коммерческих судов Дании, Португалии, Голландии и других стран командирам русского флота следовало поступать строго в соответствии со статьями договоров, подписанных этими государствами с Россией. Особо оговаривался пункт о военной контрабанде, внесенный в текст манифеста от 28 февраля 1780 года. К военной контрабанде относились холодное оружие (сабли, шпаги, кинжалы), пистолеты, порохи, ядра, патроны, брандскугели и другие боезаряды. Если коммерческие суда не провозили контрабандный груз, то они могли рассчитывать на помощь российского флота¹⁰.

Инструкцию о регулировании действий эскадр в водах Средиземного моря и Атлантики, разработанную кабинетом Екатерины II в рамках концепции вооруженного нейтралитета, с полным основанием можно считать продолжением развития норм международного морского права и законодательства по соблюдению безопасности морских перевозок и мореплавания.

ПЕРВЫМИ государствами, вступившими в лигу «Вооруженный морской нейтралитет», были Дания и Швеция. В течение последующих трех лет декларацию о защите торговли нейтральных государств скрепили своими подписями представители Голландии, Франции, Испании, Португалии, Пруссии, Австрии и Королевства Обеих Сицилий. Из ведущих государств Северной и Центральной Европы только Великобритания отказалась принять участие в этом союзе или поддержать его установления. Более того, это государство почитало себя оскорбленным действиями российской императрицы. Вооруженный нейтралитет был невыгоден Великобритании, так как подрывал ее морское могущество и сводил на нет лидирующее положение среди морских держав, которое она активно оспаривала и за которое долго и серьезно боролась со своими соперниками.

После событий 1780 года внешнеполитический курс Сент-Джеймского кабинета по отношению к Петербургу постепенно стал откровенно

враждебным, а в 80-е годы XVIII века эскалация конфликта с Англией стремительно нарастала. Потеря если не прямой дружбы, то во всяком случае нормальных отношений с такой значимой морской державой, как Англия, для России была нежелательной.

Оценивая результаты политики вооруженного нейтралитета следует признать их двойственность. С одной стороны, Россия, несомненно, укрепила свои позиции и престиж на международной арене. В эти годы значительно сократилось пиратство и корсарство на морях, за счет чего на оживленных морских коммуникациях было достигнуто относительно свободное и безопасное торговое мореплавание. С другой стороны, для того чтобы обеспечить такую безопасность, из всех стран-участниц лиги Россия фактически одна несла на своих плечах огромные финансовые расходы. На смену одним эскадрам отправлялись другие, что влекло за собой дополнительные затраты по их вооружению и снабжению. В отличие от балтийской средиземноморская торговля подданных Екатерины II тогда еще не была достаточно развитой, поэтому от нейтралитета скорее выиграла не Российская Империя, а шведская, ганзейская, гамбургская, датская и прусская торговля.

В 1787 году началась новая Русско-турецкая война, и в первых числах января следующего года российский посланник в Париже И.М. Симолин получил высочайший рескрипт, в котором императрица информировала его: «На усмирении дерзости и наказании вероломства неприятеля решились мы послать флот наш в Средиземное море для сделания ему диверсии»¹¹. В соответствии с этой задачей И.М. Симолину надлежало сделать официальное заявление перед представителями дипломатического корпуса, что Россия обязуется свято соблюдать правила нейтральной торговли и безопасного мореплавания и по-прежнему «охранять и защищать нейтральный торг». Аналогичные рескрипты получили представители двора Екатерины II в Мадриде, Неаполе, Турине, Венеции, Копенгагене, Стокгольме и поверен-

ные в делах в Лиссабоне, Генуе и на Мальте. Таким образом, готовилась вторая экспедиция российского флота в Средиземное море, о которой были предупреждены все европейские дворы.

В 1788 году в связи с нападением Швеции на Россию последняя оказалась втянутой в войну на двух театрах — Балтийском и Черноморском. В эти трудные для Российского государства дни Великобритании продолжала проявлять враждебность, вызванную вооруженным нейтралитетом. По мере обострения российско-английских отношений создавалась реальная угроза появления британского флота в водах Балтики. В случае вероятного объединения шведских и английских эскадр воевать с коалиционным флотом России было бы не под силу. Кроме того, Великобритания заключила военный союз с Пруссией, которая стянула свои войска к российским границам.

В период 1788—1789 годов посланник в Лондоне С.Р. Воронцов провел колоссальную дипломатическую работу по предотвращению любых военных акций со стороны Великобритании***. Но несмотря на все усилия Семена Романовича, агрессивно настроенные политические и государственные деятели в очередной раз принялись обвинять Россию в проведении политики вооруженного нейтралитета. Это, по их мнению, нанесло невосполнимый моральный и экономический ущерб Великобритании. И все же в ходе военных действий со шведами вооруженное вмешательство в войну как Англии, так и Пруссии было предотвращено. Несомненно, это явилось крупным успехом российской дипломатии.

В дальнейшем, при императоре Павле I, когда Россия и Великобритания стали партнерами в совместной борьбе против Франции, отношения между ними нормализовались. В 1798—1799 годах Англия ввела блокаду берегов Голландии, занятой французами. Согласно союзному российско-

английскому договору 1795 года, Российская Империя выслала в Северное море на помощь английской эскадре (командующий — адмирал Дункан) свою эскадру в составе пятнадцати кораблей и четырех фрегатов под командованием контр-адмирала М.К. Макарова. Польза от англо-русского союза была взаимная и двусторонняя. Соединившись с англичанами, эта эскадра до 1799 года несла с ними совместную блокадную службу. Британское адмиралтейство много содействовало ремонту и модернизации русских кораблей старой постройки, благодаря чему эта эскадра смогла выйти в Средиземное море на усиление эскадры Ф.Ф. Ушакова и выдержать военные кампании с Турцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Граф Сандвич — Джону Букингаму, 26 июня 1764 г. // Сборник Русского Императорского Исторического Общества. СПб., 1873. Т. 12. С. 146—148, 168.

² Цит по: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С. 68.

³ Георг III — Екатерине II, 1 сентября 1775 г.; Екатерина II — Георгу III, 23 сентября 1775 г.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 35. Оп. 6. Д. 36. Л. 2, 2 об., 6, 7; Д. 37. Л. 2—5 об.

⁴ АВПРИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Л. 113, 114.

⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 212. Канц. 2 отдел. Д. 157. Л. 18.

⁶ Вооруженный нейтралитет — сотрудничество России, Дании и Швеции, а также ряда других государств, сложившееся в 1779—1783 гг. (в связи с войной североамериканских колоний за независимость) и в 1800—1801 гг. в целях охраны торгового мореплавания нейтральных стран. См.: Дипломатический словарь: В 3 т. Наука, 1985. Т. 1. С. 217.

⁷ О вооруженном морском нейтралитете // Морской сборник. 1859. № 9—10. С. 34—43.

⁸ Екатерина II — И.М. Симолину, И.С. Барятинскому, С.С. Зиновьеву, 6 мая 1780: АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 68. Л. 1, 2, 2 об.

⁹ АВПРИ. Д. Ф. 35. Оп. 6. Д. 68. Л. 3.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Канц. 2 отдел. Д. 168. Л. 64.

¹¹ Екатерина II — И.М. Симолину, 5 января 1788 г.: АВПРИ. Ф. 93. Оп. 6. Д. 454. Л. 1—4.

Г.А. ГРЕБЕНЩИКОВА

*** Половинкина М.Л. Военная и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова // Воен.-истор. журнал. 2006. № 8. С. 67—70.

ВОЕННЫЕ СПАСАТЕЛИ – ВОЙСКА ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ. 1996–2006 гг.

В России государственная организация защиты населения была создана 4 октября 1932 года, когда Совет народных комиссаров СССР утвердил Положение о местной противовоздушной обороне (МПВО). Ее первым серьезным испытанием стала Великая Отечественная война, во время которой подразделения МПВО обезвредили 40 тыс. зажигательных бомб, потушили 2700 пожаров, ликвидировали более 3000 крупных аварий¹. В те годы, впервые в нашей истории была организована система защиты населения, которая позволила сохранить жизни тысячам мирных граждан. В послевоенный период МПВО совершенствовалась с учетом появления ядерного, химического и бактериологического оружия. С сентября 1971 года непосредственное руководство системой гражданской обороны (ГО) осуществляло Министерство обороны. Однако гражданская оборона оказалась не готовой к работе в условиях крупных аварий и катастроф.

В 1991 году Указом Президента РФ войска ГО были переданы в состав Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России)². В настоящее время эти войска являются частью Единой

государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Войска ГО — это государственные воинские формирования, специально предназначенные для защиты территории страны и ее населения от чрезвычайных ситуаций (и при угрозе их возникновения) в мирное и военное время. Они состоят из военнослужащих (на сегодня — примерно 85 проц.) и гражданского персонала (около 15 проц.). Офицеры войск — выпускники вузов МЧС России, других образовательных учреждений РФ — по добровольному принципу; сержанты и рядовые — по призыву, согласно Федеральным законам «Об обороне» и «Воинской обязанности и военной службе».

Организация, применение и обеспечение войск ГО сегодня регулируются Указом Президента РФ от 27 мая 1996 года «Вопросы гражданской обороны Российской Федерации»³, правовыми актами Министерства обороны и Генштаба Вооруженных Сил РФ, Уставом Войск гражданской обороны РФ, рядом норм закона «О гражданской обороне»⁴, совместными приказами соответствующих министерств и ведомств РФ.

Войска ГО отличаются от других войск и воинских формирований. Особый характер их деятельности определяется Дополнительными протоколами к Женевской конвенции от 12 августа 1949 года. В соответствии с ними войска ГО имеют на вооружении только холодное и ручное стрелковое оружие, которое применяется исключительно для защиты военнослужащих войск ГО и населения от нападения противника и приравненных к ним вооружен-

ных формирований на своей территории, а также для охраны и обороны важных объектов инфраструктуры и экономики.

Назовем основные задачи войск ГО. Для мирного времени: радиационная, химическая, биологическая разведка в зонах чрезвычайных ситуаций, а также на маршрутах выдвижения к ним; санитарная обработка населения, специальная обработка техники и имущества, зданий, сооружений и территорий; пиротехнические работы по обезвреживанию авиабомб и фугасов; тушение крупных лесных и торфяных пожаров; обеспечение сохранности грузов гуманитарной помощи, перевозимых в зоны чрезвычайных ситуаций; участие в обеспечении пострадавшего населения продовольствием, водой, предметами первой необходимости, другими материальными средствами, услугами. Для военного времени: радиационная, химическая, бактериологическая (биологическая) разведка в очагах поражения, зонах загрязнения (заражения) и катастрофического затопления, а также на маршрутах выдвижения сил к таким очагам; санитарная обработка населения, специальная обработка техники и имущества, обеззараживание зданий, сооружений и территорий; участие в мероприятиях по эвакуации населения, материальных и культурных ценностей из очагов поражения, зон загрязнения (заражения) и катастрофического затопления; пиротехнические работы по обезвреживанию авиабомб, фугасов, ракет; решение отдельных задач территориальной обо-

роны, охрана и оборона важных объектов инфраструктуры и экономики, восстановление аэродромов, дорог, переправ и др.

Деятельность войск ГО в режиме военного времени осуществляется с момента объявления состояния войны, фактического начала военных действий или введения Президентом РФ военного положения на территории страны или в отдельных ее местностях, а в мирное время — при стихийных бедствиях, эпидемиях, эпизоотиях (распространение болезней среди животных), крупных авариях, катастрофах, ставящих под угрозу здоровье населения и требующих проведения аварийно-спасательных работ.

Реформирование войск ГО началось в 1996 году с целью повышения эффективности их применения в мирное и военное время. За прошедшее десятилетие части и соединения ГО претерпели значительные изменения. Что представлял собой, к примеру, отдельный механизированный полк ГО, входивший в состав Министерства обороны? Это были механизированные батальоны практически одинаковой структуры, а также различные подразделения: инженерно-технические, химической защиты, пиротехнические, медицинские, пожарные, разведывательные и др. Теоретически они предназначались для защиты от оружия массового поражения населения и промышленных объектов в военный период, но практически были плохо приспособлены для решения задач мирного времени. К тому же их количество было недостаточным. Располагались войска ГО по 2–3 части по военным округам и содержались в сокращенном составе: имели штатную численность личного состава 100, 200 и редко 500 человек, а фактическую — и того меньше. Безусловно, в случае появления угрозы нападения противника предполагалось превращать их в «полнокровные» воинские части, но на развертывание до полного штата отводились сроки от 3 до 12 суток. Однако в условиях чрезвычайных

ситуаций мирного времени, в которых одновременно большое количество людей ожидают скорой помощи, через 12 суток спасти уже было бы некогда⁵.

Сложность, масштабность, многообразие чрезвычайных ситуаций мирного времени, а также недостатки в реагировании войск ГО на экстремальные ситуации диктовали новые взгляды на задачи и структуру воинских частей ГО и других формирований. С образованием МЧС России и передачей ему этих сил из Министерства обороны началась непосредственная работа по их преобразованию и совершенствованию. Командование войск ГО корректировало и уточняло их штаты, таблицы оснащения, содержание, формы боевой подготовки и т.д.

В руководстве МЧС России было решено создать спасательные центры. Первый из них появился на базе автомобильной и спасательной бригад, а также Российского центра подготовки спасателей. Эти части и соединения располагались в г. Ногинске, в относительной близости к аэродрому в г. Жуковском. Автомобильная бригада (четыре автомобильных батальона) объединялась со спасательной бригадой, имевшей в своем составе батальоны: механизированный, химической защиты, аварийно-спасательный, а также ряд подразделений, и центром спасателей с соответствующей учебной базой и квалифицированным обучающим персоналом. Таким образом, 13 января 1998 года был сформирован 179-й спасательный центр в соответствии с приказом МЧС России от 27 декабря 1997 года. Первым начальником центра стал генерал-майор В. Башкирцев⁶.

В настоящее время 179-й спасательный центр стал еще более мобильным, отвечающим требованиям сегодняшнего дня. Он имеет хорошую учебно-материальную базу, позволяющую готовить специалистов высшего класса. В структуру отряда входят управление спасательного центра; 9-й отдельный спасательный отряд экстренного реагирования; спа-

сательный отряд (десантный); 11-й отдельный отряд радиационной, химической и биологической защиты; 16-й отдельный отряд жизнеобеспечения; 34-й отдельный отряд пиротехнических работ; 43-й отдельный отряд охраны и сопровождения грузов; 44-й отдельный медицинский отряд; 45-й отдельный пожарный отряд; 46-й отдельный поисково-спасательный кинологический отряд; 49-й отдельный отряд хранения и обслуживания вооружения и техники; 65, 66 и 67-й отдельные автомобильные отряды; 40-й Российский центр подготовки спасателей; 110-й учебный центр; 699 ремонтная база⁷.

Только за первые пять лет существования центра в нем подготовлены 1234 спасателей, в том числе международного и первого класса; за отличие при выполнении задач по предназначению и проявленное при этом мужество 111 человек удостоены государственных наград и наград МЧС России; 39 военнослужащим присвоены очередные воинские звания досрочно⁸.

В декабре 2000 года Президент РФ В.В. Путин вручил центру вымпел «Лучшей воинской части».

Впоследствии в Северо-Западном региональном центре Гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций (ГОЧС) на базе 198 и 171-го отдельных механизированных полков ГО был сформирован 346-й спасательный центр. Переход к системе спасательных центров стал активно осуществляться по поручению Президента РФ от 17 января 2001 года.

В МЧС России были разработаны и утверждены основополагающие документы, регламентирующие развитие войск ГО. Прежде всего это план строительства войск гражданской обороны на 2001–2005 годы, утвержденный Президентом РФ 4 августа 2001 года. Этот документ определял основные задачи и направления реформирования войск ГО, отвечающие требованиям государственной политики в области военного строительства. Главной задачей было создание мобильной, осна-

щенной техническими средствами группировки войск, способной эффективно действовать в соответствии с их предназначением и новыми вызовами. В этих целях проводилась реорганизация войск ГО, в том числе оптимизация состава и структуры, оснащение современной техникой, повышение престижа службы, прежде всего путем поднятия социального статуса военнослужащего.

К началу 2002 года в войсках ГО были сформированы 15 спасательных центров, отдельный спасательный отряд и 2 отдельные смешанные авиационные эскадрильи⁹. Причем приоритеты в реорганизации отданы улучшению состояния готовности войск к выполнению задач по предназначению как в мирное, так и военное время.

Основным из этих приоритетов является увеличение количества подразделений постоянной готовности в составе соединений и воинских частей. План предусматривал повышение показателей качественных характеристик войск ГО в 1,6 раза.

В ходе следующего этапа реформирования (2006—2010 гг.) должна быть создана мобильная, оснащенная современными техническими средствами группировка формирований и органов Государственной спасательной службы МЧС России¹⁰. Войска ГО подчиняются непосредственно начальнику Департамента войск и сил МЧС РФ и начальникам региональных центров по месту их дислокации. В соответствии с Указом Президента РФ от 20 декабря 2005 года штатная численность военнослужащих войск ГО установлена в количестве 19,5 тыс. единиц. Штатная численность гражданского персонала войск ГО устанавливается Правительством РФ, а организационная структура и предназначение — МЧС России¹¹. В соединениях и частях ГО организовано боевое дежурство аварийно-спасательных подразделений с готовностью выдвинуться в район чрезвычайной ситуации через час летом и полтора — зимой.

15 февраля 1994 года для обеспечения безопасности

проведения спасательных операций в районах чрезвычайных ситуаций на основании приказа министра МЧС России в составе войск ГО был создан 294-й центр по проведению спасательных операций особого риска «Лидер»¹². Кроме того, в его задачи входит проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ особой сложности, а также обеспечение оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации.

В состав центра входят подразделения: горно-спасательных работ; аварийно-спасательных водолазных работ; специальных работ (подрывных и пиротехнических); десантников-спасателей; медико-спасательное; спасения и эвакуации населения, сопровождения грузов; радиационной, химической и биологической разведки.

В сентябре 1997 года в «Лидере» было создано Управление спасательное робототехнических средств¹³. Специалистами центра и МГТУ имени Баумана отработана технология локализации источников ионизирующего излучения с применением робототехнических средств. В 2000 году на его вооружение поступили три робота, оснащенных специальными инструментами, которые позволяют выполнять земляные, разгрузочно-погрузочные работы, а также разрушение и дробление материалов в опасных зонах, удаленных от человека на расстоянии до 200 метров¹⁴.

Личный состав центра постоянно участвует в спасательных и гуманитарных операциях как на территории России, так и за ее пределами. Только за последние годы специалисты «Лидера» участвовали в работах по гуманитарному разминированию в Хорватии и Косово, где обезвредили более 5000 взрывоопасных предметов. За 1995—2000 годы саперами на территории Чечни было обезвреждено более 900 взрывоопасных предметов, в том числе 253 авиабомбы, 184 артиллерийских снаряда, 43 гранаты¹⁵. Летом 1998 года в течение трех месяцев специалисты-пиротехники

прочесывали поля и леса в Воронежской области с миноискателями в руках. Поиски осложнялись отсутствием каких-либо карт. За время работы было обезврежено 3137 взрывоопасных предметов времен Великой Отечественной войны¹⁶.

Бойцам «Лидера» все чаще приходится реагировать на террористические акты. Личный состав осуществлял аварийно-спасательные и специальные работы при взрывах жилых домов в Каспийске, Буйнакске, Дома правительства в Грозном, при взрывах в московском метрополитене, при захвате заложников в Буденновске, в театральном центре на Дубровке, а также при захвате бандитами средней школы в Беслане.

В 2002 году коллективу центра вручен переходящий кубок МЧС «За доблесть и высокий профессионализм при спасении людей»¹⁷. По итогам 2004 года 294-й центр признан лучшей воинской частью МЧС России и приказом министра награжден переходящим вымпелом «Лучшему соединению (воинской части)».

Подразделениями и оперативными группами центра только в 2004 году проведено 298 поисково- и аварийно-спасательных операций. В итоге были спасены 56 человек, эвакуированы из зон бедствий 110. Из-под завалов в местах трагедий извлечено 57 тел погибших. Кроме того, на территориях обнаружено и обезврежено более 160 взрывоопасных предметов. В ходе специальных работ утилизировано свыше 600 м³ радиоактивных отходов, а также проведена специальная обработка 650 единиц техники¹⁸.

«Лидер» сегодня — это одно из наиболее мобильных и слаженных подразделений МЧС России, находящееся в круглосуточной готовности к выезду и проведению спасательных, гуманитарных и специальных операций особого риска¹⁹.

Авиация МЧС России включает Государственное унитарное авиапредприятие и отдельные вертолетные отряды, находящиеся в подчи-

нении региональных центров министерства. 10 мая 1995 года вышло в свет постановление Правительства РФ «О создании Государственного унитарного авиационного предприятия (ГУАП) МЧС России»²⁰. Несколько позже начальником Управления авиации был назначен полковник Р.Ш. Закиров (в настоящее время генерал-лейтенант). Под его непосредственным руководством были сформированы органы управления авиацией министерства, разработана концепция авиационного обеспечения МЧС России, шло создание и становление ГУАПа. Вместе со специалистами управления Р.Ш. Закиров занимался разработкой новых авиационных технологий и их практическим применением при проведении спасательных операций²¹. В настоящее время в составе авиационной группировки МЧС 15 самолетов. В их ряду — серийные транспортные Ил-76 ТД, самолеты короткого взлета и посадки Ан-74 П, воздушные пункты управления на базе Як-42 Д, воздушный командный пункт на базе Ил-62 М, а также многоцелевые самолеты Ан-3, которые идут на смену вертолета Ми-8 Т²².

В 2004 году самолетный парк авиации МЧС России пополнился многофункциональными самолетами-амфибиями Бе-200ЧС. Они предназначены не только для доставки групп спасателей, пожарных подразделений, грузов и необходимого оборудования в районы ЧС, но и тушения лесных и других пожаров путем многократных сливов воды в очаг пламени. Всего до конца 2007 года планируется приобрести семь машин²³.

В составе авиационной группировки МЧС России 30 вертолетов, из них 20 проц. — тяжелые, 67 проц. — средние многоцелевые и 13 проц. — легкие.

С весны 1998 года легкие вертолеты постоянно работают в небе Москвы: перевозят в клиники столицы тяжелобольных и раненых, нуждающихся в экстренной медицинской помощи, пострадавших при ДТП, пожарах, взрывах и террористических актах. Так, в 2004 году они со-

вершили в столице 369 вылетов, с их помощью были госпитализированы 97 человек²⁴.

На авиацию МЧС России возложено выполнение поиска и обнаружения пострадавших при возникновении чрезвычайных ситуаций, десантирования спасательных групп, эвакуации пострадавших из зон бедствия на суше и водной поверхности, тушения пожаров, ведения воздушной, инженерной, радиационной, химической и пожарной разведки, мониторинга местности, обработки объектов химическими и биологическими препаратами, монтажных и демонтажных работ, парашютного сброса грузов, транспортировки вертолетов, автомобильной техники, обеспечение управления и связи с воздушных пунктов управления, доставки сил и средств Российского национального корпуса чрезвычайного гуманитарного реагирования в назначенные районы.

Подводя итог, следует отметить, что в последние годы войска ГО все чаще привлекаются к эвакуации населения, решению вопросов его первоочередного жизнеобеспечения, восстановлению пострадавших объектов и коммуникаций, сопровождению гуманитарных грузов, охране особо важных объектов, а также локализации и тушению крупных очагов лесных и торфяных пожаров.

Подразделения войск ГО не раз работали в зонах вооруженных конфликтов: Южной и Северной Осетии, Абхазии, Грузии, Приднестровье, Югославии, Таджикистане, Чечне, Афганистане. Они обеспечивали людей питьевой водой и продуктами питания, организовывали эвакуацию раненых и доставку почты. Не раз во время крупных эпидемий медики совместно с войсками ГО проводили эвакуацию больных, обеспечивали людей предметами первой необходимости.

За последние 10 лет военные спасатели около 40 тыс. раз участвовали в ликвидации последствий аварий и катастроф. В результате проведенных операций ими было спасено свыше 65 тыс. человек²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Официальный сайт МЧС России (www.mchs.gov.ru).

² Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1899.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2671.

⁴ Там же. 1998. № 7. Ст. 799.

⁵ Башкирцев В. Спасательные центры МЧС России // Гражданская защита. 2002. № 9. С. 15.

⁶ Архив центрального аппарата МЧС России (АЦА МЧС РФ). Ф. 4. Оп. 828. Д. 25. Л. 53.

⁷ Официальный сайт МЧС России (www.mchs.gov.ru).

⁸ Башкирцев В. Указ. соч. С. 19.

⁹ Потапов В. Войска гражданской обороны на этапе реформирования // Гражданская защита. 2002. № 1. С. 18, 19.

¹⁰ Воробьев Ю. XXI век — стратегические аспекты деятельности РСЧС и гражданской обороны // Гражданская защита. 2001. № 1. С. 19.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 52 (ч. III). Ст. 5685.

¹² АЦА МЧС РФ. Ф.1. Оп.1. Д. 231. Л.195.

¹³ Официальный сайт МЧС России (www.mchs.gov.ru).

¹⁴ Самохин А. Спецназ спасения // Спасатель МЧС России. 2004. № 62(4). 1—10 февраля.

¹⁵ Зубахин А. Спасет и защитит «Лидер» // Гражданская защита. 1998. № 7. С. 17.

¹⁶ «Лидер» означает «ведущий» // Основы безопасности жизни. 2003. № 3. С. 56, 57.

¹⁷ АЦА МЧС РФ. Ф. 4. Оп. 828. Д. 25. Л. 53.

¹⁸ Волков В. Лучшая часть МЧС // Гражданская защита. 2005. № 2. С.14.

¹⁹ Самохин А. Знания и сила // Спасатель МЧС России. 2004. № 62(4). 1—10 февраля.

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 20. Ст. 1807.

²¹ Бортан С. Взлет в новое тысячелетие // Гражданская защита. 2005. № 5. С. 51.

²² Бельцов В. МЧС России закупило первый самолет «АН-3» // Спасатель МЧС России. 2004. № 92(34). 1—10 декабря.

²³ Новиков В. Уникальная авиационная компания // Гражданская защита. 2005. № 5. С. 61, 62, 64.

²⁴ Бортан С. Указ. соч. С. 54.

²⁵ Официальный сайт МЧС России (www.mchs.gov.ru).

**Полковник в отставке
В.С. СЕРГЕЕВ**

ВОЕННОПЛЕННЫЕ-ЕГИПТЯНЕ В РОССИИ.

1877–1880 гг.

В конце 1870-х годов в Европейской России можно было услышать турецкую и арабскую речь: в больших и малых городах появились группы невиданных там до той поры людей, говоривших на незнакомых русскому человеку языках. Это были попавшие в плен военнослужащие турецкой (османской) армии, в том числе и египтяне.

ЕГИПТЯНЕ оказывались в плену в России и раньше, например, во время Крымской войны 1853—1856 гг., но число их тогда было совсем невелико. Военнопленных из турецкой армии в ту войну вообще было сравнительно мало — 12 389 человек¹. Статистика не различала их по национальному признаку — собственно турки или представители других народов Османской империи. В контрольных книгах со списками по обмену русских и турецких военнопленных, произведенному в Одессе в 1855—1856 гг., очень много арабских имен². Национальность этих людей можно было бы определить с большой степенью точности, если бы в книгах была графа «место жительства в отчизне». Но такая графа отсутствовала.

Более или менее достоверно о попавших в плен египтянах можно говорить лишь в одном случае. 5 ноября 1853 года пароход «Владимир» с генерал-адъютантом В.А. Корниловым на борту обстрелял, а затем и захватил турецко-египетский пароход «Перваз-Бахре» с 10 пушками. В плен были взяты 93 человека, включая 9 офицеров. В примечании к описанию этой истории специально оговаривалось, что «Египет, хотя и составляет отдельное государство, управляемое вице-королем, но считается подвластным Турции, потому и египтяне действовали во время этой войны вместе с турками»³.

Как явствует из списков турецких военнопленных, большинство из них были взяты под Карсом, то есть в конце войны. Поскольку обмен военнопленными был завершён в декабре 1856 года, то из этого следует, что основная масса пленных из состава турецкой армии про-

была в России сравнительно недолго, не оставив после себя заметного следа. Качественно иная ситуация сложилась в результате Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Египетские войска были составной частью турецкой армии. По штатам в них числились 65 тыс. человек и 150 орудий⁴. На самом деле в военных действиях принимали участие не более половины этого числа, а возможно, и значительно меньше. В разных источниках и в различные периоды войны приводятся заметно отличающиеся друг от друга цифры численности Эски-Джумского корпуса египетского принца Гассана, входившего в Южную армию. Согласно Н.И. Беляеву, она составляла 31 тыс. человек⁵. Посол России в Османской империи Н.П. Игнатъев, прикомандированный на время военных действий к штабу Верховного главнокомандующего, писал жене 30 июля 1877 года: «Получено известие, что пред Базарджиком (в Шумле) стоит с 15 тыс. войска египетский принц Гассан...»⁶. Военный корреспондент В.В. Крестовский записал в своем дневнике, что у принца Гассана 18—20 тыс. в Добрудже, а по сведениям иностранных газет, египетские войска находились также в районе Шипки, Софии, Салоников, Константинополя⁷. Несколько раз упоминались египетские войска в сборнике документов по истории Русско-турецкой войны. По данным сборника, численность всей Южной армии под командованием принца Гассана, а не только его египетского корпуса, составляла на 24 августа 1877 года 22 тыс. человек⁸. А в конце войны, в январе 1878 го-

да, египетские войска принца Гассана численностью 5090 человек находились в Варне⁹.

Как и во время предыдущей войны, турецких военнослужащих в русских документах и публикациях не разделяли по национальностям. Поэтому, как правило, невозможно достоверно определить, когда египтяне попадали в плен, сколько их было среди турецких военнопленных, в какие русские города они были водворены на поселение, как долго пробыли в России и когда вернулись домой.

Известный дореволюционный журналист Василий Немирович-Данченко, прошедший войну в качестве корреспондента, отмечал в своих записках, что под Адрианополем русские войска «успели отрезать хвост у египетского принца Гассана, т.е. захватить громадные обозы и сто верблюдов»¹⁰. По всей вероятности, вместе с обозами были захвачены и сопровождавшие их военнослужащие-египтяне. Много лет спустя, вспоминая ту войну, он писал, что египтяне были взяты в плен под Шейновом и Хаскиоем¹¹.

В ОЙНА 1877—1878 гг. была крайне неудачной для Османской империи. Ее армия была разбита, а количество попавших в плен турецких солдат и офицеров оказалось на порядок больше, чем в предыдущую войну. Впрочем, в отношении численности пленных в опубликованных и архивных источниках приводятся отличающиеся друг от друга данные. Так, в военно-медицинском отчете о войне со ссылкой на официальные публикации по ходу военных действий отмечалось, что количество пленных, захваченных Дунайской армией, составляло 113 015 человек, а Кавказской армией — 12 755 человек. В отчете приводятся также данные главного интендантского управления, согласно которым в пределы Российской Импе-

ЕГИПЕТСКИЕ войска были составной частью турецкой армии. По штатам в них числились 65 тыс. человек и 150 орудий

рии были ввезены 66 540 пленных, из них были водворены на жительство 57 638 человек¹².

Значительно более масштабную картину пленных дает неопубликованный доклад Главного штаба от 11 апреля 1878 года. Согласно этому документу, в военных округах в России находилось на жительство следующее число турецких военнопленных: в Петербургском — 6823; в Киевском — 3702; в Одесском — 72 493; в Московском — 24 383; в Казанском — 5804; в Виленском — 13 514; в Харьковском — 14 983¹³.

Таким образом, общее число военнопленных составляло 141 708 человек. Это две пятых численности турецкой армии (275 тыс. на Балканах и 75 тыс. на Кавказе¹⁴ — итого 350 тыс.). Судя по приведенным выше данным о численности египетских частей, в среднем она составляла 20 тыс. человек. Из этого следует, что число пленных египтян могло быть порядка 8000 (две пятых от их общей численности).

Обычно пребывание в плену ассоциируется с унижением и лишениями. Но турки, египтяне и представители других народов, населявших Османскую империю и служивших в турецкой армии, не испытали в русском плену ни того, ни другого. Они были повержены и не представляли более никакой опасности для России. Победители проявили к своим бывшим противникам великодушные, свойственные русскому человеку.

Согласно архивным документам, пленные были расселены группами по несколько сот, а в малых городах — и по несколько десятков человек в 162 городах европейской части России¹⁵. Список мест поселения, опубликованный в военно-медицинском отчете, еще длиннее — 171 город¹⁶.

Высшие чины (паши) и офицеры размещались обычно на вольнонаемных квартирах. Кроме квартирному довольствию, они получали еще и денежное содержание: паши —

1017 руб. в год, штаб-офицеры — 441 руб., обер-офицеры — 276 руб.¹⁷ Офицер мог свободно передвигаться по городу, делать покупки. Он имел право сам снять себе квартиру, если та, в которой его поселили, ему не нравилась.

Нижние чины были расквартированы в казармах — обычно тех воинских подразделений, которые в это время были отправлены в действующую армию. В маленьких городках для пленных снимали частный дом и превращали его в казарму. Туда ставили койки, завозили дрова для отопления и приготовления еды, свечи для освещения. «По заявлениям окружных военно-медицинских инспекторов, помещения турок в гигиеническом отношении не были ни в каком отношении хуже казарм наших войск», — отмечалось в военно-медицинском отчете. Особо отметим, что во всех казармах были оборудованы помещения для омовения и молитв¹⁸.

Размеры пищевого довольствия пленных были такими же, как у местных войск. В рацион внесли кое-какие коррективы, соответствовавшие турецким традициям. Так, черный хлеб заменили белым, правда, не по объему, а по стоимости, а щи — супами из круп. Всем пленным выдали обмундирование: шинель, куртку, шапку, галстук, шаровары, две пары сапог и две смены белья, а на зиму — еще и полушубок и рукавицы. Турки «пользовались медицинской помощью и призрением на общих с нашими войсками основаниях»¹⁹.

СТОЛЬ огромное количество военнопленных вызывало немало трудностей как у центральных, так и у местных властей. Чтобы преодолеть их, высочайшим указом была учреждена Комиссия о турецких военнопленных во главе с генерал-адъютантом князем Голицыным 3-м. В состав комиссии входили преимущественно врачи и другие медицинские работники. Они объезжали места расселения пленных, знакомились с сани-

тарным состоянием их жилья, госпиталей, выслушивали жалобы и направляли в столицу для принятия мер подробные отчеты о своих поездках²⁰.

Пленным разрешалось наниматься на работу, а это значит, что они общались с местными жителями, должны были по необходимости в той или иной степени освоить русский язык. При этом половину заработка они должны были вносить в казну на свое содержание²¹. Остальным пленные распоряжались по своему усмотрению, и, судя по всему, часть из них вернулась домой с некоторыми сбережениями.

Большинство турецких военнослужащих попали в плен после длительной осады своих гарнизонов, причем зимой. Поначалу они были чрезвычайно ослаблены физически и морально подавлены, а потому были подвержены различным заболеваниям. Наиболее распространенной болезнью был тиф. По данным военно-медицинского отчета, заболеваемость среди пленных составляла 86 проц., а смертность — 15 проц.²² Хоронили умерших по мусульманскому обряду. Там, где не было мусульманского кладбища, как, например, в городе Шуя Владимирской губернии, для погребения пленных турок выделяли отдельные участки²³.

В соответствии с решениями Берлинского конгресса отправка военнопленных на родину началась в декабре 1878 года²⁴. Обычно их доставляли в Одессу и реке — в Севастополь, а оттуда морем — в Константинополь. Поскольку число пленных было велико, а расселили их по всей Европейской России, процесс репатриации оказался длительным. Часть пленных из-за болезни не смогла выехать к месту отправки на родину вместе со своими командами. В результате лишь в сентябре 1880 года Главный штаб заявил, что «военнопленных в России больше не осталось»²⁵.

Не все пленные, однако, вернулись на родину. По данным Главного штаба, по крайней мере 45 человек добровольно приняли подданство России, причем большинство из них крестились²⁶. Одним из них был египетский майор Ибра-

«ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ окружных военно-медицинских инспекторов помещения турок в гигиеническом отношении не были ни в каком отношении хуже казарм наших войск...»

гим Эффенди Шукри. Он не вернулся домой вместе с другими пленными, и министерство иностранных дел Египта запросило российское консульство в Каире о его судьбе. Ответ, отправленный Главным штабом в Азиатский департамент МИД России 30 ноября 1879 года, гласил, что «означенный офицер, согласно его желанию, принят в русское подданство и находится на жительстве в С. Петербурге»²⁷.

Нижние чины могли остаться в России из меркантильных соображений, сочтя, что здесь их ждет лучшая доля, чем на родине. Вряд ли, однако, это относилось к египетскому майору. Приставка «Эффенди» в его имени ясно свидетельствует об аристократическом происхождении. Хотя нет данных о том, что Шукри крестился, он скорее всего остался в России из-за русской женщины.

Из архивных документов известен по крайней мере один случай, когда пленный турецкий офицер женился на русской. Поручик Мустафа Ямилль, водворенный на жительство в Костромскую губернию, 25 мая 1879 года крестился и принял имя Александр Зотов, а 5 октября 1880 года вступил в брак с костромской мещанкой, вдовой Варварой Федоровой²⁸. Отметим, что Мустафа Ямилль — чисто египетское имя, точно так же звали лидера египетского национального движения в начале XX века.

КАК ВИДИМ, правительство России создало военнопленным турецкой армии весьма достойные условия существования. Их фактически приравнивали к нашим военнослужащим, да еще разрешили подрабатывать. Такой подход был не только гуманным, но и политически дальновидным. Ведь у пленных сложилось твердое убеждение, что русские (египтяне называли их «московы») — хорошие люди, хотя и «неверные». После года, а то и больше, пребывания в

плени в России свыше 100 тыс. турецких военнослужащих вернулись на родину. Они приехали домой здоровые, сытые, обутые, одетые, а иные и со сбережениями. Это, конечно, произвело самое благоприятное впечатление на их соотечественников. Если принять во внимание многочисленных родных и близких бывших военнопленных, то станет очевидно, что доброе отношение к России и к русским в Египте, да и во всей Османской империи, стало обычным делом. На этот счет есть немало свидетельств.

Известный русский путешественник А.В. Елисеев, побывавший в Египте по «горячим следам» войны, в 1881 году отме-

тор**, проживший 20 лет в Александрии, который этим магическим словом спасал жизнь многим даже нерусским, когда бессильно было представительство консулов, бежавших наравне с прочими из разоренного города»³¹.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, что историческая память о пребывании в плену в России египтян и других подданных Османской империи оказалась чрезвычайно стойкой. «Русских в Александрии любят, — говорил в 1910 году московскому врачу А.В. Живаго его гид-египтянин, — так как ваших соотечественников некогда, после войны, сильно расхваливали вернувшиеся из плена турки»³². А вот еще одно, значительно более позднее, свидетельство Василия Немировича-Данченко. «Доброе отношение арабов, между прочим, объясняется хорошей памятью, которую оставило у их отцов и дедов пребывание в России в 1877—1878 годах в плену, — писал он спустя почти полвека, в

ПРАВИТЕЛЬСТВО России создало военнопленным турецкой армии весьма достойные условия существования

чал, что лучшие проводники русского влияния — паломники, направлявшиеся к святым местам Синая, и пленные. «Война и сотни тысяч пленных, побывавших в хлебосольной Московии, с самой выгодной стороны повлияли на все слои населения Турецкой империи, — утверждал А.В. Елисеев. — Даже на берегах Нила можно теперь с удивлением встретить туземца, маракущего по-русски»²⁹. Путешественник рассказал о своей встрече с египетским майором, побывавшим в плену в России.

Симпатии египтян к русским имели вполне практическое значение. «Даже в недавнее время — бомбардирования Александрии³⁰, когда чернь и сторонники Араби-паши избивали франков*, одно слово: «я москов» часто отводило от груди несчастного кинжалы и ятаганы, — отмечал А.В. Елисеев в другой своей книге. — Это сообщил мне русский фак-

1926 году. — Детям они много рассказывали о доброте и великодушии «москотов»»³³.

Ответная реакция египтян на доброту русских к попавшим в плен соотечественникам проявилась и в начале 1920-х годов, когда в Египте оказались около 4500 русских беженцев. Сообщая о проведенной в Александрии лотерее в пользу голодающих в России, журнал «На чужбине», издававшийся в лагере русских беженцев Сиди Бишр, отмечал, что в ней «принимали участие не только состоятельные европейцы и арабы, но и беднейшее население, с удовольствием жертвовавшее свои последние пиастры тем, кто умирает от голода и более несчастны, чем они»³⁴.

Почувствовали доброе отношение к себе и сами беженцы. «Арабы симпатизировали русским, — отмечала в своих воспоминаниях дочь писателя Евгения Чирикова Валентина,

* Иностранцев.

** Купец.

оказавшаяся в этот период среди беженцев в Египте. — Они всегда нас приветствовали словом “хорошо”. Иногда, проходя мимо, бурчали скороговоркой, как заговорщики, свой пароль: “Московит — хорошо, англизи — плохо”»³⁵. Такое отношение содействовало адаптации тех русских беженцев, которые, выйдя из лагерей, превратились в иммигрантов. Оно распространилось затем и на самих иммигрантов. «Русских в Египте любили и уважали, величая их “эл москофи”, а это считалось почетным званием, — отмечал в конце 1960-х годов сын директора Русской поликлиники в Каире (она существовала с 1920 г.) В.В. Беллин. — Король Фарук, а после него ген[ерал] Нагиб и полк[овник] Насер продолжали относиться к нам хорошо»³⁶.

Война — это смерть и разрушения, и обычно она надолго порождает вражду между народами воюющих государств. Но, оказывается, так бывает не всегда. Все зависит от отношения к поверженному противнику. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. скорее сблизила народы двух государств, чем рассорила их. Турки и арабы вернулись домой из плена, полные положительных эмоций и впечатлений о великой и диковинной для них цивилизации своих недавних противников.

Мы подробно рассмотрели «эффект плена» на примере Египта. Но и в отношении самой метрополии эффект был аналогичным. Он сказался и в годы Первой мировой войны, когда на Кавказском фронте не отмечалось вопиющей жестокости противников, и позднее, во время эвакуации остатков Добровольческой армии из России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Миловидов Б.П. Численность пленных в годы Крымской войны // Марсово поле. СПб., 1997. Вып. 2. С. 19.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 481. Оп. 1. Д. 695. Л. 2—19, 24—200.

³ Геройт А.Ф. Описание Восточной войны 1853—1856 гг. СПб., 1872. С. 21, 23.

⁴ Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956. С. 57, 58.

⁵ Там же. С. 281.

⁶ Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 года. М., 1999. С. 163.

⁷ Крестовский В.В. 20 месяцев в действующей армии. СПб., 1879. Т. 1. С. 226, 227.

⁸ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Численность русских и турецких войск в течение кампании. СПб., 1903. Вып. 12. С. 90.

⁹ Там же. С. 145.

¹⁰ Немирович-Данченко В.И. Год войны. СПб., 1878. Т. 2. С. 192.

¹¹ Немирович-Данченко Василий. Наши в даялах // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 139.

¹² Военно-медицинский отчет за войну с Турцией 1877—1878 гг. Ч. 3. Отчет по оккупационному отряду. Отчет о военнопленных турках. СПб., 1887. С. 320, 321.

¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047. Л. 81—104.

¹⁴ Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 646.

¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2038. Л. 106, 107.

¹⁶ Военно-медицинский отчет. С. 331—334.

¹⁷ Там же. С. 331.

¹⁸ Там же. С. 334.

¹⁹ Там же. С. 335—337.

²⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047. Л. 1—80.

²¹ Там же. Д. 2088. Л. 9.

²² Военно-медицинский отчет. С. 341.

²³ Иванов Ю.А. Пленные турки в русском уездном городке. 1878 год // Восточный архив. № 4—5. 2000. С. 43, 44.

²⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2059. Л. 14.

²⁵ Там же. Д. 2088. Л. 43 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 149. Оп. 502а. Д. 1719. Л. 4—7.

²⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2107. Л. 14 об.

²⁹ Елисеев А.В. Путь к Синаю. СПб., 1883. С. 2—4.

³⁰ Речь идет о штурме англичанами Александрии летом 1882 г.

³¹ Елисеев А.В. С русскими паломниками на Святой земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 67.

³² А.В. Живаго — врач, коллекционер, египтолог. М., 1998. С. 144.

³³ Немирович-Данченко Василий. Наши в даялах. С. 139.

³⁴ На чужбине. 1922. Январь. С. 42.

³⁵ И.Я. Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 191.

³⁶ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 321.

В.В. БЕЛЯКОВ

№ 4-2006

WWW.MIL.RU

Военно-исторический журнал ИНТЕРНЕТ-ПРИЛОЖЕНИЕ

Четвертый номер интернет-издания «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» читайте на главной странице официального сайта Министерства обороны РФ (www.mil.ru). Предлагаем ознакомиться с содержанием номера

• ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.А. Пестов, И.С. Дробот — Особенности становления и развития системы военного образования в России в XVII — начале XX века

• ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Е.Г. Кривошева — Русские эмигранты в борьбе с фашизмом

• ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Г.М. Курков — 17-й (4-й гвардейский) Кубанский казачий кавалерийский корпус в Великой Отечественной войне

Гибель подводных лодок Ш-138 и Ш-118 на рассвете 18 июля 1942 года в Николаевскена-Амуре
(Публикация Г.Н. ТАРАКАНОВА)

• БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

М.Ю. Крысин — Почему не был создан Кашмирский плацдарм против СССР

• ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

В.И. Кабанов, А.А. Мусиенко — Применение дымовых (аэрозольных) средств в военных действиях

В.Г. Полежаев — Журналы технических обществ в годы Первой мировой войны

• ВОСПОМИНАНИЯ И ОЦЕРКИ

Г.М. Пятаев — Строительство космодрома Плесецк. 1957—1962 гг.

• ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

А.В. Лобанов — Успехи и поражения спецслужб Германии во Второй мировой войне

• ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

Фронтные письма А.Е. Снесарева с 22 июня по 11 октября 1915 года в период командования 133-м пехотным Симферопольским полком 34-й дивизии VII корпуса 8-й армии
(Публикация И.С. ДАНИЛЕНКО)

• ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

И.Г. Дуров — Подготовка офицеров и специалистов для флота под руководством Петра Великого

• ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

А.Е. Тарасов — Великие князья московские и праздник Преображения Господня

• НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Трагедия «Святого Николая»
(Публикация В.В. ШИГИНА)

А.П. Свирилов — Последние дни князя Г.А. Потемкина-Таврического

• ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

А.А. Будко, Д.А. Журавлев — Организация медицинской помощи в армейском и фронтовом районах в период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

• ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ

В.Г. Русских — Основатель Черноморской школы русских моряков Ф.Ф. Ушаков

• ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Ю.В. Братюшенко — Морские потребительские общества в первые годы новой экономической политики. 1921—1924 гг.

• ЗАБЫТОЕ ИМЯ

С.В. Лебедев — «Он с редкостью упорством... пытался... укрепить роль России как крупной европейской державы» (Н.П. Игнатьев)

• АРМИЯ И КУЛЬТУРА

А.Т. Ужegov — Верность читателю на протяжении 100 лет (журнал «Пограничник»)

Требования к оформлению рукописей для опубликования в интернет-издании см.: Воен.-истор. журнал. Интернет-приложение. 2006. № 1—4 (www.mil.ru); Воен.-истор. журнал. 2006. № 1. С. 33.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ УКРАИНСКИХ ПАРТИЗАН. 1943 г.

УТВЕРЖДЕННЫЙ 26 апреля 1943 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) Оперативный план боевых действий партизанских отрядов Украины на весенне-летний период 1943 года¹ предусматривал силами украинских и молдавских отрядов и соединений (более 50 тыс. человек, действовавших в северо-западных и юго-западных районах Украины) вывести из строя 26 крупнейших железнодорожных узлов, взорвать 97 железнодорожных и 22 шоссейных моста. При этом каждый отряд получил свою конкретную задачу.

Украинские и молдавские партизаны по плану Украинского штаба партизанского движения должны были стремительно атаковать вражеские эшелоны и автотранспорт, двигавшиеся к Киеву, Кременчугу и Днепропетровску. Одновременно части партизанских формирований, чьи районы дислокации находились вблизи Десны, Припяти и Днепра, получили приказ сосредоточиться на основных направлениях передвижения советских войск в готовности по общему сигналу захватить переправы через водные преграды и удерживать их до выхода к ним частей Красной армии. Проводилась необходимая передислокация партизанских сил с целью их выдвижения к намеченным объектам боевого воздействия. Операции, разработанные штабами партизанского движения, являлись неотъемлемой частью общего стратегического замысла, выработанного Верховным Главнокомандованием на летне-осеннюю кампанию 1943 года.

Объектами особого внимания для народных мстителей стали дороги Украины. Только на основных в то время магистралях противника (Киев — Коростень — Ковель, Киев — Шепетовка — Ковель), где согласно весенне-летнему плану сосредоточились и развернули активные боевые действия более 30 крупнейших партизанских соединений Украины, в июле—декабре 1943 года были выведены из строя 17 железнодорожных узлов².

Во второй половине 1943 года украинские партизаны организовали подрыв нескольких тысяч эшелонов³. В результате ударов партизан пропускная способность железной дороги Коростень — Сарны — Ковель сократилась с 18—20 пар поездов в сутки в апреле 1943 года до 3—4 пар в августе, на важной магистрали Казатин — Шепетовка — Ровно с 70—80 пар в мае до 7—8 в ноябре. В целом пропускная способность железных дорог, на которых действовали украинские партизаны, до конца августа снизилась в среднем на 72 проц. Значительные потери понес и железнодорожный транспорт. По данным Украинского штаба, руководимые им партизанские соединения и отряды во второй половине 1943 года в среднем ежемесячно выводили из строя 500 паровозов и разрушали 30—40 железнодорожных мостов⁴.

Советское правительство высоко оценило умелые действия партизан, многие из которых были награждены орденами и медалями, а также удостоены звания Героев Советского Союза.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К п[ункту] 135
пр[иказа] П[олитбюро] № 40
от 26 апреля 1943 г.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН боевых действий партизан Украины на весенне-летний период 1943 г.

Исходя из поставленных товарищем Сталиным задач о дальнейшем развитии партизанского движения на Украине, в целях нанесения противнику более ощутительных ударов по его коммуникациям в западной и юго-западной части Украины, усиления партизанского движения в этих областях ЦК КП(б)У ставит перед партизанскими отрядами на весенне-летний период задачи, указанные ниже.

Переброска войск, вооружения, боеприпасов и техники к линии Воронежского⁵, Юго-Западного⁶ и Южного⁷ фронтов осуществляется противником по основным железнодорожным магистралям: Брест — Ковель — Киев — Ворожба; Брест — Ковель — Здолбунов; Казатин — Фастов — Смела — Днепропетровск — Сталино; Львов — Здолбунов — Шепетовка; Львов — Тернополь — Жмеринка — Казатин.

В результате развернувшегося более широко партизанского движения в лесистой и более благоприятной для действия отрядов северной части Украины по некоторым железным дорогам движение железнодорожных эшелонов противника временно прекращено на железнодорожных участках Киев — Коростень, Овруч — Чернигов, а на остальных сокращено до минимума (Ковель — Сарны — Коростень — Киев — Ромодан).

В силу этого противник вынужден производить большую часть своих войсковых перевозок по железнодорожным магистралям, проходящим на территории южных, степных областей Украины (Фастов — Миронивка, Цветков — Знаменка, Пятихатка — Днепрпетровск, Николаев — Знаменка).

В связи с этим ЦК КП(б)У считает необходимым передислоцировать несколько крупных партизанских соединений в западную и юго-западную части Украины с целью развертывания партизанского движения в областях: Волынской, западной части Львовской, Дрогобычской, Станиславской, Черновицкой, а также направить несколько партизанских отрядов по долине реки Прут в Измаильскую область, в районы устья реки Дуная. [...]

Население на границе с Польшей, Прикарпатской и Закарпатской Украины, Молдавской ССР, особенно украинцы, русины, словаки, поляки, болгары, угнетаемые немецкими захватчиками, будут всячески поддерживать партизанские отряды в борьбе против немецких захватчиков.

Большую помощь партизанам в проведении диверсионной деятельности окажут местные рыбаки, состоящие в основном из бедняцкого населения, лояльно настроенные по отношению к советской власти.

Передислокация крупных партизанских отрядов из северных в западную и юго-западную части Украины вполне возможна и подтверждается проведенными рейдами в течение зимы 1942—1943 года отрядами Ковпака, Сабурова⁸, Наумова, Федорова, Шушпанова, Лукашова, совершившими от 500 до 1200-километровые переходы с боями по северной, средней и даже южной части Украины. На-

пример, отряд Героя Советского Союза Наумова совершил героический рейд по территории Сумской, Полтавской, Кировоградской, Одесской и Винницкой областей.

Опыт проведенных рейдов убедительно свидетельствует о том, что одним из самых активных методов развертывания партизанской борьбы в настоящее время является постоянное передвижение отрядов по новым районам, где они усиливаются новым пополнением, активизируют местные вооруженные группы, наносят противнику внезапными ударами значительный урон в живой силе и на его коммуникациях. Во время передвижения партизанские отряды приобретают новый боевой опыт, большую маневренность. Личный состав отрядов закаляется в боях, отряды становятся неуловимыми и грозой для оккупантов. [...]

По имеющимся данным, немецкие гарнизоны располагаются в большинстве случаев в крупных сельских населенных пунктах или городах и почти отсутствуют в деревнях. Полиция и небольшие карательные формирования в населенных пунктах при появлении партизан разбегаются, все это в значительной степени облегчает движение партизанских отрядов.

ЦК КП(б)У, ставя задачу о передислокации крупных партизанских соединений и отрядов в западные и юго-западные области Украины с целью развертывания партизанского движения в этих районах, одновременно ставит задачу в течение весенне-летнего периода вывести из строя на важнейших коммуникациях 26 крупных железнодорожных узлов, из них в первую очередь узлы: Нежин, Фастов, Шепетовка, Коростень, Ровно, Здолбунов, Ковель, Сарны, Белокоровичи, Жмеринка, Казатин; во

вторую очередь железнодорожные узлы: Тарнополь, Рожище, Буск, Гусятин, Залещики, Унгены, Ново-Украинка, Слободка и ряд других. [...]

Для осуществления изложенных мероприятий перед партизанскими соединениями и отрядами ставятся следующие задачи:

Отрядам Попудренко⁹. В мае 1943 года вывести из строя жел[езно]дор[ожный] узел Нежин путем производства диверсии на жел[езно]дор[ожных] линиях Нежин — Киев, Нежин — Бахмач, Нежин — Прилуки, Нежин — Чернигов. (Общая численность отрядов — 1500 чел[овек]).

1. Взорвать мосты на жел[езно]дор[ожных] линиях, идущих от станции Нежин, и жел[езно]дор[ожной] линии Гомель — Бахмач: а) через реку Снов в районе Щорс; б) через р[еку] Десна в районе Макошино на жел[езно]дор[ожной] линии Гомель — Бахмач; в) через р[еку] Выюница у Коровина (8 км юго-западнее Нежин); г) через р[еку] Девица у Володьково — Девица (11 км юго-западнее Нежин); д) через р[еку] Выюница, длиной 33 метра, на западной окраине Филевка (7 км южнее Нежин); е) через р[еку] Удай, длиной 45 метров (северо-восточнее ст[анции] Рожновка); ж) через р[еку] Остер на восточной окраине Хвастовцы (23 км юго-западнее Бахмач); з) через р[еку] Вересочь на восточной окраине Вересочь (30 км севернее Нежин); и) через р[еку] Остер (12 км восточнее Нежин).

2. Установить мины замедленного действия сроком от 2 до 30 дней на линиях: а) Нежин — Бобровица (45 км юго-западнее Нежин); б) Нежин — Девица (11 км юго-западнее Нежин); в) Ичня — Прилуки; г) Нежин — Куликовка (25 км юго-восточнее Чернигов); д) Нежин — Плиски (37 км восточнее Нежин).

3. В районе ст[анции] Нежин разгромить и разрушить несколько железнодорожных станций и их путевое хозяйство: (водокачки, стрелки, крестовины, водяные колонки, средства связи, электростанции и др[угие] объекты станционного и путевого хозяйства), в том числе Бобровица на жел[езно]дор[ожной] линии Нежин — Киев. [...]

Отряду Лысенко численностью 308 чел[овек] организовать систематические диверсии на жел[езной] дор[оге] Киев — Нежин, Киев — Гребенка, а также на шоссе Киев — Чернигов и взорвать 2 моста: а) взорвать мост через р[еку] Десна в районе Остер; б) взорвать [мост через] р[еку] Остер в районе Козелец.

В дальнейшем организовать новые партизанские отряды и активизировать их действия на указанных дорогах.

Отрядам Маликова¹⁰ численностью 731 чел[овек] в мае 1943 г[ода] вывести из строя железнодорожный узел Коростень [...]

Последующая задача — вывести из строя жел[езно]дор[ожный] узел Белокоровичи [...].

Отрядам Бегма¹¹ численностью 1069 чел[овек] в первую очередь (май 1943 г[ода]):

1. Вывести из строя железнодорожные узлы Ровно и Здолбунов, для чего взорвать три железнодорожных моста: а) через р[еку] Стубла (23 км северо-западнее Ровно), длиной 38 метров на участке Ровно — Ковель; б) через р[еку] Горынь (15 км северо-восточнее Ровно), длиной 210 метров на участке Ровно — Сарны; в) через р[еку] Иква (40 км юго-западнее Здолбунов), длиной 43 метра на участке Здолбунов — Броды.

Взорвать три шоссейных моста через р[еку] Стубла (25 км юго-западнее Ровно) на шоссе Дубно — Ровно, Млынув — Ровно, Луцк — Ровно.

В отряд выбросить рацию, радиста и трех инструкторов-минеров.

Во вторую очередь (июнь 1943 г[ода]) вывести из строя железнодорожный узел Сарны, для чего взорвать три железнодорожных моста: а) через р[еку] Случ (2 км севернее Сарны), длиной 234 метра на участке Сарны — Луинец; б) через р[еку] Горынь (17 км за-

паднее Сарны), длиной 79 метров на участке Сарны — Ковель; в) через р[еку] Случ (2 км восточнее Сарны), длиной 249 метров на участке Сарны — Коростень.

Разрушить путевое и станционное хозяйство жел[езно]дор[ожных] станций Удрицк — Томашград.

Заминировать отдельные участки железнодорожного полотна минами замедленного действия на указанных дорогах. [...]

Отрядам Куманек¹², **Бойко** и **Гнибеда** общей численностью — 408 чел[овек] — совершать диверсии на жел[езно]дор[ожных] линиях Конотоп — хут[ор] Михайловский, Ворожба — хут[ор] Михайловский, Конотоп — Ворожба.

Постоянно держать под воздействием путем совершения диверсий на железнодорожных линиях узла Ворожба. [...]

Выброску организаторско-диверсионных групп производить, как правило, в партизанские отряды и только как исключение в особых случаях в степные области Украины, где нет партизанских отрядов,

ХРОНОГРАФ

2 апреля 1927 года введен в действие Боевой устав пехоты РККА (в двух частях) вместо «Боевой службы пехоты». В нем наиболее полно обобщен опыт Первой мировой и Гражданской войн и отражены изменения, происшедшие в Вооруженных силах в результате военной реформы 1924—1925 гг.

2 апреля 1942 года в Москве в структуре Комиссариата судостроительной промышленности создано СКБ, занимающееся проектированием морских вооружений. С 1946 года оно стало называться Морской НИИ №1, с 1966-го — Центральный морской НИИ, с 1971-го — НИИ «Агат», с 1977 года — НПО «Агат». В настоящее время его специализация — боевые информационные управляющие системы ВМФ.

3 апреля 1942 года в советском ВМФ родилась морская корабельная гвардия. В этот день гвардейскими стали крейсер «Красный Кавказ» (капитан 2 ранга А.М. Гущин); эсминец «Стойкий» (капитан-лейтенант Б.П. Левченко); минный заградитель «Марти» (капитан 1 ранга Н.И. Мещерский); тральщик Т-205 «Гафель» (старший лейтенант Е.Ф. Шкретбиенко); подводные лодки Д-3 (капитан-лейтенант М.А. Бибеев), М-171 (капитан-лейтенант В.Г. Стариков), М-174 (капитан-лейтенант Н.Е. Егоров), К-22 (капитан 2 ранга В.Н. Котельников).

4 апреля 1942 года отбит воздушный налет противника, действовавшего в соответствии с операцией ВВС Германии «Айсштосс» по уничтожению кораблей Бал-

тийского флота, находящихся в районе Ленинграда. Свыше 130 самолетов шли к городу. Их встретили наши истребители и мощный огонь зенитной артиллерии. Прорвавшиеся к городу 58 самолетов, находясь под воздействием средств ПВО, существенного ущерба кораблям флота не нанесли. В этом бою было сбито 25 самолетов врага.

5 апреля 1932 года принято Постановление СНК СССР «О состоянии и развитии противовоздушной и противохимической обороны СССР», определившее основы организации противовоздушной обороны страны. На Наркомат по военным и морским делам возлагалась ответственность за создание системы противовоздушной обороны страны и руководство службой ПВО, а также за объединение деятельности всех гражданских ведомств, учреждений и общественных организаций в области местной ПВО.

5 апреля 1942 года, в воскресенье, в связи с праздником Святой Пасхи военная комендатура Москвы впервые за время угрожаемого положения разрешила хождение по городу всю пасхальную ночь. Массы верующих отправились на богослужение. В 30 действующих московских храмах собралось до 75 тыс. человек, а в 124 церквях Московской области — до 85 тыс. Этот день совпал с исторической датой победы князя Александра Невского над немецкими рыцарями в Ледовом побоище 1242 года, что придавало особую торжественность Дню Пасхи. Московский университет имени М.В. Ломоносова посвятил 700-летию со дня Ледового побоища научную сессию. В столице состоялся второй всеславянский митинг, в войсковых частях МВО прошел День славы русского оружия.

Все даты приводятся по новому стилю

группы выбрасывать для самостоятельных действий.

Для более широкого развития партизанского движения выбросить организаторско-диверсионные группы в районы, находящиеся под прикрытием партизанских отрядов, в составе: командира, комиссара, начальника штаба, инструктора-подрывника и радиста в течение мая—июня 1943 года в отряды: а) т[оварища] Ковпака — 5 групп с направлением двух из них в Молдавскую ССР и трех в Волынскую область; б) т[оварища] Наумова — 6 групп, из них две в Молдавскую ССР и четыре в Измаильскую область; в) т[оварища] Сабурова — 6 групп, из них две в Дрогобычскую область, две в Станиславскую и две в Молдавскую ССР; г) т[оварища] Федорова — 4 группы (польских) для направления в район Хельм и две в Замостье; д) т[оварищу] Попудренко — 5 групп в Полтавскую область; е) т[оварища] Бегма — 3 группы в Тарнопольскую область.

Представительствам Украинского штаба на Воронежском, Юго-Западном и

Южном фронтах ставятся задачи: в границах своих фронтов на территории Левобережной Украины организовать и выбросить 31 организаторско-диверсионную группу. Силами этих групп и организуемых ими отрядов систематически воздействовать на вражеские коммуникации.

Представителю Украинского штаба на Воронежском фронте ставится задача сформировать и забросить в тыл противника 12 организаторско-диверсионных групп, из них: в Сумскую область отряды Куманька — 4, Черниговскую отряды Попудренко — 6, Киевскую (левобережную часть) отряд Лысенко — 2 группы.

Этим группам поставить задачи: а) взорвать 9 железнодорожных мостов (через реки Эсмань, Удай, Сейм, Вьюница, Безымянная у м. Яготин, Требешь и Недра); б) организовать диверсии на железнодорожных линиях: Конотоп — хутор Михайловский, Бахмач — Ворожба, Бахмач — Гребенка, Бахмач — Киев.

Представителю Украинского штаба на Юго-Западном фронте ставится зада-

ча сформировать и забросить в тыл противника 9 групп, из них: в Харьковскую [область] — 5 и Полтавскую область — 4. Этими группами и местными партизанскими отрядами систематически совершать диверсии на железных дорогах: Харьков — Львов, Полтава — Кременчуг, Харьков — Сумы, Кременчуг — Ромны, Харьков — Полтава, Харьков — Лозовая, Харьков — Изюм.

Взорвать три железнодорожных моста на дорогах: Харьков — Сумы, Кременчуг — Ромны.

Представителю Украинского штаба на Южном фронте ставится задача сформировать и забросить в тыл противника 10 групп через крупные партизанские отряды и направить в Сталинскую область — 3, Днепропетровскую — 4, Кировоградскую — 3 группы с задачами взорвать шесть железнодорожных мостов (через реки Томаковка, Тлемин, Горный, Теник, Гусаровка).

Учитывая всевозрастающие антифашистские настроения у польского народа и его стремление вести активную борьбу с оккупантами, необходимо поляков,

5 апреля 1942 года вышли в свет Постановления Государственного Комитета Оборона «О реорганизации Московского корпусного района ПВО в Московский фронт противовоздушной обороны» (генерал-лейтенант артиллерии Д.А. Журавлев) и «О реорганизации в двухнедельный срок Ленинградского и Бакинского корпусных районов ПВО в Ленинградскую и Бакинскую армии противовоздушной обороны».

8 апреля 1817 года родился Феодосий Федорович Веселаго, русский историк Военно-морского флота, генерал (1892), почетный член Российской академии наук (1884), почетный член Морской академии (1877) и Морского технического комитета (1892). Окончил Морской корпус (1834) и офицерские классы (1837). Преподавал астрономию и навигацию, заведовал офицерским классом Морского корпуса (1837—1853). С 1881 года — директор гидрографического департамента Морского министерства, председатель ученого отделения Морского технического комитета, с 1885-го — член адмиралтейств-совета. Умер 29 октября 1895 года.

11 апреля 1907 года родился Н.Д. Десятков, ученый в области электроники, Герой Социалистического Труда (1969), лауреат Ленинской (1965) и Государственной (1949) премий, академик АН СССР (1968). Основные работы по изучению газового разряда, созданию газоразрядных приборов для защиты линий связи. Занимался разработкой сверхвысокочастотных приборов, используемых при создании образцов вооружений и военной техники.

13 апреля 1942 года приказом НКО № 0271 на базе военных факультетов 2-го Московского государственного педагогического института иностранных языков и Московского института востоковедения создан Военный институт иностранных языков для подготовки военных переводчиков-референ-

тов и преподавателей военно-учебных заведений Красной армии. Институт подчинялся ГРУ Генштаба. Ныне находится в составе Военного университета.

14 апреля 1902 года в м. Ракишки, ныне г. Рокишкис (Литва), родился Яков Владимирович Смушкевич, генерал-лейтенант авиации (1940), дважды Герой Советского Союза (1937, 1939). В Красной армии — с 1918 года. Окончил военную школу летчиков (1931). Участник Гражданской войны. С 1922 года — в авиации: комиссар эскадрильи, командир и комиссар авиабригады. В 1936—1937 гг. под псевдонимом генерал Дуглас воевал в Испании. С 1937 года — заместитель начальника ВВС РККА. В период боев с японцами на р. Халхин-Гол (1939) командовал авиагруппой. С ноября 1939 года — начальник ВВС Красной армии, с 1940-го — генеральный инспектор ВВС, а с декабря — помощник начальника Генштаба по авиации. Необоснованно репрессирован, расстрелян 28 октября 1941 года. Реабилитирован в 1954 году.

17 апреля 1757 года Россия вступила в Семилетнюю войну 1756—1763 гг. на стороне Австрии, Франции, Испании, Саксонии и Швеции против Пруссии, Великобритании и Португалии. Война была вызвана обострением соперничества Великобритании и Франции из-за колоний в Северной Америке и Ост-Индии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Война завершилась подписанием Парижского договора 1763 года между Францией и Великобританией, а также подписанием Губертсбургского мира 1763 года Пруссии с Австрией и Саксонией. Россия вышла из войны после смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 года.

находящихся в партизанских отрядах Украины, выделить в особые самостоятельные польские отряды, усилить их командно-политическим составом, в первую очередь из поляков, снабдить всем необходимым и подкрепить эти группы украинскими и русскими партизанами.

Организуемые отряды перемещивать на территорию Польши в районы Хелм, Замостье, Быхово, где имеется благоприятная база для широкого развертывания партизанского движения среди польского населения и украинского, направленного против немецких захватчиков.

Для выполнения этих задач отряду **Сатановского** общей численностью в 120 чел[овек] совместно с двумя партизанскими отрядами, выделенными из состава тов[арища] Федорова, — выйти в район Хелм — Замостье с задачей: а) установить связь с партизанскими отрядами польских патриотов, организовать новые партизанские отряды из местного населения, истреблять немецких агентов и предателей польского на-

рода; б) вывести из строя железнодорожный узел Хелм и Замостье путем взрыва двух железнодорожных мостов (через притоки р[еки] Вепш); в) заминировать минами замедленного действия сроком от 2 до 30 суток линии жел[езной] дор[оги] Ковель — Хелм — Замостье — Владимир-Волынский.

Учитывая благоприятные условия для развертывания партизанской борьбы в районах Прикарпатской и Закарпатской Украины, где преобладает украинское население, необходимо направить туда несколько отрядов из украинских партизанских соединений по организации местных партизанских формирований для совместных боевых и диверсионных действий на жел[езно]дор[ожных] коммуникациях и нефтепромыслах. [...]

Материально-техническое обеспечение необходимыми средствами партизанских отрядов, а также заброска организаторско-диверсионных групп в районы операций потребует не менее 250 самолетовылетов для доставки грузов в отряды.

Кроме того, для бесперебойного обеспечения материально-техническими средствами партизанских отрядов необходимо иметь в распоряжении Украинского штаба партизанского движения 6 самолетов «Дуглас» с запасными баками.

В целях активизации агентурно-разведывательной работы на временно оккупированной территории Украины Украинскому штабу партизанского движения и командирам партизанских соединений, отрядов особое внимание обратить на организацию постоянного наблюдения за передвижением войск и боевой техники противника по жел[езным] дор[огам] и шоссейным магистралям.

Необходимо иметь разведывательные резидентуры на узловых и железнодорожных станциях из числа железнодорожных служащих — украинцев и русских. Эти резидентуры снабдить радиостанциями для быстрой передачи сведений по передвижению войск, боевой техники противника и других разведывательных данных. Резидентурам поставить задачи выявления

ХРОНОГРАФ

19 апреля 1777 года родился Карл Федорович фон Толь, российский военачальник, генерал от инфантерии (1826). Происходил из старинного дворянского рода, переселившегося в XV веке из Голландии в Эстляндию. Окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус (1796), затем служил в войсках, участвовал в Швейцарском походе А.В. Суворова (1799), Русско-австро-французской войне 1805 и Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. С 1810 года — в свите императора по квартирмейстерской части. В апреле 1812 года, будучи в чине полковника, представил военному министру план войны с Наполеоном I, предусматривавший оборонительные действия и соединение 1-й и 2-й армий. В начале Отечественной войны 1812 года генерал-квартирмейстер 1А, сыграл важную роль в руководстве войсками в сражениях под Смоленском и Бородино. С сентября 1812 года — генерал-квартирмейстер в штабе главнокомандующего русской армией М.И. Кутузова, принимал активное участие в разработке стратегических замыслов главноком и оперативном управлении войсками. С декабря 1812 года — генерал-квартирмейстер Главного штаба при императоре Александре I. Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. — начальник штаба Дунайской армии, за победы в войне награжден орденами Св. Георгия 2-й степени, Св. Владимира 1-й степени. С 1830 года — член Государственного совета. С началом польской кампании 1831 года вновь возглавлял штаб действующей армии. При штурме Варшавы заменил получившего сильную контузию главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича и довел штурм до победного конца. Награжден орденами Св. Андрея Первозванного и Белого орла. С 1833 года — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями. Успешно руководил комиссией по сбору материалов об Отечественной войне

1812 года. В 1839 году составил описание Бородинского сражения. Умер 5 мая 1842 года, похоронен в Санкт-Петербурге.

22 апреля 1902 года в с. Вендичаны, ныне Могилев-Подольского р-на Винницкой области (Украина), родился Станислав Гилярович Поглавский, генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1945). В Красной армии — с 1923 г. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1938), затем в ней преподавал. В 1940—1941 гг. — начальник оперативного отделения штаба дивизии. В Великую Отечественную войну — командир полка, начальник штаба и командир дивизии, с 1943 года — командир корпуса. С 1944 года — в Войске Польском, командующий 2-й и 1-й армиями, а после войны — войсками военного округа, сухопутными войсками, был заместителем министра Национальной обороны ПНР. С 1956 года — 1-й заместитель главного инспектора МО СССР, с апреля 1958 года — в Группе генеральных инспекторов МО СССР. Умер 9 августа 1973 года.

25 апреля 1867 года в Москве родился Николай Александрович Данилов, русский военный деятель и историк, генерал от инфантерии (1914). Окончил Александровское военное училище (1886) и Академию Генштаба (1893). С 1901 года — профессор кафедры техники этой академии. Участвовал в Русско-японской войне 1904—1905 гг. в должности начальника канцелярии полевого штаба главнокомандующего. С 1906 года — помощник, а с 1911-го — начальник канцелярии Военного министерства. Во время Первой мировой войны — главный начальник снабжения армии Северо-Западного фронта (1914—1915), командир корпуса (1916—1917), командующий 2-й армией (1917). В феврале 1918 года добровольно вступил в Красную армию, был военным экспертом при заключении Брестского мира 1918 года. В 1918—1921 гг. — профессор Военной академии РККА, в 1921—1931 гг. — преподаватель Военно-инженерной академии и Ленинградского института инженеров путей сообщения. С 1931 года — инспектор штаба РККА. С 1933 года — в отставке. Умер в 1934 году.

передвижения войск и грузов противника по железным дорогам.

Уделить внимание организации террористических актов над фашистскими политическими и государственными деятелями, генералами, крупными чиновниками и изменниками Родины. [...]

Верно: ХРЯПКИНА

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 86—104.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 75.

² Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1959. Т. 4. С. 569.

³ Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки: В 4-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 344.

⁴ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. С. 196.

⁵ Воронежский фронт образован в июле 1942 г. из части войск левого крыла Брянского фронта, оборонявших район Воронежа. Во время

Курской битвы 1943 г. Воронежский фронт совместно со Степным фронтом разгромил врага в ходе Белгородско-Харьковской операции. В марте—октябре 1943 г. Воронежским фронтом командовал генерал армии Н.В. Ватулин.

⁶ Юго-Западный фронт был создан 22 июня 1941 г. в результате преобразования Киевского особого ВО. В августе—сентябре 1943 г. Юго-Западный фронт во взаимодействии с Южным фронтом осуществил Донбасскую операцию, в результате которой был освобожден Донбасс, прорвана оборона противника на реке Молочная, войска Красной армии вышли к низовьям Днепра и Крыму, захватили плацдарм на южном берегу Сиваша и блокировали с суши крымскую группировку противника (командующий в марте—октябре 1943 г. — генерал армии Р.Я. Малиновский).

⁷ Южный фронт был создан 25 июня 1941 г., переименован в 4-й Украинский фронт 20 октября 1943 г. В марте—октябре 1943 г. фронтом командовал генерал-полковник, с сентября 1943 г. генерал армии Ф.И. Толбухин.

⁸ **Сабуров Александр Николаевич** (1908—1974) — один из руководителей партизанского движения на Украине, Герой Советского Союза (1942), генерал-майор (1943). С ноября 1942 г. — начальник штаба по руководству партизанским движением в Житомирской области.

⁹ **Попудренко Николай Никитович** (1906—1943) — один из организа-

торов партизанского движения на Украине, Герой Советского Союза (1943, посмертно). В 1942—1943 гг. — заместитель командира, командир партизанского соединения Черниговской области, начальник областного штаба партизанского движения. Погиб 6 июля 1943 г. в бою в злынковских лесах (ныне Новозыбковский район Брянской области).

¹⁰ **Маликов Степан Федорович** (1909—1983) — один из организаторов и руководителей партизанского движения на Украине. В январе 1943 — апреле 1944 г. был 1-м секретарем Житомирского подпольного обкома КП(б)У, командовал партизанским соединением.

¹¹ **Бегма Василий Андреевич** (1906—1965) — один из руководителей партизанского движения на Украине, генерал-майор (1943). В 1942—1944 гг. был секретарем Ровенского подпольного обкома, членом нелегального ЦК КП(б)У, начальником областного штаба партизанского движения и командиром партизанского соединения.

¹² **Куманек Порфирий Фомич** (1911—1972) — один из организаторов и руководителей партизанского движения на Украине. В 1942—1943 гг. — комиссар партизанского соединения А.Н. Сабурова, 1-й секретарь Сумского подпольного обкома КП(б)У.

*Публикация
Ю.А. ГЛУШКОВОЙ*

25 апреля 1907 года в Санкт-Петербурге родился Василий Павлович Соловьев-Седой (настоящая фамилия Соловьев), советский композитор, народный артист СССР (1967), Герой Социалистического Труда (1975). Окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции у П.Б. Рызанова (1936). Один из крупнейших мастеров советской песни; всего им написано свыше 400 песен. Песни композитора проникнуты чувством патриотизма, любви к Родине, воспевают подвиг защитников Отечества, глубоко народны, способствуют формированию человека и гражданина, труженика и воина. В годы Великой Отечественной войны — организатор и художественный руководитель эстрадного театра «Ястребок» (1941—1943); в 1944—1945 гг. возглавлял группу артистов, выступавших перед воинами 1-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов и моряками Балтийского флота. Им написаны песни «Играй, мой баян», «Соловьи», «Пора в путь-дорогу», «Где же вы теперь, друзья-однополчане», «Подмосковные вечера», «Песня о России». Среди произведений Соловьева-Седого песни-марши («Марш нахимовцев», «В путь»), шуточные песни («На солнечной поляночке», «Что солдату надо»). В 1948—1964 гг. возглавлял правление Ленинградского отделения Союза композиторов РСФСР, в 1957—1974 гг. — секретарь Союза композиторов РСФСР. Лауреат Ленинской (1959) и Государственных (1943, 1947) премий. Умер 2 декабря 1979 года.

27 апреля 1907 года родилась З.И. Воскресенская-Рыбкина (станция Узловая Тульской обл.), видная разведчица, руководитель одного из отделов внешней разведки. В ИНО ОГПУ начала работать с 1929 года. Китай, Прибалтика, Германия, Австрия, Финляндия — таков географический диапазон ее разведывательной деятельности. С первых дней Великой Отечественной войны работала в Особой группе НКВД, занимавшейся заброской в тыл врага диверсионно-разведывательных отрядов. Затем вместе с мужем находилась в

командировке в Швеции. В послевоенное время возглавляла немецкий отдел внешней разведки. С 1955 года — в отставке, занималась литературной деятельностью. Умерла 8 января 1992 года.

29 апреля 1897 года в д. Ключниково, ныне Ковровского р-на Владимирской области, родился Георгий Семенович Шпагин, конструктор стрелкового оружия, Герой Социалистического Труда (1945). В 1916 году призван на военную службу, которую проходил в полковой оружейной мастерской, где детально изучил различные отечественные и иностранные образцы оружия. После Октябрьской революции 1917 года работал оружейным мастером в стрелковом полку. В 1920 году после демобилизации из армии поступил слесарем в опытную мастерскую КБ Ковровского оружейного завода, где работали В.Г. Федоров и В.А. Дегтярев. С 1922 года участвовал в конструировании новых образцов стрелкового оружия: совместно с Федоровым — 6,5-мм спаренных ручного и танкового пулемета, а совместно с Дегтяревым — 7,62-мм танкового пулемета. В 1937 году Шпагин назначен конструктором. В 1938-ом он модернизировал принятый в 1927 году на вооружение 12,7-мм пулемет ДК, который стал называться 12,7-мм пулеметом ДШК (Дегтярев — Шпагин, крупнокалиберный). Этот пулемет отлично показал себя во время Великой Отечественной войны и до сих пор состоит на вооружении не только в ВС РФ, но и многих стран Восточной Европы, Азии, Африки. Вершиной конструкторской деятельности Шпагина справедливо считается созданный им 7,62-мм пистолет-пулемет ППШ-41, обладающий высокими боевыми качествами. Умер 6 февраля 1952 года в Москве.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

Д.А. Милютин о задачах военно-судебной реформы в России.

1860–1867 гг.

В 2007 году исполняется 140 лет со времени осуществления в России военно-судебных реформ, проведенных в ходе военных реформ 1860—1870 гг. под руководством военного министра Д.А. Милютина¹, и принятия Военно-судебного и Военно-морского судебного уставов. Сущность военно-судебных реформ 1867 года² заключалась в создании постоянных военно-судебных органов в соответствии с изменившейся структурой армии и во введении новых принципов военного судопроизводства. Одновременно усиливалась роль военных судов, строго регламентировался принцип их комплектования, временные военно-судебные органы заменялись постоянными — полковыми, военно-окружными судами и главным военным судом. В ведении полковых судов находились дела рядовых и унтер-офицеров, военно-окружные суды рассматривали дела офицеров, а также особо важные дела рядовых и унтер-офицеров. На флоте соответственно учреждались экипажные военно-морские суды (при главных портах) и главный военно-морской суд. В результате военно-судебной реформы укрепилась независимость судов, были учреждены должности следователей и военных прокуроров, отменены сословные привилегии подсудимых, установлен порядок обжалования приговоров и т.д. Военно-судебный устав³ закрепил принципы буржуазного права в организации и деятельности военно-судебных органов армии и флота. Для подготовки кадров военных юристов в 1867 году создали Александровскую военно-юридическую академию.

Подготовка к военно-судебным преобразованиям как ча-

сти военной реформы началась задолго до ее реализации. В качестве подтверждения этого хотелось бы привести два интереснейших документа, датированных концом 1860 — началом 1861 года. Оба они ныне находятся в личном фонде Д.А. Милютина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Первый документ — это письмо от 15 ноября 1860 года* Д.А. Милютину, который еще был в ранге заместителя военного министра, главы Морского ведомства генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича⁴ с просьбой дать замечания на проект преобразования морских военных судов. Надо заметить, что Константин Николаевич являлся активным сторонником модернизации флота и проведения прогрессивных для того времени реформ как в вооруженных силах, так и в социально-политической жизни страны⁵.

В своем ответном послании от 22 января 1861 года Д.А. Милютин констатировал архаичность существовавших тогда порядков российского судопроизводства, общую для флота и армии, и подчеркивал настоятельную необходимость коренного преобразования судебной сферы. Следует подчеркнуть и тот факт, что судебное переустройство в вооруженных силах намечалось вслед за перестройкой гражданской судебной системы⁶, так что прецедент уже был. Д.А. Милютин горячо одобрил утверждение императором Александром II Судебных уставов 1864 года и высказал пожелание, чтобы они были введены в жизнь «скорее и повсеместно»⁷. Таким образом, работа в области военно-су-

* Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

дебных реформ уже имела под собой определенную правовую почву.

В самом начале 1860-х годов лишь намечались основные тенденции, главные принципы судебных и других реформ, так что вполне понятны и просьба великого князя высказать общие замечания по проекту, и ответ Д.А. Милютина, одобряющего реформу как таковую, но не берущего на себя смелость высказывать конкретные замечания.

Приводимые ниже письма по «судебному вопросу» двух крупнейших российских военных деятелей публикуются с сохранением особенностей норм правописания и этикета служебной переписки середины XIX века.

Документ № 1

№ 2496

15 ноября 1860 года

Его Превосходительству
Д.А. Милютину⁸

Препровождая Вашему Превосходительству проект преобразования Морской судебной части, прошу Вас принять на себя труд в особенное, личное для меня одолжение рассмотреть этот проект и сообщить мне Ваши на оный замечания, коими я с искреннею признательностью воспользуюсь. Я был бы особенно благодарен Вам, если б получил помянутые замечания не позже февраля будущего года.

Константин

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169 «Д.А. Милютин». Картон 42. Д. 23. Л. 1. Текст рукописный. Подлинник.

Документ № 2

Ваше Императорское
Высочество!

По поручению Вашему, ознакомившись с главными ос-

нованиями составленного в Морском министерстве проекта Устава о Военно-морском суде, сколько дозволили мне служебные мои занятия, поставляя себе долгом почтительнейше повергнуть личное мое мнение по сему важному предмету на благосклонное усмотрение Вашего Императорского Высочества.

Сознавая вполне недостатки существующего ныне порядка судопроизводства, общие Морскому и Военному ведомствам, и настоятельную необходимость коренного преобразования настоящих постановлений по этому предмету, я с истинным удовольствием нашел подтверждение сих мыслей моих в приложенной к означенному проекту объяснительной записке, а потому сочувствую искренне тем побуждениям, которые руководили составителя [так в тексте. — Е.А.] проекта при начертании предполагаемых преобразований. Замену временных военно-судных комиссий постоянными в главных центрах Морского управления⁹ судами, с учреждением при оных особых судебных чиновников из образованных юристов, обеспечение правильности судебных приговоров введением публичного судебного разбирательства и допущением защитников или адвокатов считаю я самыми действительными средствами, для того чтобы военно-морским судам предоставить надлежащую самостоятельность, чтобы установить неизменность судебных приговоров, обеспечить правильность оных учреждением предполагаемого в проекте высшего кассационного суда.

Обращаясь затем к одному из главных вопросов, возбужденных настоящим проектом, возможно ли на предполагаемых началах приступить к коренному преобразованию Морских судов, в то время когда прочие суды в государстве действуют на основе письменной системы и тайного делопроизводства, я также не могу не согласиться с со-

ставителем проекта, что подобные соображения не должны иметь место при полном убеждении в необходимости предполагаемого изменения, тем более что для подобного преобразования целой укоренившейся временем системы судопроизводства и судостроительства в гражданском и даже в военном ведомстве, быть может, потребуется еще продолжительное время, тогда как при ограниченном круге действия военно-морской подсудности, новое устройство судебной части может быть произведено без значительных затруднений. К тому же введение в Морском ведомстве новых начал судопроизводства, согласных с современными требованиями науки и соответствующих судебному устройству прочих европейских государств, докажет, без сомнения, возможность и пользу распространения той же меры на общее уголовное и военно-судное производство в империи и указанием опыта значительно облегчит законодательные труды по этим частям управления.

Не имея возможности вникнуть подробнее во все частности составленного в Морском министерстве проекта, я ограничиваюсь только изложенными мыслями на счет основных начал предполагаемого преобразования, но не считаю себя вправе заявить пред Вашим Императорским Высочеством положительного мнения о том, в какой мере все начертанные в этом проекте постановления могут быть признанными правильными и удобноисполнимыми, а равно можно ли сей проект приспособить без затруднения к военно-судному производству в военном ведомстве. Более отчетливые замечания по сему предмету будут изложены другими лицами, специально знакомыми с этой частью в Военном министерстве, и представлены особо Вашему Императорскому Высочеству Господином Военным Министром¹⁰.

С глубочайшим высокопочтением и существенною преданностью имею честь быть.

[Д.А. МИЛЮТИН]

22 января 1861 года.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. «Д.А. Милютин» Картон 42. Д. 23. Л. 3—5 об. Текст рукописный. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Милютин Дмитрий Алексеевич // Шолов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Библиографический справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 464—471.

² См.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952.

³ Военно-судебный устав // Свод военных постановлений. СПб., 1879. Кн. 24; Военно-морской судебный устав // Свод морских постановлений. СПб., 1887. Кн. 18.

⁴ Константин Николаевич // Шолов Д.Н. Указ. соч. С. 345—356.

⁵ Более подробно см.: Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. В своих высказываниях конца 1850 — начала 1860-х гг. Константин Николаевич особенно подчеркивал «крайнюю необходимость» по-новому «устроить судопроизводство» в России // Ляшенко Л.М. Александр II. М., 2003. С. 114.

⁶ Более подробно см.: Судебная реформа // Русское законодательство X—XX вв. М., 1991. Т. 8.

⁷ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863—1864. М., 2003. С. 489, 490.

⁸ Д.А. Милютин был произведен 30 августа 1858 г. в чин генерал-лейтенанта (III класс Табели о рангах), и в письме Константина Николаевича по отношению к Дмитрию Алексеевичу использовано уставное для особ III и IV классов обращение «Ваше Превосходительство» // Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 142, 143.

⁹ Под главными морскими центрами (портами) России в середине XIX в. понимались: на Балтике — Санкт-Петербург и Кронштадт, на Черном море — Николаев.

¹⁰ Имелся в виду тогдашний непосредственный начальник Милютина, военный министр в апреле 1856 — ноябре 1861 г. генерал от артиллерии Николай Онуфриевич Сухозамет.

Публикация
Е.Д. АРАПОВОЙ

«ЧТОБ ОТСТАВНЫЕ ОТ СЛУЖБЫ ОФИЦЕРЫ, УНТЕР-ОФИЦЕРЫ И РЯДОВЫЕ ПО ОТСТАВКЕ ИМЕЛИ ПОКОЙ И ПРОПИТАНИЕ»

Зарождение системы социальной защиты военнослужащих

При Петре I с созданием регулярной армии возникли проблемы, связанные не только с ее пополнением, но и с обустройством уволенных в отставку военнослужащих¹. В российских вооруженных силах проходили службу представители различных социальных слоев общества. Самой многочисленной частью личного состава армии и флота стали военнослужащие унтер-офицерского и рядового состава, не являвшиеся дворянами. Эти люди в свое время были забраны на военную службу по воинской повинности (рекрутские наборы) и в основном не по своей воле. Время службы для них определялось не конкретным сроком, а зависело от их физического состояния, и поэтому служить им приходилось практически всю жизнь. Чтобы те, кому предстояло идти на службу, не уклонялись от нее различными способами, а в дальнейшем и в массовом порядке не дезертировали, государству необходимо было гарантировать этим людям то, что они в конце своей жизни не будут выброшены со службы за ненадобностью, без всякой надежды на нормальное обустройство.

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ меры были приняты государством накануне окончания Северной войны, особенно в ходе проведения первой ревизии². Но при этом осталось много нерешенных вопросов, и ко времени восхождения на престол Елизаветы Петровны созрела необходимость пересмотра ее результатов. Начало новой ревизии было объявлено в именном указе³ от 16 декабря 1743 года*, к которому прилагалась «Инструкция – посланным для учения вновь ревизии»⁴. 20-й пункт инструкции содержал практически все основные направления, связанные с обустройством отставных военнослужащих и их детей согласно их социальному положению («кои не из дворянства»).

* Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

Фактически документы, систематизированные в этой части инструкции, представляли собой перечень мер по обустройству дальнейшей жизни отставных военнослужащих и их детей. Вот лишь некоторые из них: «Чтоб отставные от службы офицеры и унтер-офицеры и рядовые по долголетней и многотрудной службе в походах и ранах... по отставке от оной имели покой и пропитание», «чтоб те отставные и дети их без дела в гуляках не были»⁵.

Итак, речь шла не только о жесткой регламентации и упрощении выбора их дальнейшего жизненного пути, но и о признании государством необходимости заботы о них. Материальным выражением этого являлось главное преимущество отставных военнослужащих – указанное в инструкции подтверждение то-

го, что они, как и раньше, были освобождены от уплаты подушной подати («всех отставных переписать только для ведома»).

Кроме того, отставные являлись лично свободными людьми и могли самостоятельно выбирать как место проживания, так и способ пропитания, входя в любое из податных сословий («тех писать по их желанию»)⁶. В этом пункте инструкции перечислялись основные способы заработка («пропитания»), которые и являлись главными направлениями обустройства отставных военнослужащих. Для тех из них, которые «живут в Москве и в других городах не на пашне» (не в деревне), предполагалось: использование навыков и умений в какой-либо профессии для индивидуальной работы; труд на каком-либо производстве; другие виды деятельности или услужение кому-либо.

Те же, кто «волею пошли... в деревни», имели гораздо меньший выбор: заниматься земледелием или индивидуальной работой, не связанной с обработкой земли («жили на пашне или кормились работою своею»). В инструкции были указаны и преимущества отставных унтер-офицеров и рядовых как по отношению к другим представителям податных сословий, так и по отношению друг к другу, в зависимости от выбора направлений, касавшихся прежде всего их детей. Последних, признанных годными, должны были «всех взять в службу в солдаты, а матросских детей – в матро-

сы». В зависимости от того, в какое сословие решили записаться при проведении ревизии отставные военнослужащие, определялась судьба их детей. Те из них, кто решил записаться «в цехи», получали еще одно немаловажное преимущество – туда же записывали вместе с ними и их детей и в дальнейшем освобождали от службы в армии и на флоте. Давалось некоторое преимущество и детям тех отставных, кто возвращался после службы в деревни. Этим детям было приказано «писать с прочими крестьянами на ряду», то есть на службу они могли попасть не в обязательном порядке, а на общем основании – в случае их выбора в рекруты.

Основным в обустройстве отслуживших военнослужащих традиционно считалось определение на пропитание в монастыри, поскольку многие ввиду старости и инвалидности не могли самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Это касалось всех военнослужащих, в том числе штаб и обер-офицеров, без различия в происхождении. История вопроса уходит ко времени окончания Северной войны, когда было «по резолюции Правительствующего Сената марта 19 дня 1722 года велено... по свидетельству Военной коллегии, которые за старостью и болезнями в службе быть не могут, а пропитания своего не имеют, отсылать в монастыри»⁷. В это время уже имелась законодательная основа для реализации планов обустройства. Всеми делами, связанными с ним, ведал Синод, и касалось это хотя и всех отставных военнослужащих вне зависимости от места проживания, но прежде всего тех из них, кто подавал об этом прошение. Были также приняты указы о выделении за счет Синода денежных средств и продуктов на содержание этих военнослужащих⁸. 31 января 1731 года императрицей Анной Иоанновной был утвержден доклад Сената об изменении форм довольствия всех отставных военнослужащих, определенных для

проживания в монастыре, а также упорядочении выплаты денежного и продовольственного содержания. Вводились фиксированные, единые для всей страны нормы денежного довольствия («жалованья») в зависимости от звания отставных, базировавшиеся на основе окладов денежного содержания военнослужащих Московского гарнизона⁹.

Уже при Елизавете Петровне, летом 1742 года была усовершенствована процедура оформления в монастыри отставных военнослужащих. Поскольку все дела направлялись в Сенат и далее, в герольдмейстерскую контору, ведавшую вопросами «всего государства дворянства вышних или нижних, прежних и нынешних, военных, гражданских и придворных чинов», но не все из них являлись дворянами, то возникали соответствующие трудности в их оформлении. В связи с этим был издан сенатский указ, в котором шла речь «об отсылке унтер-офицеров и рядовых, оказавшихся по свидетельству к службе, за старостью и болезнями и на поселение негодными, в коллегию экономии для распределения по монастырям и богадельням и о предстании в Сенат дворян, служивших в тех чинах»¹⁰. Разделение процедуры оформления отставных по принципу происхождения значительно ускорило ее прохождение.

Все эти законодательные документы нашли свое отражение в реальной ситуации, сложившейся на момент начавшейся в 1744 году ревизии на этом направлении обустройства отставных военнослужащих. Но фактически требования именных царских указов от 12 октября 1722 года и особенно от 31 января 1732 года о регламентировании продовольственного и денежного довольствия для определенных в монастырь отставных военнослужащих не выполнялись. Происходило это в силу объективной причины – ограниченности соответствующих средств, имевшихся в распоряжении монастырей. Тем не

менее упомянутые указы являлись своего рода ориентиром при назначении довольствия этим людям.

В структуре Синода существовали еще и богадельни – приюты для одиноких стариков и инвалидов, куда также определялись отставные военнослужащие. В официальных документах об этом практически не упоминалось.

Тем, кто не подавал прошения для оформления в монастырь, а выбрал другой путь в жизни при решении проблем обустройства на момент увольнения, в дальнейшем практически не уделялось внимания. Для тех из них, кто, став престарелым, не смог создать семью, не имел родственников и близких людей, а из-за увечий, немощи не мог самостоятельно заботиться о себе и зарабатывать на кусок хлеба, ситуация складывалась следующим образом. Поскольку вопрос, связанный с оформлением их в богадельни не решался, то перед этими людьми открывалась безрадостная перспектива идти на паперть с протянутой рукой. Среди нищих, бродивших по дорогам России, было много бывших военных, которые, в том числе и в силу вышеуказанных причин, занимались попрошайничеством и просили милостыню. Масштабы явления были довольно значительны, поэтому не случайно этот вопрос нашел отражение в сенатском указе от 18 ноября 1742 года «О распределении коллегией экономии присылаемых из полиции нищих в богадельни»¹¹. Правительство обязало коллегию экономии препровождать туда из главной полицейской канцелярии инвалидов и престарелых отставных военнослужащих, а также их жен, занимавшихся нищенством, сразу же определять в богадельни, вменяя сбор соответствующих подтверждающих документов в обязанность коллегии. После начала ревизии, когда проверяли подаваемые ревизские сказки, выявилось большое число таких отставных, которые не могли из-за старости и болезней зарабатывать себе на пропитание.

В числе первых в мае 1744 года была подана сказка бывшим адмиралтейским мастеровым Михаилом Нижегородцевым, в которой предстала типичная ситуация: «...отставной адмиралтейский кузнец Михайла Иванов сын Нижегородцев... он нижегородского уезду дворцовой деревни Каменки крестьянский сын, из которой взят в службу и служил при адмиралтействе кузнецом тридцать лет, а в 723 году... отставлен... дан паспорт, который имеетца при нем, а детей у него и... родственников и пришлых людей никого не имеетца, а живет в городе Воронеже в пятницу приходом своим двором... имеет ремесло кузнечное и ныне желает жить в городе Воронеже в богоделне понеже за старостию работою своею пропитатца не может... Отослан для определения в богоделню в Воронежскую духовную консисторию»¹². Указанная в сказке просьба Михаила Нижегородцева сопровождалась резолюцией: «отослан для определения в богодельню в Воронежскую духовную консисторию»¹³. После узаконения в указе Сената этого варианта обустройства пожилых и больных отставных военнослужащих все подобные просьбы немедленно удовлетворялись. Право отправления в монастыри и богодельни отставных военнослужащих, выразивших это желание при рассмотрении их сказок, начало претворяться в жизнь.

Основные направления обустройства живших в городах отставных, указанные в инструкции, также базировались на прежнем законодательстве. Для упорядочения учета все ремесленное население городов сводилось в цехи. При этом отставные военнослужащие могли по своему желанию выбрать себе работу в городе¹⁴. В дальнейшем такой подход не менялся и окончательно оформился в вышеназванной инструкции: «Которые из тех отставных, имеющие какое мастерство... в цехи приняты и записаны не будут, а пойдут... в другия какия работы или во услужение:

у таких детей их всех писать в службу, солдатских в солдаты, матрозских в матросы...»¹⁵.

Таким образом, главное преимущество записанных в цехи состояло в том, что их дети на службу не забирались и могли постоянно находиться с родителями. Вот как говорится об этом в сказке, рассмотренной в воронежской канцелярии ревизии 3 декабря 1744 года: «Морского флота матроз Викула Данской... взят он в службу в 721 годе города Воронежа и пушкарских детей и в прошлом 743 годе отставлен... дан паспорт, велено... жить в городе Воронеже для пропитания, а от роду... 56 лет, и по нынешней ревизии желаю быть при Воронежском цеху, понеже я имею ремесло портное, а на Воронеже детей и пришлых мужскаго полу не имеется...»¹⁶. Выразивший это желание, согласно установленной процедуре сразу же из канцелярии ревизии отправился дальше: «Вышеписанной Данской по силе присланной из канцелярии генеральной ревизии указу для написания в цех отослан в Воронежский магистрат»¹⁷.

Для работы на промышленных предприятиях того времени не требовалось обязательное владение какой-либо профессией. Так, в мае 1744 года была рассмотрена сказка жителя Воронежа, работавшего на одной из фабрик купца Василия Пустовалова, незадолго до этого уволенного с военной службы Антоном Ивановом: «Галерного флота отставной боцманмат Антон Савельев сын Иванов... служил он в галерном флоте квартирмейстером и в прошлом 1743 году от той службы за старостию и дряхлостию отставлен... и ежели указ на онного Иванова положен будет оклад и он Пустовалов за него Иванова в ряд с купецкими людьми платить будет же без всяких отговорок...»¹⁸. Обращает на себя внимание обязательство хозяина фабрики Пустовалова в последнем абзаце сказки. Оно означало, что если Иванов в ходе переписи на основании соответствующего ре-

шения («указа») канцелярии ревизии будет записан («положен») в оклад подати платежной общины (в данном случае фабрики), то Пустовалов готов был платить за него государству подушную подать. В противном случае он мог лишиться работника: «За тех людей подушные деньги платить бездоимочно... а кто тех подушных денег платить не будет и чрез один год явится в доимке**, у таких те люди будут взяты и отданы другим... из платежа подушного оклада»¹⁹.

Из этого следует, что плата для купца была гораздо меньше тех выгод, которые приносил ему такой постоянно закрепленный на фабрике в оклад подати работник. Иванова в случае такого развития событий ждало только одно — жесткое прикрепление к «тяглу» (месту работы) с фактическим лишением личной свободы. Но этого не произошло. В резолюции на сказке ревизор указал: «По одной скаске вышеписанного боцманмата Антона Иванова нечислить понеже он определен по силе присланного из канцелярии ревизии указу на фабрику содержателя Василия... Пустовалова»²⁰. Имелось в виду «не числить» Иванова в ряду тягловых работников, закрепленных на фабрике, как отставного военного, освобожденного от уплаты подушной подати, и его, согласно пункту 20 инструкции, необходимо было как «тех всех отставных переписать только для ведома». На деле это означало следующее: поскольку Иванов по своему желанию был взят на фабрику, то хозяин должен был выплачивать за его труд деньги («обеспечить ему пропитание»), и в случае необходимости Иванов мог самостоятельно уйти с работы.

Инструкция по проведению ревизии, несмотря на ее подробность и претензию на всеохватность, конечно, не могла предусмотреть всех жизненных коллизий. Многие вопросы, вставшие перед ревизорами сразу после начала переписи, не могли ре-

** То есть должником.

шиться на местах. Поэтому Сенат уже через несколько месяцев проведения ревизии вынужден был рассматривать и вопросы, связанные с обустройством отставных, осевших в городах и там зарабатывавших себе на пропитание, но желавших жить самостоятельно, никуда не определяясь. И Сенат решил в этом случае ничего не менять и не усугублять ситуацию, сохранив «status quo» и в своем указе: «Слушав онаго доношения сего 1744 года июня 25, приказали: которые отставные драгуны, солдаты, матросы имеют об отставке их паспорта и живут своими дворами и пропитание имеют работою своею, а в цехи и ни к кому во услужение записываться не желают: таковых оставлять жить на своем пропитании...»²¹.

Под определение этого указа попала и ревизская сказка, рассмотренная 5 июня 1745 года: «Адмиралтейского ведения бывший кузнец Степан Алексеев сын Шмырев... а ныне желает он быть на своем пропитании, понеже он имеет мастерство кузнецкое, а на Воронеже по силе прежней переписи мужеска полу душ детей никого не имеетца...»²². Именно к таким, которые решили иметь «свое пропитание от ремесла... а в цеху и ни у кого во услужении жить не пожелают», относился и Шмырев, поэтому соответствующим было и решение воронежской канцелярии ревизии: «Вышеписанный Степан Шмырев по силе о генеральной ревизии инструкции по ево желанию определен в городе Воронеже на свое пропитание»²³.

Инструкция предусматривала и процедуру переписи тех, кто «волею пошли в... деревни... и там жили на пашне». Но в числе прочих субъектов государства Воронежская губерния находилась на особом счету. Это отразилось прежде всего на социальном положении однодворцев, к тому времени государственных крестьян, тяглого сельского сословия. На них были возложены определенные задачи, причем основная из них – оборона

южных рубежей – еще не изжила себя. Это подтверждалось системой службы однодворцев, сложившейся в 20-х годах XVIII века на Юге. Были созданы ландмилицейские полки, и однодворцы должны были не только финансировать расходы на их содержание, но и служить в них²⁴. В 40-х годах XVIII столетия эта система защиты южных границ также продолжала существовать. В связи с этим однодворцы числились в атаманской, казачьей, стрелецкой, пушкарской и прочих службах. Кроме того, однодворцев брали на службу и в армию и на флот. Поэтому, когда выходец из этого сословия был «от той службы отставлен и отпущен в дом свой... на собственное пропитание», он уже не включался в оклад подушной подати, что еще раз и подтвердила проводившаяся ревизия²⁵.

Особенность положения однодворцев была и в том, что они жили не только в деревнях, но и в городах. Например, живя в Воронеже, они имели свою пашенную землю в окрестностях города и числились в казачьей службе. Несмотря на социальное положение отставных военнослужащих, вернувшихся в это сословие, каких-то особых указаний по их переписи в инструкции дано не было. В ревизской сказке, поданной одним из таких однодворцев и рассмотренной в июне 1744 года, читаем: «...отставной от службы блокавого дела плотник Иван Сидоров сын Нартов в службу из города Воронежа из аднадворцев... служил при адмиралтействе блокавого дела десятником лет сорок, а в 729 году отставлен в Санкт-Петербурхе из адмиралтейской коллегии и дан ему пашпорт... жителство иметь в городе Воронеже в доме своем... и от роду ему девяносто один год, а детей у него, братьев и родственников никого не имеетца, и живет он в городе Воронеже в покровском приходе своим двором, а пропитание имеет, пашет помесную пашенную свою землю... желает он быть в ряд однодворцев в казачьей службе...»²⁶. Нартов подтвер-

дил свое желание продолжать работать на своей поместной пашенной земле и, несмотря на столь преклонный возраст, не стал проситься ни в монастырь, ни в богадельню. Но, приходя со службы, некоторые отставники – бывшие однодворцы не возвращались в те места, откуда их забирали, тем не менее в зависимости от той или иной жизненной ситуации опять хотели причислить себя к этому сословию.

Характерно в этом смысле решение отставленного от службы в Адмиралтействе «за старостью и слабостью и ломотою» в возрасте 51 года и решившего обосноваться в Воронеже капрала Федота Бутусова. В сказке он показал: «...ныне жителство имеет в городе Воронеже в Рождественском приходе на Чижовке у вдовы Акулины Ивановой дочери, а рукомесла никакого не имеет и живет на пашенной земле и ныне желает быть в городе Воронеже в казачьей службе в ряд однодворцев на пашенной своей земле»²⁷. Канцелярия ревизии учла пожелание Бутусова: «Оной будет определен по силе присланного из канцелярии генеральной ревизии указу на свое пропитание и велено ему жить в городе Воронеже, а в том с него взята подписка...»²⁸.

Государство уделяло внимание и детям военнослужащих, как находившихся в армии, так и отставных. Конкретные меры по решению вопроса об обучении детей военнослужащих были приняты при Анне Иоанновне в указе от 6 мая 1736 года. В преамбуле указа освещение проблемы образования увязывалось с вопросами нравственности, а также применительно к детям «всякого звания служилых чинов» была представлена универсальная формула закона бытия человека – «Праздность есть всякому злу корень». Далее говорилось о необходимости получения образования с юных лет: «А о малолетних... хотя Мы, желая им всякого добра, повелели, сверх гарнизонных, в прочих городах для обучения их уч-

редить школы и определить жалование, чтоб все малолетние служилых отцов дети, имея надежное пропитание, обучались, кто к каким наукам приклонность иметь будет, дабы со временем не токмо Государству полезны быть, но и самим себе чрез те науки довольное пропитание сыскать могли, но не взирая на такую Нашу... милость, и не желая собственной своей пользы, от наук убегают, и тем сами себя губят». И, как вывод, в конце приказывалось: «Малолетних записывать в школы и обучать грамоте и прочим наукам, кто к чему охоту возымеет, также и воинской экзерциции, дабы оную знали и при определении в полки обучать их той экзерциции было не потребно...»²⁹.

Эти весьма проникновенные слова не потеряли актуальности и в наши дни. При Елизавете Петровне, как свидетельствуют материалы ревизии, такое отношение к обучению детей служилых людей и вообще к образованию не изменилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для работы над этим исследованием были использованы ревизские материалы, хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области (ГА ВО). Несмотря на то, что большая часть документов этого архива погибла во время Великой Отечественной войны в 1942 г., значительное собрание материалов, относящихся к проводившейся в Российской Империи в 40-х гг. XVIII в. ревизии, сохранилось. А поскольку регулярно проводившиеся ревизии — «самый полный и точный из всех источников по учету численности и состава населения России XVIII в.» (см.: Кабузан В.М. Народонаселение в России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 5), их материалы могут использоваться не только в качестве вспомогательных, но и как вполне самостоятельные исторические источники. Содержащие сведения разнопланового характера, они имеют решающее значение и в раскрытии других важных вопросов, а именно социального положения основной массы военнослужащих — рядового и унтер-офицерского состава русской ар-

мии и флота в первой половине XVIII в.

² В России XVIII — первой половины XIX в. перепись населения, главным образом податного, началась с введения подушной подати. Было проведено 10 ревизий; первая — в 1719–1728 гг.; вторая — в 1743–1747 гг.; последняя — в 1857 г. Именные списки российского населения, составлявшиеся во время ревизий, стали называться ревизскими сказками.

³ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). СПб, 1830. Т. XI. С. 962.

⁴ Там же. С. 964.

⁵ Там же. Т. XIV. С. 715.

⁶ Понять, что эти преимущества, образовавшиеся ранее и имевшие место в начале ревизии, были весьма значительны, можно лишь в сравнении, зная, какие права имели на момент их появления остальные представители податных сословий, например государственные крестьяне (черносошные, ясачные, однодворцы). В одном из исследований читаем: «В петровский период политика самодержавия в отношении государственных крестьян имела ярко выраженную тенденцию к ограничению их прав, сужению их возможностей в реализации тех преимуществ, которыми они располагали как люди, лично свободные от крепостной неволи... В сохранении и упрочении монополии сословных занятий, пресечении попыток представителей других... сословий воспользоваться сословными привилегиями в... XVIII в. видели основу правопорядка, справедливости и процветания государства, народа...» (см.: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 184, 185).

⁷ ПСЗ РИ. Т. XIV. С. 607.

⁸ Там же. 1830. Т. XII. С. 548.

⁹ Там же. Т. VIII. С. 375.

¹⁰ Там же. Т. XI. С. 607.

¹¹ Там же. С. 718.

¹² ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 92.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСЗ РИ. Т. VII. С. 12.

¹⁵ Там же. Т. XI. С. 975.

¹⁶ ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 165.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 94.

¹⁹ ПСЗ РИ. Т. XII. С. 361.

²⁰ ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 94.

²¹ ПСЗ РИ. Т. XI. С. 164, 165.

²² ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 185.

²³ Там же.

²⁴ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 178, 179.

²⁵ ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10.1. Л. 160.

²⁶ Там же. Д. 24. Л. 131.

²⁷ Там же. Л. 97.

²⁸ Там же.

²⁹ ПСЗ РИ. Т. IX. С. 807.

Капитан 1 ранга
Ю.М. ПОПОВ

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОЕННОЕ ПРОШЛОЕ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО: УТРАЧЕННОЕ И СОХРАНЕННОЕ»

ИСПОЛНИЛОСЬ 250 лет со дня создания графом П.И. Шуваловым по указу императрицы Елизаветы Петровны Достопамятного зала — старейшего российского военного музея. Он стал единственным в России хранилищем военных памятников и трофеев, продолжив тем самым традиции Цейхгауза, созданного Петром I в 1703 году.

В честь юбилея Военно-исторической музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) провел всероссийскую научно-практическую конференцию «Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное».

Мероприятие проводилось по двум секциям. В первой были представлены коллекции и собрания российских военно-исторических музеев. Во второй — «Военная история России: опыт современного изучения» участники конференции выступили с докладами: «Войны и военные конфликты в истории России: новый взгляд»; «Новые источники по военной истории Российского государства»; «История военных реформ в России»; «Искусство войны: стратегия и тактика ведения войн»; «История военной техники и ее боевого применения»; «Жизнь и деятельность выдающихся полководцев и военачальников»; «Человек на войне: структура повседневности».

Культурная программа конференции включала в себя открытие документальной выставки «250 лет Достопамятного зала», участие в IV Военно-историческом фестивале «Рыцари средневековья», состоявшемся на территории Кронверка, открытие постоянно действующей экспозиции «Западно-европейское средневековое оружие XV—XVII вв.», экскурсию «Императорская Гатчина».

Участники мероприятия посетили выставку «Реставраторы Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи», ознакомившись с экспозициями, размещенными в 13 залах на площади более 17 тыс. кв. м, и фондами музея. Последние насчитывают более 850 тыс. предметов, 217 тыс. архивных дел, 110 тыс. томов военно-исторической литературы, более 90 тыс. фотонегативов и слайдов. С 1918 года музей хранит коллекции 27 полковых музеев русской императорской армии. Внешняя экспозиция насчитывает более 250 образцов военной техники — от средневековых пушек до современных самоходных орудий и ракетных комплексов.

О.С. ИГНАТОВА,
студентка Московского
гуманитарно-экономического
института;
Е.С. ДАНИЛИНА,
литературный редактор редакции
«Военно-исторического журнала»
(Москва)

* * *

В МОЖАЙСКОМ районе Московской области на Бородинском поле состоялся Всероссийский военно-исторический фестиваль «День Бородинского сражения и 167-летию со дня основания Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Организаторами мероприятия выступили Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное агентство по культуре и кинематографии, а также Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник.

В ходе фестиваля состоялось открытие военно-исторического праздника «День Бородино», прошли XIV Всероссийская научная конференция «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы» и круглый стол «Актуальные проблемы изучения Бородинского сражения в Отечественной войне 1812 года». Для участников и гостей мероприятия была организована пешая экскурсия по Бородинскому полю.

Я.И. БУРЧАК,
студентка Московского
гуманитарно-экономического
института
(Москва)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПИСЬМАХ ВОИНОВ-ВЯТИЧЕЙ

Фронтовые письма служили единственной связующей нитью между находившимися в окопах Первой мировой и их родственниками. Вместе с тем, являясь источником информации, эти весточки зачастую лишены полной объективности, поскольку преисполнены излишними эмоциями и поиском справедливости, так сказать, впотьмах, а точнее, по взгляду с личной «огневой» точки. Тем не менее содержащиеся в них сведения бесценны в силу своей уникальности, неповторимости и непосредственности. Автор каждого письма — простой солдат, своими глазами наблюдавший мировую войну «изнутри». Меткие, откровенные слова о ней позволяют и сегодня взглянуть на нее в особом ракурсе. Тем более что исследователь сосредоточил свое внимание на фронтовых посланиях только выходцев из Вятской губернии.

КАК И ЛЮБАЯ война, Первая мировая (1914—1918 гг.) тяжким бременем легла на плечи народа. Вчерашние крестьяне и жители городов, оторванные от родных мест и привычного уклада жизни, оказались перед неизбежным фактом — лишь ненадежная эпизодическая почта могла теперь служить мостиком для общения с родными.

У исследователей имеется возможность изучать солдатские письма, либо боль-

шей частью не дошедшие до адресата, либо значительно подкорректированные цензурой. Весточки, не обратившие на себя внимание последней, как правило, не сохранились или же найти их крайне затруднительно.

Цензура выделяла две категории писем: бодрые и угнетенные¹. В тех, что сохранились в архивах, явно просматривается тяжелое психологическое состояние их авторов, обусловленное неподготовленностью России к ведению войны. Сложные бытовые условия еще более усугубляли общий настрой, поскольку, как свидетельствуют красноречивые откровенные строки, «заели нас вши». А еще «в окопах по колено воды, позамерзли руки и ноги у наших солдат, и не пускают в больницу». И какой может быть особый боевой настрой, если «мерзни, что собака, защищая царя и родину», если «множество грызущих нас паразитов», если «люди гибли, как мухи, смерть косила направо и налево»². Постоянное недоедание также не способствовало укреплению боевого духа: «за шесть дней куска хлеба не было во рту»; «все обесилели, чуть ходят на ногах»; «служба в десять раз хуже собачьей жизни»; «о пище и говорить нечего, часто приходится быть на пище святого Антония»³. Угнетало окопников отсутствие необходимого количества боеприпасов. Как вспоминал впоследствии участник Первой мировой К.А. Палкин, уроженец Вятки, даже «стрелковая подготовка сводилась к тому, что на каждого солдата приходилось расходовать не более десяти патронов. Да и не всегда предоставлялась солдату

возможность выстрелить из русской винтовки»⁴.

К началу боевых действий запас винтовок исчислялся количеством в 4,3 млн единиц, однако масштабы мобилизации новобранцев в первый год войны исчерпали его полностью, и к ноябрю 1914 года потребность в винтовках возросла до 870 тыс. штук. Численность пулеметов противника в апреле 1915 года, к примеру, в 2,5 раза превышала аналогичный вид вооружения русской армии; немцы и австрийцы превосходили русских в 4,5 раза в легкой и в 40 раз в тяжелой артиллерии. Германия и Австро-Венгрия имели по 1200 снарядов на легкое орудие и по 600 — на тяжелое, тогда как русская артиллерия располагала лишь 30—40 выстрелами на огневую единицу. Обеспеченность русской армии снарядами составляла 5—10 штук в день на орудие⁵.

Неудивительно, что при таких условиях солдатские письма не могли не отразить эту сторону неподготовленности Российской Империи к затяжной и длительной войне: «трудно с ним [немцем] драться. Он нас забивает снарядами, шпарит целыми днями, а у нас орудий мало и стреляют редко — по одному выстрелу через час»; «нас бьют из винтовок, потом из пулеметов и из орудий, да еще ручными гранатами, да сверху летают дьявольские аэропланы — пускают разные гранаты»; «от нас только один снаряд, а немец посылает десять и двадцать снарядов, он нашего брата всего прибивет»; «а у нас снарядов жалуют, а он [немец] нисколько не жалеет»; «немцы сидят в окопах и шпарят нас,

после атак в других ротах из 300 человек осталось только трое»⁶. Авторы исследуемых писем, тоже вятичи, справедливо делали горький вывод: атаки без поддержки артиллерии, нехватка боеприпасов, вооружения (часто указывалось на то, что приходилось «ждать», когда убьют товарища, у которого была винтовка, чтоб самому вооружиться, либо с риском для жизни искать на поле боя винтовку убитого вражеского солдата), «надежда» на пехоту не приведут к скорой и легкой победе над немцем.

РЯД ПИСЕМ раскрывает одновременно курьезность и трагичность ситуаций: «солдаты бедные стреляют, а выстрела нет. Взяли, разрядили, что такое — узнать, а там в патроне вместо пороха песок»; «обувают нас не в сапоги, а выдают ботинки, а пехотным лапти выдают»; «ходим наполовину в лаптях, над нами германец и австриец смеются — возьмут в плен кого в лаптях, с него лапти снимут и вывезут на окоп и кричат: «Не стреляйте в лапти свои, за что вы их бьете?»... снаряжение у наших сплошь австрийское — у кого шинель, у кого ботинки... глаза бы не глядели на наших солдат, прямо рвань такая»; «привезли лаптей два воза, доколе вот такой срам — войско в лаптях, до чего довоевали»; «солдаты сидят без сапог, ноги обвернуты мешками»⁷. Были случаи, когда солдатам доставлялась... женская обувь.

Нередко для писем воинственности характерен страх перед грозным противником: «немцы не люди, а исчадие ада, они ведут войну для уничтожения всего человеческого рода, стреляют все разрывными и отравленными пулями; даже легко ранят — помирают»; «вижу я, мы, русские, против немцев ни к чему не годны»; «наш враг очень силен и хитер»; «кто попадет в плен, тому выкалывают глаза и отпускают назад»; «с аэропланов герма-

нец чем-то обливают, какой-то заразой; если на человека попадет, и не вылечить — помрет»; «можно сказать, немец сумеет со всеми расчитаться, он проявляет здоровое сопротивление и искусство, хитрость»; «германец куда надумает, туда и прет»; «у нас хлеба не хватает, суп — только свиной кормить. У германца — колбаса и белый хлеб. Наш солдат выйдет из окопа — как пугало в деревне ставят, а у них выйдет — одежда чиста, белье белое... Его победить, Россия первой с голоду сдохнет... У него всего хватает, а у нас нет ничего»; «злой немец на Рождество пустил газы и открыл артиллерийскую стрельбу»⁸.

С горечью подмечает вятский крестьянин или пролетарий в погонах случаи воровства или измены, а также отсутствия некоторых офицеров во время боя: «этих офицеров во время боя за три версты от позиции не найдешь, даже не укажут, где находится противник»; «как наступать, они прячутся, а солдат бедный иди, да и только солдаты воюют»⁹. Как вспоминал один из окопников, А.Ф. Ердяков, во время боев в Восточной Пруссии командир его полка, «немец по национальности, фон Крузенштерн, при обстреле частей со стороны немцев завел полк во двор кирпичного завода и держал его там до тех пор, пока туда не попал снаряд». Он же, Ердяков, негодовал по поводу того, как при сильном оружейном огне в первую очередь побежали офицеры, увлекая за собой нижних чинов и порождая у тех панику, и лишь призывы бывалого фронтовика вернули солдат на позиции, а затем и офицеров. Подобные свидетельства содержатся и в других письмах. Так, Ф. Кокоулин в 1915 году в весточке домой отмечал, что «начальники у нас все немцы, продали нас да и воюй, как мухи пропадай»¹⁰.

АРХИВЫ сохранили немало свидетельств той поры о неверии властям и газетам: «прошу я вас,

тетя, чтоб газетам вы не верили, так как правду не выпускают»; «газетам не верьте, что нам посылают подарки. Совершенно нам ничего не досталось»; «победы, пишут, все на нашей стороне, вот как раз все это оказывается наоборот»; «не верьте газетам — они пишут то, что им приказывают»¹¹.

Попадались и призывы к прямому уклонению от военной службы: «если Кирилла возьмут, то пусть он неустанно до надоедания заявляет о какой-либо болезни, тут стыдиться нечего. Если попадет в окопы, то дело пропащее»¹².

Апатия, чувство безысходности, обреченности — частые спутники данной категории солдатских писем: «скоро всех перебьют... проклянешь свою жизнь»; «жизнь такая мне пришла, что как подумаешь, так и сердце не ворочается, а смерти дожидаться не могу»; «лучше бы ты меня, мамаша, на роду растоптала, а на божий свет бы не пушала»¹³. Они подчас приводили не только к потере боевого духа, но и к самоубийствам, «добровольной» стрельбе по конечностям. При этом многие солдаты подвергались тяжелым физическим наказаниям и за ранения, полученные ими во время боя. Так офицеры «боролись» с не желавшими воевать.

Безвыходность положения приводила к тому, что многие искали спасения в плену: «невозможно терпеть такие тяжести, и все мы пожелали попасть в плен... Я рекомендую своим товарищам, что, если им придется идти в бой, то пушай стремятся первоначально попасть в плен, если хотят жить на свете»; «теперь наши стали сдаваться в плен, потому что надоело сидеть дни и ночи в окопах»¹⁴.

Опасения властей и военачальников относительно массовой сдачи в плен русских солдат вынуждали принимать меры различного характера: угроза применения наказания по законам военного времени, превентив-

ные акции. Так, 22 декабря 1915 года МВД циркулярно известило губернаторов о выходе специальной брошюры «В плену у немцев», в которой были изложены факты расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и немецкими войсками. При этом министерство настоятельно рекомендовало местным властям широко распространять указанное издание среди населения губерний через средства массовой информации. Год спустя то же ведомство просило местные власти собирать и докладывать в центр информацию о применении врагом разрывных пуль, удушливых газов, злоупотреблениях белым флагом, зверствах и ограблениях русских пленных, об обстрелах санитаров, перевязочных пунктов, санитарных поездов, о расстрелах, насилиях по отношению к мирным жителям и беженцам, о выставлении их в качестве живого щита, об изнасилованиях женщин и детей, об обстрелах мирных городов и иных явлениях негативно-го характера¹⁵. При этом описание жизни русскими военнопленными в немецких и австрийских лагерях в привлекательных и умеренных тонах встречало жесткое противодействие со стороны правительства. Письма такого содержания предписывалось изымать, а фамилии авторов и номера их частей сообщать в особое отделение Генерального штаба. Радужные описания вражеских лагерей ни при каких обстоятельствах не могли попасть в печать. Аналогичные меры принимались и по отношению к фотографическим снимкам русских военнопленных. Не допускались до адресата письма, в которых авторы сообщали об отсутствии желания воевать, о мрачном настроении, о неуверенности в победе. Такие материалы подлежали немедленной конфискации.

Уместно отметить телеграмму от 15 апреля 1916

года на имя командующего Казанским военным округом, содержание которой сводилось к тому, что император желал бы посылать в действующую армию инвалидов, вернувшихся из германского и австрийского плена, которые выступали бы таким образом в роли своеобразных пропагандистов, нанятых властями для решения конкретной трудноразрешимой задачи¹⁶. Правда, в Вятской губернии за неполный 1916 год желающих откликнуться на призыв императора оказалось немного, а часть из согласившихся по различным причинам впоследствии отказалась выполнять эту миссию, несмотря на денежные выплаты со стороны властей.

Впрочем, добровольная сдача в плен вражеским войскам, безусловно, в большинстве случаев была порождена вовсе не отсутствием патриотизма, а тяжелейшими условиями, в которых солдатам приходилось сражаться. Сдаваясь в плен, большинство не увидели тех ужасов, с которыми им пришлось затем столкнуться. Вот лишь некоторые выдержки из воспоминаний побывавших в плену воинов-вятичей: «один немецкий санитар взял из ножны штык и ударил им меня по спине два раза за то, что я не мог идти с ними; везли в товарном вагоне... обращение часовых в лагере очень грубое, кормили плохо... повара били черпаком по голове, разбивая до крови... практиковалось подвешивание к дереву за руки»; «заставляли просушить болото, которое было непроходимым, вода в нем была очень холодная... Из четырех тысяч человек, занимавшихся этой работой, за месяц осталось человек триста. Все были истощены, валились от дуновения ветра»; «есть не давали... из вагона не выпускали даже для отправления естественных надобностей... умирало человек по пятьдесят в день, и масса пленных сделалась совершенно неспособной к

труду... на пленных пахали землю... немцы обращались довольно грубо, дерзко»¹⁷. При этом администрации делали все возможное, чтобы информация о таком обращении не просачивалась за пределы лагерей: «за написание на родину о плохом содержании привязывали к столбу на два-четыре часа»¹⁸. Запрещая русским писать о бесчеловечном отношении, вражеский цензурный механизм в то же время поощрял и не противился тому, что военнопленные в почтовых карточках, отправляемых в Россию, просили родных выслать им деньги, продукты, одежду. Тем самым факт необычайно тяжелого положения пленных подтверждался. Нередко высланное и вовсе не доходило до адресатов — немцы и австрийцы не стеснялись грабить посылки, вынимая из них все ценное.

ОЧУТИВШИЕСЯ в плену, русские солдаты оказались один на один с множеством возникших проблем. Помощь через благотворительные организации, Красный Крест, естественно, не могла удовлетворить даже самых минимальных потребностей. А половинчатые меры, принятые русским правительством, как, например, призывы к тому, чтобы вражеские военнопленные солдаты и офицеры, находившиеся в плену в России, писали на родину просьбы об улучшении положения русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии во избежание ухудшения собственного положения, особого успеха не имели¹⁹.

Сломаться в психологическом плане в плену было легко — человек, попадая в новые для него условия экстремального характера, испытывал их влияние в виде физических и психических страданий. Кто-то не выдерживал жестокого обращения и пытался бежать, другие приспособлялись, как, например, вятский участник Первой мировой, попавший

в плен в самом начале войны. О том в 1916 году он писал домой так: «...бороться с судьбою не волен, отдался всецело я ей, пускай меня носит по свету, пускай покорюсь же я ей»²⁰. Такое психологическое состояние не могло не порождать возникновения вопроса: «Зачем эта война?», не подталкивать солдат к мысли о желательности заключения мира. Нежелание воевать, боязнь смерти, тяжелейшие условия, слабая оснащенность армии рождали у солдат пацифистские настроения: «будь же трижды проклято начальство за нашу кровь, которую они льют вместо молока за то, что не хотят мира»; «лишать жизни не знаю за что целые десятки миллионов людей — это безрассудно»; «впереди нечто хуже смерти — ужаснее сделаться убийцею себе подобных существ»; «эх, надоела эта бессмысленная война, воевать идти на верную смерть за чьи-то гнусные интересы, как это тяжело. Это издевательство над миллионами людей»; «все мы ожидаем одного драгоценного, дорогого, священного слова "мир"»²¹. Впрочем, подобные настроения выражали, конечно же, не только вятчи. По данным рапорта старшего военного цензора Казанского военного округа от 14 декабря 1915 года, около 50 проц. всех полученных писем с фронта так или иначе содержали пожелание мира²².

Первоначальный патриотический подъем, а в какой-то степени и бравада, с затягиванием войны постепенно отходят на задний план, уступая место горькому осознанию действительности. Поэтому в такой психологической обстановке появление так называемых святых писем со злачеными буквами, написанных якобы самими Иисусом Христом или Богородицей, призывавших, дескать, не вести войну, легко объяснимо. В немалой степени этим же объясняется и явление бра-

тания. Интересный случай по этому поводу вспоминал после войны ее участник К.А. Палкин: «...накануне нового, 1917 года к проволочным заграждениям подошли двое австрийских солдат и передали русским офицерам приглашение своего командира придти встретить Новый год к ним. Офицеры согласились, захватив с собой хлеба, мясных продуктов и сахара»²³.

Раскрывают письма солдат и ошибки командования: «и свои со своими бьются, мы бились целый день, а к вечеру оказались вместо неприятеля наши войска. наших убито тысячи три. Так вот шутят и дорожат нашим братом»²⁴.

На страницах солдатской почты встречаются сведения о невозможности даже попасть в лазарет после ранения, о том, что при лечении появлялся целый букет новых проблем: «в лазарете очень плохо стараются о нашем брате, лечение очень плохое, кормят как скот, а лечат плоше того»²⁵.

Рассказы об ужасах войны возвратившихся домой искалеченных солдат порождали в свою очередь случаи массового уклонения от службы очередного пополнения. Так, 23 сентября 1916 года на Глазовский призывной пункт должны были явиться 1286 человек, а явились только 36²⁶.

Как видно, с самого начала войны воинам-вятичам, да и не только им, пришлось пройти и выдержать массу трудностей. Многие из них погибли, другие вернулись покалеченными. При этом за сухими цифрами убитых и раненых скрываются судьбы миллионов простых людей. Их письма с фронта домой позволяют полнее рассмотреть и объемнее представить то, что происходило на фронте, внести новые штрихи в освещение казалось бы уже освещенного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное соз-

нание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 63.

² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 6. Л. 624, 651 об., 662, 709 об.

³ Там же. Л. 623 об.; Д. 14. Л. 91 об., 106 об.; Д. 8. Л. 84 об.

⁴ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 6808. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

⁵ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914—1917 гг. Экономика и экономическая политика: В 2 ч. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914—середина 1916 гг. СПб.: Изд. С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 79, 82.

⁶ ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 6. Л. 653, 710, 712 об., 713; Д. 14. Л. 91.

⁷ Там же. Д. 10. Л. 75, 49, 263 об., 264; Д. 8. Л. 307; Ф. 714. Оп. 1. Д. 1588. Л. 115.

⁸ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 6. Л. 625, 651, 653; Д. 8. Л. 259; Д. 6. Л. 624, 624 об.; Д. 8. Л. 84; Д. 6. Л. 199 об.; Д. 69. Л. 91, 95, 95 об.; Ф. 714. Оп. 1. Д. 1739. Л. 11.

⁹ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 8. Л. 42 об., 43; Д. 10. Л. 28.

¹⁰ ГАСПИКО. Ф. 6810. Оп. 1. Д. 32. Л. 8, 9, 16; ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 6. Л. 660 об.

¹¹ ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 6. Л. 617 об., 680; Д. 14. Л. 9., 152 об.

¹² Там же. Д. 8. Л. 263.

¹³ Там же. Д. 10. Л. 430 об., 431; Д. 8. Л. 17 об., 104 об.

¹⁴ Там же. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1588. Л. 63 об.; Ф. 1276. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

¹⁵ Там же. Ф. 584. Оп. 26. Д. 1. Л. 1; Ф. 582. Оп. 157. Д. 71. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 4. Л. 298.

¹⁷ Там же. Ф. 582. Оп. 157. Д. 40. Л. 36, 37 об., 66—68, 78, 79 об.

¹⁸ Там же. Л. 82.

¹⁹ Там же. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 10. Л. 1157, 1157 об.

²⁰ Там же. Ф. 890. Оп. 1. Д. 133. Л. 306, 306 об.

²¹ Там же. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1739. Л. 11 об.; Д. 1588. Л. 2 об.; Ф. 1276. Оп. 1. Д. 6. Л. 662, 123, 123 об.; Д. 10. Л. 462 об.

²² Там же. Л. 457.

²³ ГАСПИКО. Ф. 6808. Оп. 1. Д. 24. Л. 23.

²⁴ ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 14. Л. 5 об.

²⁵ Там же. Д. 10. Л. 111.

²⁶ Садаков М. Удмуртия в годы Первой мировой империалистической войны // Записки Удмуртского НИИ истории и фольклора при Совете Министров Удмуртской АССР. Вып. 16. Ижевск, 1954. С. 70; Вятская речь. 1917. 16 мая.

С.В. КАЗАКОВЦЕВ

ВЫРУЧАЯ СОЮЗНИКОВ

НАСТУПИЛ 1945 год. Мне не было и шестнадцати, когда прогремели первые залпы Великой Отечественной войны, теперь вот уже — девятнадцать, и я тоже в действующей армии. Бывал под обстрелами и бомбежками, ходил в атаку. Полгода из полутора фронтовых лет провалялся в госпиталях после тяжелого ранения. Снова фронт. В боях опять был ранен.

Теперь я на войне не новичок, у которого от страха глаза на лоб лезут, а умудренный боевым опытом гвардии младший сержант, командир минометного расчета, ответственный за успехи в бою и жизнь своих подчиненных — таких же солдат-комсомольцев, как сам. Командовалось легко: минометное дело я знал (как-никак шесть месяцев военного училища за спиной), понукать подчиненных не требовалось. Каждый из них горел желанием бить врага. А удали и лихости молодым во все времена было не занимать.

На фронте пока затишье. Но чувствовалось: большое наступление не за горами. Не потому ли нашу отдельную гвардейскую танковую бригаду передали из 49-й армии в 48-ю, находившуюся в самом центре 2-го Белорусского фронта. Не случайно и командование фронтом принял Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, уважаемый, если не сказать любимый, в солдатской среде полководец.

Зима сорок пятого выдалась на нашем фронте слякотной. Снега почти не было. Дождило. Серые, промозглые туманы плотно укутывали поля и леса. В такую непогоду в самый раз отсиживаться в землянках и блиндажах, когда «бьется в тесной печурке огонь». Так, по-видимому, рассуждало и высокое начальство, планируя большое зимнее наступление на конец января, вдохновленное открытием второго фронта летом 1944 года.

Но не успели мы вместе с командованием порадоваться действиям союзников, как в де-

кабре они стали терпеть сокрушительное поражение в Арденнах. Бросив против англо-американских войск две танковые армии, Гитлер не только остановил их продвижение, но и заставил отступить. Смирив гордыню, Черчилль обратился к Сталину с телеграммой, в которой настоятельно просил ускорить готовившееся зимнее наступление Красной армии.

О многом из этого мы тогда не знали и не могли знать. Зато в верхах, как потом стало известно, принялись срочно ломать и перекраивать планы, чтобы, выручая союзников, начать наступление раньше намеченного срока. Всю эту торопливость мы реально ощутили на себе, когда 14 января грохот артиллерийской канонады разорвал тишину туманного утра. Взглянув на небо, мы сразу поняли, что в таких условиях, когда видимость не превышает и ста метров, рассчитывать на поддержку авиации не придется. Теперь одна надежда на артиллерию, танки и, конечно же, на матушку-пехоту. Не подведи, родимая царица полей!

Вот уже несколько дней вместо привычного броска вперед в качестве передового отряда армии мы черепашьими темпами выдвигаемся к переднему краю. Все дороги, ведущие в сторону противника, забиты автомашинами и подводами. Скученности не опасаемся. В густом тумане бездействует и авиация врага. Зато наша артиллерия работает без устали. Справа, слева, спереди и сзади бьют и бьют невидимые в тумане гаубицы и пушки.

Сидим в кузовах машин. Ежимся от холода. Где-то впереди идет танковый бой. Узнаем о том по пронзительному визгу летящих болванок — этих металлических чушек, у которых нет ни взрывателя, ни взрывчатого вещества. Их страшная сила — в массе и скорости полета, сила, способная сокрушить любую броню.

Томила неизвестность, таившаяся за туманом, там, куда мы так медленно, но неуклонно двигались. По-прежнему гулко ухали тяжелые артиллерийские орудия, посылая в мгlistую даль многопудовые снаряды. И

складывалось впечатление, что стреляют они в никуда.

Зимний день недолог. В сумерках движение застопорилось совсем. Зато прибыла батальонная кухня. Невольно подумалось: как немного надо человеку для счастья.

— Молодец! — хвалили солдаты ефрейтора Нечаева. — Это же надо — в такой кутерьме батальон отыскать!

Гнездились на ночлег в кузове автомобиля. Пытались заснуть, то и дело погружаясь в чуткую, маютную дрему в ожидании рассвета очередного дня. Каким он будет?

Как сложится предстоящее наступление? Конечно, сила у нас и опыт не чета сорок первому году. Но и немец вплотную подпятился к своим границам. Ему уже, как говорится, отступить некуда. Вот она, Восточная Пруссия, рукой подать. Упрется он, вроеется в землю и будет держаться изо всех сил. Невольно вспомнилось из истории, как еще в Первую мировую 2-я русская армия ворвалась в Восточную Пруссию и почти вся полегла там.

Нас, конечно, такой вариант не устраивает. Не для того гнали фашиста от Москвы и Сталинграда до западных границ, чтобы позволить ему здесь отсиживаться. Однако и на легкую прогулку по немецкой земле рассчитывать не приходится. Сколько еще нашего брата-солдата ляжет в этих чужих нам лесах и полях?

Во второй половине этого самого так ожидавшегося ночью дня наша гвардейская танковая бригада вводилась в прорыв. Чтобы не растягивать ее на многие километры, комбриг решил построить соединение в линию батальонных колонн. Когда же те, миновав лес, вышли в открытое поле, где ветер уже успел разогнать серую мглу тумана, перед левифланговым батальоном вдруг замаячили выдвигавшиеся из низины чужие танки. В бою время на размышление — секунды. И вот уже наша головная машина, развернув башню вправо, ударила из 85-мм пушки. За ней пальнула вторая. Но тут же по радио открытым текстом кто-то завопил: «Вы что там, совсем сдурели от тумана»

Продолжение. Начало см. Воен.-истор. журнал. 2007. № 1, 3.

на?» Пригляделись наши танкисты и ахнули: ведь эти неопознанные «чужаки» — ни что иное, как родной второй батальон, правда, на союзнических «Валентайнах» и «Шерманах».

В ПРОРЫВ мы вошли только с утра следующего дня. Двигались по дороге, по которой до нас проходила лишь вражеская техника. Вправо и влево, насколько видел глаз, тянулись нити траншей, которые немецкие солдаты то ли покинули, то ли не успели занять.

Глубина подготовленной обороны была поистине фантастической. Мы двигались и час, и два и по-прежнему через каждые 500—600 метров вынуждены были преодолевать очередную траншею по временно насыпанной перемычке. Перед иными рубежами обороны виднелась колючая проволока на кольях или в виде спирали, которую пехоте преодолеть совсем нелегко. А вон перед траншеей в порядке, как на шахматной доске, уложены металлические диски противотанковых мин. В свое время, припорошенные снегом, они были невидимы, но оттепель последних дней обнажила их, и теперь они чернели на заснеженном поле, оставаясь смертельно опасными и для человека, и для техники.

Поля и перелески чередовались друг с другом. Настороженная тишина. Ни выстрела, ни взрыва. И только могучий рев моторов на ухабах выдавал, что война живет, дышит, действует. Это еще не Германия. Но уже и не Белоруссия родная. Это польская земля. Впрочем, те же песок и суглинок, березы и сосны по сторонам, и деревушки попадают еще с соломенными крышами, как где-то в глубинке России. Собственно, это и была Россия до того, как революционные катаклизмы отторгли от нее Финляндию, Прибалтику и эту самую Польшу.

Бригада неуклонно продвигалась вперед, в коротких и яростных схватках грома заслоны и резервы врага. Вот еще один населенный пункт, похожий на российский. Дома, амбары, сараи. Усадьбы, огороженные длинными жердями, привязанными к кольям. Безлюдно. Население или разбежалось, или попряталось. Поле за деревней уже просматривается плохо. Сумерки быстро опускаются на землю. Дальнейшее продвижение вперед связано с большим риском. К этому выводу пришел, очевидно, и комбриг.

Рассредоточились в еловом лесу. Наш расчет только что начал прилаживаться на ночлег на лапнике, накрытом плащ-палаткой, как кто-то из танкистов, откинув угол брезента над моторным отделением, позвал:

— Хлопцы! Залазь сюда!

Над горячим мотором было тепло, как на печке.

— Живут же люди! — предвкусная блаженство, вымолвил я, укрываясь брезентом.

Из экипажа никто не отозвался.

— Надо было на танкиста учиться, — это голос Слинькова, — а ты на минометчика пошел. Танкистам — лафа. Пешком ни шагу и ночевать в тепле...

— У нас, ребята, сегодня ротный сторел, — остановил нашу неуместную веселость кто-то из хозяев «лафы».

Мы от неловкости прикусили языки.

Погибшим ротным оказался знакомый мне гвардии старший лейтенант Миша Солнцев, Михаил Степанович, как называл его замполит.

Имя офицера-танкиста было хорошо известно в бригаде. Это его рота в числе первых форсировала Днепр, дерзкой атакой выправила положение, когда окруженный враг пытался вырваться из Могилева, инициативно действовала в бою под Скиделем. И последний в его жизни героический поступок был продиктован заботой о роте, он успешно выполнении поставленной задачи. А также, как получается, он отдал жизнь, выручая союзников, которые в течение долгого времени не очень-то торопились нам на выручку.

Н А КОНЕЦ-ТО над батальонами бригады, вышедшими на свои маршруты, смилостивилась погода. Мы то и дело видели над своими головами эскадрильи штурмовиков и бомбардировщиков, которые шли на Млаву — крепкий орешек во вражеской обороне, до которой оставались считанные километры.

Вот оно, логово врага. И на тебе — никакого сопротивления. Что, войне уже конец? Но до конца войны было далеко. Просто немецкие войска держали оборону где-то в 100—160 километрах восточнее. А мы, выполняющая замысел командования, двигались с юга туда, где нас не ждали.

Наша отдельная гвардейская танковая бригада, как нож в масло, врезалась в просторы

Восточной Пруссии, втягиваясь в широкую долину, увы, обремененную стать полем боя. Где-то справа от нас простирались Мазурские озера, служившие серьезной преградой для наступающих войск. На севере равнина окаймлялась грядой холмов — идеальное место для позиций обороняющихся. Именно здесь в 1914 году наступала 2-я русская армия генерала Самсонова, почти полностью полегшая на этих полях.

С каждым километром пройденного пути на обращенных к нам склонах холмов все отчетливее различались хорошо замаскированные траншеи, громадины дотов, бронированные колпаки. Здесь работать и работать тяжелой артиллерии, авиации, а потом штурмовым отрядам и группам. А что способна сделать наша, хотя и усиленная, танковая бригада против мощных укреплений?

Вот уже танки вплотную подошли к гряде холмов. Теперь уже и колесные машины батальона автоматчиков начали взбираться по крутому подъему. Вскоре мощнейшие рубежи мазурского укрепрайона остались позади. Оказалось, что и тщательно оборудованные траншеи, и сооруженные еще в Первую мировую войну долговременные огневые точки, и бронированные колпаки, установленные в последние годы, не были заняты вражескими войсками.

Это для нас — как подарок судьбы. Сколько бы здесь при штурме могло полечь солдат? А тут на тебе — задарма! Это ли не солдатское везенье! Но корни его уходят в гениальную прозорливость тех, кто в нужный момент решительно повернул соединения и части от только что взятой Млавы на север, к южным границам Пруссии, где враг меньше всего ожидал мощного таранного удара.

И снова мощные пиленым бульжником дороги. Ухоженные, еще не тронутые войной населенные пункты.

К вечеру километрах в двадцати от Вормдита бригада оседлала перекресток дорог у деревни Вольфсдорф с задачей не допустить прорыва через него отступавших немецких войск. Днем у этого перекрестка уже произошел бой. Двигавшийся на запад немецкий пехотный полк, казалось бы, удалялся от фронта, но, внезапно попав под огонь наших танков, развернулся и пошел, что называется, напролом. Немцы

**Благодарственная грамота
Верховного
Главного командующего
за штурм города
и крепости Осовец**

**Благодарственная грамота
Верховного
Главного командующего
за участие в боях
в Восточной Пруссии**

вначале потеснили нашу роту автоматчиков, окопавшуюся перед перекрестком, но ненадолго — вовремя подоспели подразделения с других направлений. Их привел замполит Уфимцев. Рослый, тучный, привыкший ораторствовать, он рявкнул, выйдя перед автоматчиками:

— Где это было видано, чтобы гвардейцы уступали каким-то «фрицам»? А ну-ка, покажем им кузькину мать!..

Он поднял с земли автомат, валявшийся рядом с убитым солдатом, и пошел вперед. Автоматчики обогнали его, расчищая дорогу губительным огнем скорострельного оружия. Положение было восстановлено, а подошедшие танки довершили разгром врага.

Сейчас же на поле боя было тихо. Мы расположились на огневой позиции в большой канаве, похожей на старый противотанковый ров. Сгрузили ящики с минами. Установили минометы. Построили веер по стоявшему здесь ранее взводу. Теперь уже четыре миномета, способные выпустить за одну минуту 25—30 мин, были готовы поддерживать огнем автоматчиков.

Откуда-то издали донеслось:

— Рота! К бою!

Впереди отчетливо послышался говор пулеметов и автоматов.

— Ориентир один. Три мины. Беглый — огонь! — это команда нам, минометчикам.

У нас еще засветло были пристреляны несколько площадных целей. И вскоре мы услышали,

как двенадцать гулких разрывов донеслись с переднего края. Тут же новая команда:

— Пять мин. Беглый — огонь!

Где-то впереди теперь двадцать мин резали раскаленными осколками мерзлую землю и все живое вокруг.

— Пять мин. Беглый — огонь!

Пригибаясь, прибежал ротный и спрыгнул в ров. За глаза мы его звали «Угрюмый». Теперь он был мрачнее тучи:

— Выгрузить с машин все мины на огневые позиции. Водителям доставить с пункта боепитания новый боекомплект.

Мы узнали, что немцы, спешившись с автомашин за несколько километров, как призраки, появились из метели плотными цепями. Роты автоматчиков открыли огонь. Первые цепи были скошены, как снопы. Но в поле зрения появлялись все новые и новые шеренги атаковавших. Их поддерживали пулеметы с бронетранспортеров. И наши мины, кучно падая на пристрелянное поле, наносили немалый урон наступавшим.

А по телефону с НП снова и снова:

— Пять мин. Беглый — огонь!

Внезапно с телефонной трубкой в руках, весь какой-то взъерошенный и одичавший, спрыгнул в ров командир взвода лейтенант Долгих:

— Сворачивайтесь! Автоматчики уже отошли!..

НА ПРЕЖНИХ позициях оставались лишь пулеметчики, которые периодически ве-

ли огонь короткими очередями, демонстрируя, что оборона живет и действует. Они должны были оставить окопы через полчаса. Ожидая их отхода, автоматчики рассредоточились вдоль дороги, ведущей на юг. Используя передышку, солдаты набивали патронами диски.

Между тем сквозь пургу стало проступать, разрастаясь, темное пятно — это вражеские солдаты, тяжело ступая по глубокому снегу, приближались к дороге.

— Кажется, на ловца и зверь... — вымолвил командир батальона майор Бетин, а затем приказал: — Разведчиков на правый фланг. И не дать фрицам обходить нас справа.

По цепи передали:

— Первыми открывают огонь пулеметчики.

Темное пятно в поле становилось все более очерченным. Не рассчитывая так быстро натолкнуться на неприятеля, немцы шли колонной. Передние шеренги протаптывали в снегу дорогу остальным.

Пулеметчики ударили по колонне, когда до нее оставалось метров пятьдесят. К их гулким очередям тут же присоединились очереди автоматов. В поле сразу все смешалось. Передние вражеские цепи повернули вспять, задние по инерции продолжали напирать. И те и другие падали на снег, так что не сразу определишь, то ли это убитые, то ли изготовившиеся к стрельбе. И потому пулеметчики и автоматчики били и били по темным пятнам на снегу, пока те, кому удалось унести ноги, не скрылись в пелене метели...

А у нас свои заботы. Кричу:

— Отбой! Миномет на выки!

Расчет взваливает на плечи детали миномета и, проваливаясь в наметенных сугробах, покидает ров. В чистом поле ветер совсем озверел. Хорошо еще — дует в спину.

Пришел приказ: выдвинуться к лесу в готовности поддержать огнем роты автоматчиков, занимающих позиции в том районе. Ящики с минами — на машину. Сами с минометами — пешком. И снова по полю, по колено в снегу. Миновали жидкую цепь залегших в снегу автоматчиков. Сразу заметили: последние бои не прошли для них бесследно. Роты превратились по существу во взводы. Расставили, не доходя леса, минометы. Появился комбат Бетин, распорядился:

— Оставить на позиции один миномет с запасом мин. Осталь-

ные погрузить на машину. Освободившихся минометчиков — в цепь на правый фланг батальона.

Знать, впрямь «похудели» десантные роты, коль бросили минометчиков в стрелковую цепь.

На дороге показался «виллис», затормозил возле нас. Вышедший из него комбриг подозвал к себе майора Бетина.

— Слушай задачу, комбат. Распорядись, чтобы минометная рота заняла позицию у населенного пункта, — он указал точку на карте, подсвеченной карманным фонариком. — Через тридцать минут начнешь отводить туда батальон и займешь оборону с задачей воспрепятствовать фланговому маневру противника.

— Попов! — это окликнули уже меня. — Бегом на фланг. Передай Долгих, чтобы отводил минометчиков, — приказал мне командир роты гвардии старший лейтенант Тарасенко.

Как говорится в таких случаях, — ноги в руки. Но пока бежал на фланг, обстановка начала меняться. С немецкой стороны заговорили крупнокалиберные пулеметы. Били наискосок от дороги в сторону фланга, где лежали минометчики во главе с лейтенантом. Трассы довольно низко стелились над полем.

— Где лейтенант? — спросил я, брякнувшись возле солдата, находившегося в неглубоком окопе.

— Это ты, Попов? — узнал меня Долгих, располагавшийся в соседнем окопе.

Я передал ему распоряжение ротного.

Но, как говорится, гладко было на бумаге. Едва поднялись минометчики из окопов, немцы усилили огонь из всех видов оружия. То ли они заметили движение темных фигур на белом снегу, то ли это было простым совпадением, только нам от этого легче не стало. Пули, взвизгивая над головой, добавляли прыти. То и дело проваливаясь в борозды, заметенные снегом, я бежал рядом с лейтенантом. Ему было еще труднее. Он постарше, долговяз. За лесом немного отдышались.

— У меня двух солдат убило, — доложил сержант Иткин.

БЫЛИ и еще потери. Но надо было спешить. Мало-мало нам дал времени комбриг. Мы слышали, как за спиной бой разгорался с новой силой. Враг оголтело рвался на за-

пад. Хорошо бы подошла рота Прудникова, автоматчикам было бы полегче. Хотя какое тут облегчение, когда противника в два-три раза больше. Мы тогда не знали, что враг бросил против нашей 48-й армии не менее семи пехотных и одной танковой дивизий, стремясь деблокировать группировку своих войск в Восточной Пруссии, отрезанной от основных сил в Германии.

... Разрозненной колонной мы бежали к находившемуся где-то поблизости населенному пункту, а вскоре и вовсе рассеялись. Мы с Иткиным и еще несколько человек сумели проскочить под огнем за поворот дороги. Миновали какие-то строения, небольшую рощу из берез и осин и наткнулись на ротного, стоящего на дороге возле машины Безрукова.

— Построиться по расчетам! — приказал он.

В первом расчете оказался я один. Во втором — Иткин. Рядом переминались с ноги на ногу номера расчетов из другого взвода.

— Ладно, — махнул рукой Тарасенко, — пусть будет сборный расчет. Забрать миномет. Разгрузить мины. Огневая позиция возле коровника. Не допустить прорыва пехоты противника на мост. Миномет — к бою!

Установили миномет. Ротный отдал последнюю команду:

— Пока есть мины, не отходить! А я вам еще подброшу.

Сел в машину и умчался на пункт боепитания, забрав с собой троих солдат.

Мы остались впятером.

— Слушай, Попов, ты пограмотней — командуй, — сказал Иткин, — а я к прицелу встану. Возьми вот мой бинокль.

Важно было сейчас пристрелять подступы к мосту, тот самый изгиб дороги, который мы недавно прошли. Местность была пустынной и, определив точку наводки, угломер и прицел, я дал команду:

— Одной миной — огонь!

Мина легла с небольшим перелетом. Но от этого разрыва уже можно было «танцевать». Не спешим, поглядывая на дорогу. Где-то там — остальные с лейтенантом Долгих. Не шарахнуть бы по ним. Мы тогда еще не знали, что отрезанный танками и пехотой Долгих вместе с людьми двинулся по другому маршруту. Вместо минометчиков я увидел выезжающий из-за поворота, как показалось, немецкий танк, но это был наш тягач с

подбитым «Валентайном» на буксире. Ремонтники завели его на мост, развернули поперек настила, повернули пушку в сторону противника, а сами подались на наш берег.

Сделано это было вовремя, потому что вскоре из-за поворота показался танк с крестами на броне. Десант еще не успел спешиться, когда мы обрушили на дорогу одну за другой пять мин.

— Ага, зашевелились! — завопил Иткин, видя, как немецкие десантники покатались с танка.

Выплеснуло огонь и вражеское танковое орудие. Вспыхнул, словно свечка, стоявший на мосту «Валентайн». Горючее полилось на деревянный настил, и весь мост охватило пламя. В это время ударило наше противотанковое орудие из развала. Теперь загорелся немецкий танк. Другая машина попыталась обойти подбитую, но и в нее пушкари врезали подкалиберный снаряд.

— Давай, Иткин, — не уставшему кричал я, — теперь наш черед.

На близком расстоянии мины ложились кучно. Вражеские автоматчики попятились за поворот дороги, рассредоточились и замаскировались. Чтобы лучше видеть, надо было подняться куда-то повыше. Хорошо бы на чердак коровника. Я распахнул дверь постройки. Из темноты навстречу бросились перепуганные выстрелами животные. Испугался их чуть ли не больше, чем немцев. Успел захлопнуть и запереть дверь снаружи. Последнее, что я увидел, это огненный фонтан, вдруг поднявшийся возле миномета. Когда пришел в себя, оказалось, что сижу на снегу. Глаза застилала красная пелена. Затем почувствовал, как кровь стекает по лицу на грудь. Неподдалеку — искореженный миномет, а вокруг него четыре человека в безжизненных позах. Подошел. Отброшенный взрывом Боря Иткин лежал навзничь, будто вглядываясь в небо. Землянисто-серое лицо, потухший взор, злое раны на груди и животе не оставляли никаких надежд. Прощай, друг! Мы запомним тебя живым, таким, как ты носился с гиканьем и свистом вприсядку по сцене. Не нуждались уже в помощи и остальные отдавшие, так уж получившие, свои жизни, оказывая помощь ненадежным союзникам.

*Полковник в отставке
В.И. ПОПОВ*

«...НО ТАКИХ, КАК В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ, НЕ БЫЛО ТАКИХ ТОВАРИЩЕЙ»

Размышления рядового пулеметчика о Великой Отечественной войне

Предлагаемые читателям воспоминания фронтовика П.В. Горностаева не ограничиваются деятельностью одного какого-либо соединения или одной операцией, в них отсутствует хронологическая последовательность. Незатейливые фронтовые ситуации, запечатленные рядовым участником войны, раскрывают сложные проблемы, связанные непосредственным восприятием всего того, что прошло, как говорится, огнем и мечом через солдатское сердце и душу с первого и до последнего дня смертельной схватки с жестоким врагом. Автор стремится рассказать о том, что сам пережил и что оставило в нем наиболее глубокий след в суровое военное время.

ОДНИМ из главных нравственных и психологических уроков, которые извлекли мы, бывшие фронтовики, из сурового испытания Великой Отечественной войной, явилась убежденность в неодолимости воинского товарищества. Впрочем, это могущественное и великое чувство воспел еще Н.В. Гоголь, вложив в уста одного из своих героев хвалу ратному единению. Вряд ли кто обошел вниманием такие проникновенные строки: «Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества!»¹

Правомерно, на мой взгляд, несколько расширить подобное утверждение и сказать более определенно: «Нет уз святее войскового товарищества». Ведь гоголевский герой, казацкий полковник Тарас Бульба, обращался с этой призывной вдохновляющей речью именно к воинству перед предстоящей жестокой схваткой с врагом — польскими угнетателями. Более того, получилось исторически так, что его мобилизующие слова адресовались и нам, потомкам ушедших в безвременье героев, вставшим на защи-

ту Отечества три века спустя от не менее коварных поработителей — немецких оккупантов.

Но начну я свои размышления о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., пожалуй, с того, как в нашем педучилище проводились в предвоенные годы различные мероприятия по практической и психологической оборонной тематике. В числе других — занятия по военной подготовке, выезды в летние военно-спортивные лагеря, соревнования по военно-прикладным видам спорта, изучение в соответствующих кружках пулемета и планерного дела, подготовка и сдача норм на оборонные значки. Душой и организатором этой работы был уважаемый всеми С.П. Волков, совмещавший дар и функции живописца, скульптора, краеведа, популяризатора научных знаний. Но главной заботой этого поистине мастера на все руки являлась военная подготовка учащихся, поскольку он был военруком. Скажу, что он, бывший командир Красной армии, в Гражданскую войну командовавший кавалерийским подразделением, отменно справлялся с непростой должностью и сумел привить нам любовь к оборонной работе,

воспитывая нас в духе войскового товарищества. Я, когда стал учителем семилетней школы, часто вспоминал своего наставника, пользуясь его опытом, проводил военные игры со школьниками, готовил их к сдаче норм на значки «Будь готов к труду и обороне», «Будь готов к санитарной обороне» и т.п. Спустя 50 лет мои выпускники 1941 года вспоминали с добрым чувством уже о моих уроках и трудах.

Службу в армии я, как и большинство моих ровесников, считал почетным долгом, священной обязанностью. Вместе с тем меня очень беспокоил мой физический недостаток — сломанная левая рука не полностью выпрямлялась в локтевом суставе, что могло явиться серьезной помехой для призыва в ряды Красной армии. На медкомиссиях я ухитрялся скрывать этот дефект, выставляя обе руки так, что они казались одинаковыми. К моей радости меня не забраковали. Правда, попал я служить в строительную часть. Там, в 499-м отдельном строительном батальоне, дислоцировавшемся под Вильнюсом, и застала меня война.

Отчетливо помню как рано утром 22 июня нас подняли по тревоге. Мне и еще одному моему сослуживцу приказали занять на окраине деревни наблюдательный пост. За кем и за чем наблюдать, толком не объяснили. Между тем в небе появились какие-то самолеты с узким фюзеляжем и начали что-то сбрасывать на приграничный аэродром, построенный незадолго до этого нашими руками. Продолжение учений? Имитация воздушного налета? Но нет, то была самая настоящая бомбежка, поскольку загорелись наши самолеты.

Когда мы с товарищем вернулись в свое расположение, то батальона на месте не оказалось.

В суматохе, под огнем с воздуха я и не заметил, как оказался один. В одиночку же устремился разыскивать родное подразделение. Брел долго, скрывался, голодал, изредка искал помощи у местных жителей. Помнится гостеприимный крестьянский литовский дом с молодыми хозяевами, потчевавшими меня свежеспеченным хлебом и парным молоком. «Когда вы пришли, мы радовались, — сетовали они. — А теперь что будет?» «Мы скоро вернемся», — успокаивал я их. Не знал тогда, что вернемся только через четыре года. Не знал, что через полвека опять уйдем...

Несколько дней спустя я догнал своих в Могилеве.

В О ВРЕМЯ одной из послевоенных встреч мы, бывшие однополчане, вспомнили о вручении нашей стрелковой дивизии гвардейского знамени. Происходило это 7 июня 1942 года, но до сих пор перехватывает дыхание, когда память возрождает волнующие минуты торжественной клятвы под священным боевым полотнищем. Да, знамя воодушевляло, придавало сил, очищало. Для ветеранов всегда пособому трогательны встречи с Красным знаменем. И было бы великим кощунством и предательством старшего поколения отказаться от воздания почестей этому воинскому символу. Точно так воспринимается и другое событие — вступление на фронте в ряды Коммунистической партии.

Кандидатом в члены ВКП(б) я был принят на передовой в разгар Сталинградской битвы, а членом партии стал в апреле 1943 года. Дивизионная газета в статье «Герои боев вступают в партию» писала: «...пулеметчик тов. Горностаев в одном из боев был ранен, но не покинул своего «максима», а продолжал косить врага до тех пор, пока ни одного гитлеровца не осталось в живых. В своем заявлении он пишет: «Буду беспощадно мстить немцу. Буду бить фашистов, пока нашу землю не очистим от гитлеровской чумы. Доверие партии оправдаю». Тов. Горно-

стаев на деле оправдал звание коммуниста»².

Да, было такое заявление, написанное далеко не совершенным стилем, но искренне, от души. Прием в партию мною воспринимался как поощрение за самоотверженное служение Родине и верность воинскому товариществу. Я осознавал, что у коммунистов на фронте одна привилегия — быть первым в бою. Как многие коммунисты, был агитатором. А чтобы агитировать, надо было не только писать боевые листки и разъяснять события на фронте и в тылу, но и увлекать бойцов в бой личным примером. Когда на Курской дуге меня избрали парторгом роты, я понял, что мне следует показывать пример не только беспартийным, но и остальным коммунистам.

В партию были приняты достойно проявившие себя в сталинградских боях И.И. Артемьев, Н.А. Никифоров, В.И. Зевакин, Д.Б. Давидсон, И.М. Твердохлебов, И.М. Братусь, И.М. Ульянов и другие мои боевые побратимы.

В музее-панораме, что в Волгограде, экспонируется пробитый пулей комсомольский билет моего друга П.Г. Баранова, который был тяжело ранен, но выжил и сейчас живет в Москве. Он потом был тоже принят в партию. В подольском архиве я нашел протокол партсобрания, в котором записано: «Постановили: принять тов. Кибеца Николая Емельяновича из кандидатов в члены ВКП(б), как отличившегося в боях против немецко-фашистских захватчиков»³. Это о моем командире и друге, который ныне живет в г. Пушкино Московской области.

Неодолимой силой в противоборстве с циничным и жестоким врагом, повторяюсь, была, конечно же, фронтовая дружба. Именно она помогла осознать сполна справедливость и непреходящее значение знакомого с детства голевского поучения о том, что «нет уз святее товарищества». Только на фронте я постиг другую премудрость казачьего полковника Тараса Бульбы: «Бывали и в других

землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей»⁴.

В боях мне посчастливилось породниться по душе, а не по крови со многими однополчанами. Взаимовыручка, единство целей и действий, общие опасности, совместные переживания успехов и неудач — все это рождало и цементировало фронтовое братство, бескорыстную дружбу. Обо всех друзьях-побратимах не расскажешь, но об одном из них, Иване Ильиче Артемьеве, призывавшемся из Бобровского района Воронежской области, напишу несколько подробнее.

Наша маршевая рота остановилась в одной из балок севернее Сталинграда. Из частей и подразделений пришли офицеры-«покупатели». Один из них спрашивает: «Кто хочет стать пулеметчиком, работать на "максиме"? Два шага вперед!» Передо мной всплыли кадры из кинофильма «Чапаев». Думаю, это то, что надо — предоставляется возможность «косить» врага. Делаю два шага вперед. Из строя вышел и стал рядом со мной коренастый, плотно сбитый, круглолицый парень. Мы молча посмотрели друг на друга. Но не догадывались, что именно в эти минуты между нами зарождалась большая фронтовая дружба.

Мы попали вместе в один пулеметный расчет. Многое привлекало меня в Иване: военная смекалка, житейская хватка, крестьянская хозяйственность, готовность помочь и поделиться всем, чем располагал, храбрость, находчивость, инициативность, прямота в высказываниях, открытая неприязнь к трусам и проходимцам, честность, твердая вера в нашу победу, явная симпатия к людям с ярко выраженной общественной направленностью. Под его грубоватыми внешними манерами обнаруживались тонкая, лирическая душа, мечтавшая о любви, семье, детях. В нем хорошо сочетались духовная чистота и воинская доблесть. В некоторых отношениях мы взаимобогащались и дополняли

друг друга: он — полученным из жизни, я — приобретенным из книг.

Полтора года, что на войне бывает редко, мы провели вместе. Мой друг был тяжело ранен разрывной пулей в живот, перенес семь тяжелых операций, кочуя по госпиталям, а в 1964 году его не стало.

Сейчас при встрече с однополчанами мне становятся родными и близкими даже те, кого на войне совсем не знал. Близкими потому, что, как выясняется, когда-то вместе шли в атаку, подвергались бомбежке или артналетам, форсировали реку или горный хребет, наконец, просто сражались под одним знаменем.

А СКОЛЬКО копий сломано, особенно теми, кто не нюхал фронтowego пороха, о сакраментальную фразу «ни шагу назад!», родившуюся в горниле Великой Отечественной. Кому-кому, а фронтовикам уж точно памятен приказ наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 года, основное содержание которого созвучно с этой фразой. Помню, как лежа на госпитальной койке, а было это в городе Горьком, я с волнением и тревогой слушал слова приказа: «Отступить дальше — значит, загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину... Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования»⁵.

Этим приказом И.В. Сталина предусматривались жесткие меры к нарушившим требование «ни шагу назад!»: расстреливать на месте трусов и паникеров, снимать с постов и предавать суду командиров и комиссаров всех степеней, создавать заградительные отряды в тылу неустойчивых войск, организовывать штрафные батальоны и штрафные роты.

Ныне по-разному истолковывают этот приказ. Мы же восприняли его тогда как должное. Он попадал в точку:

дальше отступать нельзя, пора навести порядок. Со штрафниками приходилось взаимодействовать, что же касается заградительных отрядов, то их ни разу не видел за всю войну, а установка «ни шагу назад!», точно выполнять приказы и задания крепко засела во всем моем существе. И больше не из-за страха перед наказанием, а по причине осознания этой суровой необходимости. Более того, я неоднократно убеждался, что следование этому девизу предоставляло больше шансов для сохранения жизни.

Так, в одну из ночей в январе 1943 года у Сталинградского тракторного завода противнику удалось сбить с занимаемых позиций наших соседей слева. Мы с И.И. Артемьевым были в окопчике у своего пулемета. Немцы, ведя огонь, продвигались к нам, а наш окоп не был оборудован для стрельбы вдоль своей траншеи. Иван Ильич быстро выволок пулемет на открытое место, присел, став одной ногой на колено, и длинными очередями стал поливать вдоль занятой врагом траншеи. Нас забрасывали гранатами, некоторые даже перелетали через окоп. Вот мы израсходовали последнюю пулеметную ленту. Иван вынимал из пулемета замок, а я выискивал, осматриваясь вокруг, какое-либо иное оружие. Видел несколько винтовок, своих, немецких, пару-другую гранат, автомат... Сокрушался, что не было винтовки со штыком... Говорю об этом все к тому, что мы без приказа не отходили, откровенно говоря, по совести, держались до последнего согласно собственной внутренней установке и по неписанному закону воинского товарищества. И фашисты дальше не прошли.

Однажды наш полк получил задачу оседлать железную дорогу у небольшого разъезда. Трудно дался нам сам переход к указанному месту по горно-лесистой местности. Артиллерию часто приходилось поднимать и спускать на канатах, что нельзя было сделать без слаженных усилий, без взаимной

поддержки и взаимовыручки. Как бы там ни было, но вскоре мы буквально нависли над противником. Немцы, заметив столь неожиданную угрозу, решили ликвидировать ее. Довольно значительными силами они стали продвигаться в нашу сторону вверх по склону горы. Тогда нас крепко выручил минометчик капитан В.П. Макаров. Стреляя лишь из одного миномета, он сумел класть мины в гущу врага, всего в 80—120 метрах от наших едва обозначенных окопчиков. У меня тогда пулемета не было, и я стрелял из автомата. Еще была граната Ф-1. С десяток раз я разгибал усики предохранительной чеки, чтобы вот-вот выдернуть ее и пустить гранату в дело. Но граната в том бою так и осталась у меня. Приказа отойти не было, а немцы уж очень сильно наседали. Оставались какие-то мгновения до того, чтобы взорвать себя и врагов. Если бы не выдержал, сорвался, то наверняка погубил бы себя и товарищей.

В середине апреля 1945 года наш полк вел наступательный бой в Чехословакии в районе населенного пункта Нове Замки. Нас поддерживало несколько танков Т-34. Поднялись по склону горы. Остановились. Солнечно, тепло. Противника не видно и не слышно. Беспечно расположились вдоль лесной опушки, не входя в глубь леса. Каждый занялся своим делом. Я прилег в кустах и сразу уснул. Внезапно проснулся от оглушительного взрыва и автоматных очередей. Увидел, как от броне стоящего рядом танка рассеивался дым. Немцы, подобравшись из леса, выстрелили по танку фаустпатроном (реактивным противотанковым снарядом). Ошеломленные танкисты, оставив танк, бросились бежать. За ними последовали наши стрелки. Мой пулеметчик тоже приготовился к отходу, поднялся и взял за хобот пулемета, но тут же был ранен. Я схватился за пулемет, поставил его на место и открыл огонь короткими очередями, и немцы отошли. И на этот раз чувство тревоги за дрогнувших на короткое

время боевых друзей помог-ло не поддаться общей панике самому, исправить неудачно сложившуюся для них боевую ситуацию.

Словом, и до приказа «Ни шагу назад!» стойкость была присуща преобладающему большинству моих сослуживцев. Да и воинскими уставами и военной присягой предусматривались наказания за недисциплинированность, нерадивость, невыполнение распоряжений старших. А чего стоят слова военной присяги «пусть постигнет меня суровая кара»! Они, эти самоприговорные, можно сказать, слова навсегда врезались в память и глубоко проникли в сознание. И отрицать, конечно, не приходится, что открытый элемент устрашения занимал немалое место в стимулировании боевой деятельности воинов, в обеспечении порядка и дисциплины. К тому же имели место случаи излишней суровости, несправедливости, переборов, ошибок. Но заведомой ложью является утверждение некоторых публикаторов, будто бы войну выиграли при помощи штрафных батальонов, заградотрядов, военных трибуналов. Да, на войне существовали и штрафники, и военные трибуналы, но случаи применения крайних мер не были массовыми. На войне царил закон войскового братства и товарищества, являясь, наряду с любовью к Отчизне и ненавистью к врагу, главным источником победы.

Быть под огнем противника — понятно. А если под огнем своего оружия, причем когда вынужденно вызываешь огонь своих на себя?

Особенно памятным в этом отношении оказался день 24 апреля 1945 года. Мы тогда вели бои на высоте 505 в лесу под чехословацким городом Брно. С утра огонь «катуш» накрыл противника и частично нас, выдвинувшихся вперед. А в середине дня, когда наступила короткая пауза, оказалось, что немцы со всех сторон. Прыгнув в ровик, покинутый нашими связистами, я пытался одиночными выстрелами из автома-

та удерживать их на расстоянии. Потом додумался крутануть ручку полевого телефонного аппарата. Трубку на другом конце провода поднял капитан В.П. Макаров, командир минометной роты, которого с той минуты тоже считаю своим побратимом. Между нами состоялся примерно такой диалог:

— Макаров, дай огонь на меня!

— А где ты?

— У меня нет карты. Не могу сориентироваться. Пустите пару мин.

— Наблюдай.

— Сто метров ближе... Левее... Правее...

Немцы отошли.

А ВОЗНИКАЕТ ли чувство страха на войне? Конечно. Наверное, каждый солдат испытывал его. Появляется оно не только тогда, когда возникает большая опасность для жизни. Страх зарождается в условиях беспомощности и неуверенности, невозможности активно действовать при неясности обстановки, а еще чаще, когда теряется ощущение товарищеского локтя, когда остаешься в одиночестве. Чувство страха быстрее преодолевается или реже возникает с приходом боевого опыта и в сплоченном кругу боевых товарищей.

В первые дни войны скребло где-то внутри от звуков далеких выстрелов и разрывов, оттого что у тебя не было в руках оружия, от появившегося в небе самолета, от вида пламени и дыма.

Когда наша маршевая рота продвигалась к Сталинграду и в ночном небе виделись разноцветные ракеты, и следы трассирующих пуль, зарево пожаров, когда аромат степной полыни заглушался запахом разлагающихся трупов, страх упорно лез в мою душу, хотя я уже понюхал пороху.

13 декабря 1942 года, тоже под Сталинградом, на нашу огневую позицию ринулась рано утром немецкая пехота под прикрытием танков. Я побежал к пулемету, а старший сержант Н.А. Никифоров, мой командир, кричит: «Горностаев, стреляй! Отсе-

кай пехоту от танков!» Я стрелял длинными прицельными очередями. Страх не испытывал. Тогда надо было работать. И я работал, как рабочий вытачивает деталь на станке, как портной строчит на машинке. Никакого страха. Атаку отбили. На поле остались десятки немецких трупов... И вдруг я почувствовал что-то теплое и хлопающее. Осмотрелся и увидел, что в моем маскировочном халате, в том месте, под которым положено быть сердцу, зияет большая дыра. Увидел и страшно испугался. «Значит я убит... Но почему же тогда я думаю? Наверное, живой!..». Обрадовался: жив, курилка. Да, живой, но ранен в плечо. Пополз в тыл, и опять нахлынул страх: ну-ка, раненого еще раз ранят или убьют.

Страх нередко возникал ночью в лесу при абсолютной тишине, и тогда, когда находишься в полном неведении, где противник, хочется, чтобы где-нибудь застрочили немцы. Чувство страха исчезало при успешных коллективных действиях. Особенно в наступательном бою, в атаке, в общем порыве, при мощных криках «ура». Трудно, например, подняться в атаку под прицельным огнем противника. Но, если уж дружно рванулись, то не удержаться.

В боях за Орловку, что на пути к Сталинградскому тракторному заводу, я включился в общий наступательный порыв. Бегу, не чуя ног. Вперед и вперед. Как будто несет меня какая-то посторонняя сила... Не успел оглянуться, как уже пробежал через Орловку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1984. Т. 2. С. 111.

² Сибирский стрелок. 1943. 27 января. С. 2.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 6. Оп. 639861. Д. 2. Л. 3.

⁴ Гоголь Н.В. Указ. соч. С. 111.

⁵ См.: Воен.-истор. журнал. 1988. № 8. С. 73, 74.

П.В. ГОРНОСТАЕВ

(Окончание следует)

«ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ, КАК ПРОСТОЙ ЭСКАДРОННЫЙ КОМАНДИР, ВРУБИЛСЯ В НЕПРИЯТЕЛЬСКИЙ СТРОЙ»

НЕВОЗМОЖНО представить себе императоров российских в штатской одежде. Во все времена, начиная с Петра Великого, русские монархи и великие князья еще в детстве надевали военный мундир, да так и оставались в нем до конца жизни, неся наряду с государственной и военную службу. У одних это получалось лучше, у других — хуже, но от воинских тягот никто из августейших воинов не уклонялся.

Поистине боевой можно назвать и биографию старшего сына императора Павла I и императрицы Марии Федоровны — Александра I (12(23) декабря 1777 года, Санкт-Петербург, — 19 ноября (1 декабря) 1825 года, Таганрог). Не давая политических оценок его действиям как главы государства, попробуем хотя бы кратко рассказать о военной службе Александра. В 19 лет Александр был объявлен наследником престола и тогда же получил звание полковника лейб-гвардии Семеновского полка. Конечно, золотые эполеты украсили плечи юноши по традиции, так же, например, как и получение еще при крещении орденов Святого апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Святой Анны 1-й степени, но нельзя сказать, что путь к ним был совсем уж прост.

Первым наставником Александра в военных вопросах стал генерал-адъютант Екатерины II, вице-президент Военной коллегии генерал-аншеф князь Н.И. Салтыков, впоследствии генерал-фельдмаршал, назначенный в 1785 году воспитателем к великим князьям — внукам императ-

Российские императоры на военной службе. Александр I

Александр I

1829–1830 гг.

С портрета К.А. ШЕВЕЛКИНА

рицы¹. Бабушка была довольно строга: она требовала, чтобы Александр и Константин — второй сын Павла I — изучили «...военную, сухопутную и морскую службу от первоначальных оснований до высшей части их»². В том же 1785 году начались строевые занятия с великими князьями, для чего из детей солдат лейб-гвардии Семеновского полка был сформирован небольшой егерский отряд³. Вот что писал впоследствии об этом князь И.М. Долгоруков, бывший в то время поручиком в том полку: «Выбрали из солдатских детей человек шестнадцать ребят поострее, старее из них не было мальчика один-

надцати лет, росту самого уменьшительного, в том же числе был и барабанщик, и флейтщик; всех их одели в егерскую форму. Я их выучил с помощью хорошего сержанта сколько умел, они хаживали ко мне на караул, стаивали на часах ночью, и, словом, я их приготовил ко всей тягости военного состояния. По некоторому времени представил я их майору, который похвалил эту кучку, далее казал их Салтыкову, а с его уже дозволения имел счастье их представить великим князьям в их покоях Зимнего дворца, куда потом очень часто требовали их по вечерам, и водил их мой фельдфебель»⁴.

Более серьезно изучать военную науку Александру пришлось в Гатчинских войсках отца, которые к 1796 году, к моменту вступления Павла I на престол, насчитывали 2500 человек — пехоты, артиллерии, кавалерии. Имелась даже своя озёрная флотилия. В 1796 году Александр был назначен шефом 2-го батальона Гатчинских войск⁵.

С восшествием Павла на престол круг военных обязанностей Александра значительно расширился: он становится шефом лейб-гвардии Семеновского полка, первым генерал-губернатором Петербурга, инспектором кавалерии и пехоты Петербургской и Лифляндской дивизий⁶. Шеф полка в соответствии с уставом 1796 года «...считался старшим в полку начальником, действительно ответственным за полк и за всякого рода упущения в нем, как по строевой службе, так и по военному хозяйству»⁷. Главная задача Александра в должности генерал-губерна-

**Великие князья
Александр и Константин**

С портрета Р. БРОМПТОНА

тора столицы, по сути, состояла в ежеутренних (в семь часов утра) и ежевечерних (в восемь часов вечера) докладах отцу о состоянии дел в столице⁸. Инспектор согласно уставу должен был проверять полки своей дивизии (проводить инспекции) не менее четырех раз в год, наблюдая за строевой выучкой, обмундированием, комплектом полков, наличием отпусковых, больных и пр. Ежемесячные рапорты из полков на высочайшее имя шли также через инспекторов⁹. В январе 1798 года наследник был назначен председателем Военной коллегии.

В 1799 году, после вступления России во 2-ю антифранцузскую коалицию, помимо войск, отправленных на борьбу с Наполеоном, в боевую готовность были приведены войска, расположенные вдоль западной границы Российской Империи, из которых сформировали четыре армии, в том числе две (3-я и 4-я) резервные. Командовать 4-й армией отец доверил Александру¹⁰. Правда, выступить в поход его армии не пришлось.

Особенно тесные отношения установились у Александра с лейб-гвардии Семеновским полком¹¹. Благодаря

его стараниям здесь раньше, чем в других гвардейских полках, началось строительство казарм¹², полкового госпиталя. Возведенное в 1797—1799 гг. по проекту Ф.И. Демерцова здание госпиталя признано лучшим творением этого архитектора¹³. Продолжал покровительствовать семеновцам их августейший шеф и после восшествия на престол¹⁴ в марте 1801 года.

Став императором, Александр I деятельно принялся за военную реформу, оказавшуюся особенно своевременной ввиду последовавших войн с Наполеоном Бонапартом. В ходе этой реформы в 1802 году было создано Военное министерство, в 1806-м сформированы дивизии постоянного состава, а в 1810-м — корпуса, армия выросла численно, был разработан также ряд важнейших документов по управлению войсками, незадолго до войны началась подготовка новых уставов. В 1805 году началось перевооружение артиллерии, затем последовал ряд мероприятий по ее организационному улучшению. На вооружение пехоты и кавалерии стали поступать новые образцы стрелкового оружия. Изменения коснулись и инженерных войск: в

1812 году была сформирована первая гвардейская инженерная часть — лейб-гвардии Саперный батальон. А в целом заметно выросло число гвардейских полков¹⁵. «Организация русской армии той поры стала превосходить наполеоновскую с ее огромными многодивизионными корпусами и громоздкими дивизиями...», — пишет А.Н. Сахаров¹⁶. Забегая вперед, напомним, что для строевого и боевого управления войсками был создан Главный штаб, начальник которого получил право личного доклада царю по всем военным вопросам.

Необходимо отметить, что, реформируя армию, Александр не стеснялся заимствовать все лучшее из западноевропейского опыта, что и сказалось на результатах русско-французского противостояния¹⁷.

Коснулись изменения и наградной системы. В 1806 году для коллективного награждения были введены Георгиевские знамена, штандарты и серебряные трубы, а в 1807-м — Знак отличия военного ордена (впоследствии — Георгиевский крест) для награждения за боевые подвиги нижних чинов¹⁸.

**Аллегорическое изображение
славы Александра I**

Памятная медаль
на воцарение императора
Александра I

Александр I

Наполеон Бонапарт

ВОЕННОЕ счастье было весьма переменчиво по отношению к Александру. Боевым крещением стал для него разгром под Аустерлицем в 1805 году, где Александр фактически взял на себя функции главнокомандующего. С началом Отечественной войны 1812 года Александр также находился в действующей армии, но, надо отдать ему должное, сумев адекватно оценить обстановку, покинул войска, затем назначил главнокомандующим М.И. Кутузова. Император тяжело переживал неудачи первых месяцев войны¹⁹, тем не менее, по словам военного историка Н.П. Михневича, «несмотря на тяжкие условия, в которых велась война, несмотря даже на потерю Москвы», не принял соблазнительные предложения о заключении мира и твердо стоял «на решении не заключать его, пока хоть один неприятельский солдат будет в пределах России»²⁰.

Александр I до конца своих дней не любил вспоминать об Отечественной войне 1812 года, между тем весьма трепетно относясь ко всему, что касалось Заграничных походов 1813 и 1814 гг., которые стали апофеозом его военной «карьеры»²¹. Он находился во главе русской армии, сумел проявить себя как военачальник, выказав при этом большую личную храбрость и мужество. Так, в сражении при Бауцене 8—9 (20—21) мая 1813 года

его своевременное распоряжение о выделении для прикрытия отступавших русско-прусских войск кавалерии с артиллерией и приказ держаться до последней возможности спасли от разгрома русско-прусские войска. В результате Наполеон, понеся значительные потери, не достиг успеха, что ухудшило политическое и стратегическое положение Франции. Умело руководил боем Александр и при Кульме 17—18 (29—30) августа того же года, причем через голову главнокомандующего русско-прусско-австрийской армией австрийского фельдмаршала Шварценберга²². «Кульмская победа сияет славой на знаменах нашей гвардии — это была любимая победа императора Александра Павловича», — писал А.А. Керсновский²³.

Чрезвычайно велика степень личного участия Александра I в сражении под Лейпцигом 4—7 (16—19) октября 1813 года. Грамотные действия Александра 4 октября спасли русские войска от окружения между реками Плейса и Эльстер, а своевременный ввод им в бой у Вахау 112-орудийной батареи под командованием русского генерала Н.О. Сухозанета не оставил противнику никаких надежд²⁴. Как справедливо отмечает Т.А. Капустина, «первый этап лейпцигского боя был самым блестящим результатом, достигнутым лично Александром I за

всю его военную карьеру, что высоко подняло престиж русского царя, который фактически стал играть роль главнокомандующего союзными армиями»²⁵. Отметим при этом, что в решающий день сражения, 6 октября Александр все время находился в колоннах войск, под неприятельским огнем, и прусский генерал-фельдмаршал Г.-Л. Блюхер посылал рапорты русскому императору, а не своему королю²⁶.

В кампанию 1814 года император действовал так же смело и уверенно. Его слово стало решающим на военном совете в Сомпюи 12 марта, на котором было намечено идти на Париж²⁷. Это решение, по словам А.А. Керсновского, «в шесть дней закончило грозившую затянуться войну»²⁸. На следующий день, в сражении у Фер-Шампенуаза «император Всероссийский, как простой эскадронный командир, врубился в неприятельский строй»²⁹. А 20 марта русские войска во главе со своим государем вступили в поверженный Париж³⁰.

Храбрый в бою, Александр отличался рыцарским великодушием по отношению к побежденным. «Ребята!.. Вы снова себя показали храбрыми воинами; будьте же великодушны к побежденным и к несчастным жителям города. Вас просит о том ваш Государь, и если вы мне преданы, в чем я уверен, то вы исполните неизменно мои приказания», —

обращался он к русским солдатам после взятия Лейпцига³¹. Под Фер-Шампенуазом он ворвался в самую гущу боя, чтобы предотвратить полное уничтожение остатков французских дивизий³². И именно Александр I добился сохранения за Наполеоном после первого отречения титула императора и передачи ему во владение о. Эльба³³.

«Конечно, Александр не был великим полководцем, да и по свойствам своего характера не мог быть им, — пишет Т.А. Капустина. — Лично участвуя в сражениях, деля со своими войсками все тяготы и лишения походов — он ненавидел войну и ставил целью своей политики восстановление мира в Европе... Личное присутствие Александра I в армии и его деятельность как главы русского государства явились необходимым условием свержения Наполеона и победы 6-й коалиции»³⁴.

Справедливости ради надо сказать, что участие Александра I в боевых действиях в России было отмечено довольно скромно: он получил лишь медаль «В память войны 1813—1814 гг.». Зато благодарные иностранцы на награды не поспешили. Российский император получил ордена: французский Почетного легиона (26.08.1807 г. от Наполеона, а в 1815 г. от Людовика XVIII), баварский Св. Губерта (1813), британский Подвязки (1813), прусский Железный крест 1-го класса (1813), датский Слона (1814), неаполитанский Св. Януария (1814), нидерландский Воссоединения (1814), французский Кармелитской Богоматери и Св. Лазаря (1814), неаполитанские Константиновский Св. Георгия (1815) и Св. Фердинанда и Заслуг (1815), нидерландский Вильгельма (1815), польские Белого орла, Св. Станислава 1-й степени, «Virtuti militari» 2-го класса (все — 1815), прусский Черного орла (1815), сардинский Аннунциады (1815), французский Св. Духа (28.06.1815), шведский Меча 1-й степени (1815). Были и медали, в дополнение к отечественной:

австрийский крест «В память войны 1813—1814 гг.», прусский Кульмский офицерский крест (декабрь 1813).

После поражения наполеоновской Франции внешняя и внутренняя политика Александра I претерпела значительные изменения, причем не в лучшую сторону. В России усилился крепостнический гнет, еще более суровыми стали порядки в армии, далеко не все солдаты выдерживали тяготы 25-летней службы. В эти годы особенно проявились увлечение Александра мелочами службы, его любовь к строевой муштре и парадам, что отрицательно сказалось на боеспособности войск³⁵. Но, увы, страсть к муштре была свойственна не ему одному. Однако нельзя забывать главного: именно с Александром связано сокрушение Наполеона, покорившего всю Европу. Как здесь не вспомнить пушкинское:

*Простим ему неправоное гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей»*³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бантыш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. Ч. II. СПб., 1840. С. 200—203; Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 31.

² Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 41.

³ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. I. СПб., 2004. С. 96.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Сведения о Гатчинских войсках. СПб., 1835. С. 85.

⁶ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. I. СПб., 1995. С. 19.

⁷ Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796—1815): Справочное пособие. М., 1997. С. 3.

⁸ Длуголенский Я.Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга: 1703—1917. СПб., 2001. С. 63, 64.

⁹ Его императорского величества воинский устав о полевой пехотной службе. СПб., 1797. С. 44, 45.

¹⁰ Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I. Т. I. СПб., 1857. С. 90—92.

¹¹ Лапин В.В. Семеновская исто-

рия: 16—18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 51—53.

¹² Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. II. СПб., 1883. С. 42—44.

¹³ Там же. С. 36, 37; Будко А.А., Иванькович Ф.А., Шабунин А.В. Госпиталь лейб-гвардии Семеновского полка // Бомбардир. 2001. № 14. С. 66, 67.

¹⁴ Лапин В.В. Указ. соч. С. 53.

¹⁵ Керсновский А.А. История русской армии. Т. I: От Нарвы до Парижа. М., 1992. С. 197—204.

¹⁶ Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 190.

¹⁷ Кухарук А. На французский манер: Реформы в русской армии накануне 1812 года // Родина. 2002. № 8. С. 34, 35.

¹⁸ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 205.

¹⁹ Там же. С. 204, 208—268; Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 216, 217; Дженкинс М. Аракчеев: Реформатор-реакционер. М., 2004. С. 144, 145. Между прочим, в 1805 г. Кавалерская дума ордена Св. Георгия поднесла Александру I знаки ордена 1-й степени, но император от них отказался.

²⁰ Михневич Н.П. Отечественная война 1812 г. // История русской армии 1812—1864 гг. СПб., 2003. С. 68.

²¹ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии: 1814—1881 гг. М., 1993. С. 11, 12.

²² Капустина Т. А. Александр I и Заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. // Эпоха Наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Материалы научной конференции: Москва, 24 апреля 1998 г. М., 1999. С. 29, 30.

²³ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 274.

²⁴ Капустина Т.А. Указ. соч. С. 31.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 32.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 286.

²⁹ Там же. С. 293.

³⁰ Там же. С. 284.

³¹ Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам. Т. 2. СПб., 1863. С. 538.

³² Капустина Т.А. Указ. соч. С. 34.

³³ Там же. С. 23.

³⁴ Там же. С. 35.

³⁵ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. I. С. 23.

³⁶ Пушкин А.С. 19 октября (Роняет лес багряный свой убор) // А.С. Пушкин. Избр. произведения / Сост. Н.А. Чечулина. Л., 1973. С. 129. Произведение впервые напечатано в «Северных цветах» за 1827 г. Строфа 17, где Пушкин предлагает выпить за царя «вторую чашу» и простить ему «неправоное гоненье» в этой публикации не была напечатана по цензурным соображениям.

Е.И. ЮРКЕВИЧ

НЕЗАБЫТЫЕ РУБЕЖИ

К 65-летию Битвы под Москвой

Рубежи Московской битвы, ставшей началом поворота в ходе Великой Отечественной войны, проходили не только в ближайшем Подмосковье, так сказать, у стен столицы, но и по землям сопредельных областей. Ожесточенные бои шли на Смоленщине, под Вязьмой, где в октябре 1941 года попали в окружение, но продолжали сражаться войска 19-й и 20-й армий Западного, 24-й и 32-й армий Резервного фронтов, а также соединения 16-й армии. В этих боях, защищая дальние подступы к Москве, погибли тысячи бойцов и командиров Красной армии и народных ополченцев, многие из них и до сих пор числятся в списках без вести пропавших. Нельзя сказать, что с таким положением дел все свыклись. Нет, работа по поиску, установлению и перезахоронению защитников Москвы ведется уже многие годы, и одним из первых с помощью Государственного музея обороны Москвы в нее включился поисковый отряд Научно-исследовательского центра электронной вычислительной техники «Поиск».

ОТРЯД работал более 10 лет на территории Московской, Калужской, Новгородской, Ленинградской и Смоленской областей. За это время были установлены имена десятков воинов, считавшихся много лет пропавшими без вести, открыты памятники и обелиски павшим героям, собраны и переданы в Государственный музей обороны Москвы бесценные реликвии, документы и материалы по истории Битвы под Москвой.

А началось все с небольшого: с помощью газеты «Красная звезда» и лично редактора отдела очерка и публицистики полковника А.П. Хорева нам удалось связаться с вяземским историком-энтузиастом Николаем Николаевичем Слесаревым, немало сделавшим по поиску следов 120-го гаубично-артиллерийского полка резерва Главного командова-

ния (120 гап РГК), история которого оборвалась в октябре 1941 года под Вязьмой. Мы с Сергеем Гореловым решили съездить в Вязьму, чтобы выяснить все на месте.

Вообще интерес к Вязьме у нас с Сергеем был не случайным. Так сложилось, что под Вязьмой летом—осенью 1941 года оказался мой дед, Степанов Александр Сергеевич, призванный Ржевским военкоматом, но комиссованный по состоянию здоровья и оставленный на работах по сооружению Ржевско-Вяземской линии обороны. Он попал в плен, бежал, более двух месяцев не без приключений добирался на родину. Мой отец — Степанов Василий Александрович, правда, в самом конце войны, тоже побывал в Вязьме в составе железнодорожных войск — их отдельный мостостроительный батальон восстанавливал — взамен военного — капитальный железнодорожный мост через реку, имя которой и носит город.

Отец Сергея, Горелов Николай Ефимович, родился на Смоленщине, в д. Печеничино Ярцевского района и в 1941 году тоже воевал под Москвой. Был неоднократно ранен, награжден. Он немало помог нам в поисковых делах, готовил для нас металлические шупы, которые мы потом успешно использовали в работе.

Николая Николаевича Слесарева мы разыскали довольно быстро. Он оказался улыбчивым и жизнерадостным парнем нашего же возраста, интересным собеседником, с которым мы вскоре перешли на «ты». Допоздна разговаривали с Николаем в ту первую встречу. Он рассказал, как впервые, еще в детстве нашел в лесу останки советского солдата.

«Было это в районе деревни Лукьяново. Собирали грибы и вдруг заметил торчащий из земли сапог. Начал разгребать землю и почти у самой поверхности нашел останки человека. Не скрою, на меня, мальчишку, это произвело сильное впечатление. При солдате были карманные часы, несколько монет и малая саперная лопатка. Из рассказов фронтовиков я знал, что у воина должен быть медальон — черный карболитовый пенальчик с именем и адресом. Я долго просеивал землю, пока не нашел его. На плохо сохранившейся бумажке — адресной ленте с трудом прочитал имя: Леонтий Гаврилович Дзюба. Адрес читался лишь предположительно, да и то не весь. Двенадцать лет ушло у меня на поиск родных солдата. И все-таки я их нашел! Родные Дзюбы приехали в Вязьму, побывали на месте гибели Леонтия Гавриловича, возложили венок на братскую могилу, где ныне покоится его

прах. Его сын взял у меня отцовскую саперную лопатку, сказав, что отникилирует ее и будет вечно хранить как память об отце, честно отдавшем свою жизнь за Родину. А я продолжал искать и погибших, и их родственников. Всего удалось найти останки 125 воинов и установить имена 19 из них. В это число входили и артиллеристы из 120 гап».

Николай передал нам список установленных им солдат и офицеров, захороненных на Екатерининском кладбище в г. Вязьме. Вот они:

политрук Антонов Иван Андреевич, красноармеец Бедин Алексей Ефимович, лейтенант Котов Николай Александрович, красноармеец Майзель Яков Борисович, майор Машковцев Феоктист Семенович, красноармеец Молчанов Иван Прокофьевич,

политрук Новиков Андрей Андреевич, красноармеец Прилепский Николай Тимофеевич,

красноармеец Рыбкин Калистрат Петрович,

младший сержант Таран Николай Максимович,

красноармеец Чернышев Михаил Иванович,

красноармеец Форкун Александр Петрович.

На сегодняшний день некоторые родственники погибших найдены, а кого-то еще предстоит найти. Может быть, кто-то, прочитав эту статью, найдет в ней фамилию своего отца или деда.

Что касается 120 гап РГК, то в ходе работы по его поиску нам довелось встретиться с полковником в отставке Львом Николаевичем Лопуховским, сыном Николая Ильича Лопуховского, командира этого полка. Лев Николаевич писал историю боевого пути этой части, собрал большой архив, в котором были и воспоминания оставшихся в живых ветеранов полка. Вот что он нам рассказал: «В результате многолетнего поиска мне удалось воссоздать историю и боевой путь отцовского полка, установить судьбу тех его солдат и офицеров, которые долгое время числились пропавшими без вести. В августе 1941 года полк активно участвовал в Смоленском сражении, а в сентябре был включен в состав 19-й армии генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина и действовал в полосе обороны 50-й стрелковой дивизии северо-западнее Ярцево, в том числе в районе д. Печеничино. Фронт стабилизировался, была передышка. А рано утром 2 октября начался "Тайфун"».

В НАСТУПЛЕНИЕ перешли главные силы немецкой группы «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок). В полосе 19-й армии 4 октября противник

А.С. Степанов,
дед
В.В. Степанова

Военные железнодорожники.
Слева — отец автора статьи — **В.А. Степанов**
1945 г.

был остановлен. Однако другие его ударные группировки продолжали развивать наступление в направлении Вязьмы, охватывая войска 19, 16, 20, 24 и 32-й армий. Вероятность их окружения возрастала с каждым часом.

7 октября 1941 года 120 гап вместе с другими соединениями Западного фронта попал в окружение западнее Вязьмы. Действовавшие в окружении соединения 19-й и 32-й армий, а также группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина, прикрываясь арьергардами, отходили в район 25—35 км северо-западнее Вязьмы, 16-й и 20-й армий Западного фронта — в район 5—18 км южнее Вязьмы, а соединения 24-й армии Резервного фронта были отрезаны противником от главных сил окруженных войск. Попытки прорваться 11 и 12 октября у с. Богородицкое северо-западнее Вязьмы закончились неудачей. Боеприпасы и горючее были израсходованы. В соответствии с решением военного совета 19-й армии вооружение и техника были приведены в негодность, а документы уничтожены. Подразделения полка пешим порядком пошли в обход Вязьмы с юго-запада. На рубеже железной дороги у д. Богданов-

Н.Е. Горелов
1941 г.

На месте бывших боев. Слева — Н.Н. Слесарев

ка и станции Гредякино они были встречены организованным огнем противника. 13 октября артиллеристы, вооруженные одними винтовками и пистолетами, атаковали занятую немцами Богдановку, но были остановлены плотным пулеметным и минометным огнем. Осколком мины был смертельно ранен полковник Н.И. Лопуховский. Комиссару полка Г.А. Русакову перебило ноги. Дважды раненный начштаба майор Ф.С. Машковцев застрелился, чтобы не попасть в плен. Тогда командир передал по цепи свой последний приказ: рассредоточиться на мелкие группы и с наступлением темноты уходить на восток.

По свидетельству местных жителей, тогда погибли до 50 человек. Одно из захоронений погибших в этом бою и нашел Николай Слесарев.

М.С. Жарков
Довоенный снимок

«Я, — продолжал Лев Николаевич, — неоднократно выезжал под Вязьму, бывал и в Гредякино, и в Богдановке. Как-то оставил свой адрес в Гредякинской школе. По нему и связался со мной Николай Слесарев. Мы с ним стали заниматься изучением останков. Тогда были обнаружены останки писаря штаба 120 гап младшего сержанта Н.Г. Проселкова, на груди которого

нашли сложенную в несколько слоев полуистлевшую ткань красного цвета. Очень похоже, что это было знамя полка. К сожалению, остатки ткани для экспертизы мы не сумели сохранить. В том же захоронении были найдены медальоны рядового А.П. Рубцова и военфельдшера Ф.М. Ступака. Были также останки (без медальона) военнослужащего с двумя шпалами в петлице с перебитой ногой и наложенными на нее самодельными шинами — обломками дерева, обвязанными телефонным кабелем. Останки и найденные предметы снаряжения были тщательно изучены, собраны показания местных жителей, участвовавших в погребении этих воинов, сопоставлены с воспоминаниями ветеранов полка. Все говорило о том, что военнослужащий с двумя шпалами — военком полка батальонный комиссар Г.А. Русаков. Окончательную точку в опознании останков Ф.С. Машковцева поставили криминалисты, идентифицировавшие череп и его фотографию. В справке об исследованиях останков № 1721 от 26 июня 1981 года, выданной мне Центральной криминалистической лабораторией МВД СССР и подписанной старшим экспертом О.П. Коровянским, указано, что "положительный результат совмещения черепа с фотоснимком головы гр. Ф.С. Машковцева позволяет сделать вывод о том, что исследуемый череп погибшего, вероятнее всего, принадлежал Ф.С. Машковцеву"».

Так при изучении захоронения у д. Богдановка слились воедино, подтверждая и дополняя друг друга, два поиска, начатые и продолжавшиеся много лет самостоятельно. Отряду «Поиск» повезло с самого начала работы. И Лопуховский, и Слесарев стали нашими наставниками, консультантами, хорошими друзьями и соратниками по поиску, который наш отряд начал непосредственно в лесах и оврагах у ст. Гредякино и д. Богдановка. Перед этим мы как-то разговорились с Львом Николаевичем о генерал-лейтенанте М.Ф. Лукине.

ВЕЛИКУЮ Отечественную войну Михаил Федорович вступил, будучи командующим 16-й армией. С августа 1941 года он командовал 20-й, а с сентября — 19-й армией. В октябре 1941 года Лукин возглавил командование окруженной группировкой войск 19 А, 20 А, 24 А и 32 А в районе Вязьмы, которые активными действиями сковали 28 немецко-фашистских дивизий, 14 из них не могли высвободиться для дальнейшего наступления на Москву до середины октября, что, естественно, содействовало дальнейшему успеху советских войск в Битве под Москвой. Однако 14 октября М.Ф. Лукин в районе станции Семлёво был тяжело ранен и попал в плен; мужественно и достойно он вел себя в тяжелых условиях фашистских концлагерей. В мае 1945 года Лукин был освобожден из плена. В 1946 году он уволился в отставку по состоянию здоровья. Умер М.Ф. Лукин 25 мая 1970 года, а 1 октября 1993 года ему по-

Памятник на станции Гредякино

смертно было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Учитывая, что рубеж, где дрались находившиеся с М.Ф. Лукиным бойцы, проходил в районе станции Семлево, а Семлево соседствует со станцией Гредякино, мы в то лето особенно тщательно обследовали прилегающий к железнодорожному полотну лес, кое-где заболоченный. И не зря. В одном месте нашли мумифицированный труп подполковника, останки лошади и чуть поодаль останки солдата, при котором оказался медальон. А кругом — остатки обвалившихся окопов, землянок, щелей. Подполковник был в общевойсковой шинели, на воротнике кителя сохранились три шпалы. Шинель «прошита» автоматными очередями, ноги перебиты в нескольких местах. Можно предположить, что фашисты стреляли в него, когда он лежал уже на земле, добивали. Чуть в стороне были обнаружены останки еще 11 человек, а затем еще 9. С нами тогда работал и Николай Слесарев, он же взялся расшифровать медальон одного из погибших. Мы возвратились в Москву и вскоре получили от Николая письмо. «...Медальон прочитал. Вот его содержание: ...Степанович, в/з красноармеец, г. рожд. 1904, уроженец РСФСР, Горьковская область, Вачский район, Белавинский с/с, дер. Белавино. Адрес семьи: Жаркова Мар. Фе... РСФСР, Горьковская обл... Запрашивать надо: Жарков... Степанович, красноармеец, 1904 г/р. и т.д. Запрашивайте Горьковский областной военкомат, т.к. Вача (судя по карте) сейчас не районный центр и своего РВК не имеет. По возрасту у Жаркова могло быть много детей. Про батьку они должны все помнить, и № части тоже, уже взрослые. Привет, Николай».

Следуя советам Н. Слесарева, мы нашли родственников Михаила Степановича Жар-

кова. К нам приезжала его дочь. Она рассказала, что до войны семья жила в Москве. Срочную службу Михаил Степанович проходил в охране Кремля, после работал на обувной фабрике. Семья в начале войны была эвакуирована в Горьковскую область. В действующую армию отца призвали в сентябре, пропал без вести в октябре 1941 года.

Итогом нашей работы стал памятник погибшим на станции Гредякино, через которую и хотели прорваться с боем 13 октября 1941 года остатки 120 гап полковника Н.И. Лопуховского. На нем указаны имена командира полка полковника Н.И. Лопуховского, начальника штаба майора Ф.С. Машковцева, комиссара Г.А. Русакова, капитана С.Д. Матыченко, лейтенанта М.А. Котова, сержанта Н.Г. Проселкова, военфельдшера Ф.М. Ступака, рядовых И.П. Молчанова и А.П. Рубцова.

Каждый год у этого памятника 9 мая Гредякинской сельской администрацией проводятся митинги в честь Дня Победы, в которых участвуют ветераны, жители окрестных деревень и школьники. В школе д. Гредякино и в клубе д. Лукьяново бережно хранятся документы и фотографии живых и погибших солдат и офицеров 120 гап.

Отряд «Поиск» НИЦЭВТ работал на вяземской земле несколько лет. За это время удалось установить имена 22 погибших воинов. Много это или мало? Думается, что количественные оценки здесь не подходят. Даже если в результате поиска будет установлено имя лишь одного солдата или офицера, это значит, что о нем не забыли, его помнят и помнить будут всегда.

Капитан запаса В.В. СТЕПАНОВ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ •

К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемые читатели!

Сведения о победителе конкурса и ответы на викторину «К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского» (Воен.-истор. журнал 2006. № 12) будут опубликованы в № 5 (май) 2007 года.

Ответы на вопросы викторины «К 150-летию окончания Крымской войны» (Воен.-истор. журнал 2006. № 11): 1. «Восточный вопрос»; 2. Вступление русских войск в Молдавию и Валахию, боевые действия на Балканах, победы на Кавказе, уничтожение турецкого флота при Синопе; 3. а) Одесса; б) Соловецкий; в) Генчешек, Таганрог, Мариуполь, Ейск; г) Ништадт; д) Свеаборг и Петропавловск; 4. Барон, генерал-лейтенант Врангель; 5. Впервые в военной истории в состав пятидесяти английских и сорока французских судов были включены бронированные корабли — три плавучие батареи, покрытые железной броней толщиной 111 мм на 203-мм деревянной подкладке. При бомбардировке крепости Кинбурн выяснилось, что бронированные корабли неуязвимы для всех существовавших тогда береговых и корабельных орудий. Только через шесть лет, в годы Гражданской войны между Северными и Южными штатами, поединок броненосцев «Монитор» и «Меримах» заставил всех европейских и русских адмиралов в том числе осознать суть произошедшей революции в военно-морском деле; 6. Князь, генерал-адмирал А.С. Меншиков; 7. Русский военный деятель, генерал-адъютант М.Д. Горчаков; 8. Дульнозарядные нарезные ружья; 9. 6 сентября 1854 года в Евпатории; 10. Русские части шли в Крым пешком по плохим дорогам; 11. Английская эскадра базировалась в Балаклавской бухте, французская — в Камышовой бухте, в нескольких километрах от Севастополя; 12. Ударная сила русского флота — это парусные корабли и фрегаты. Они не могли успешно сражаться с паровым флотом союзников. В результате Черноморский флот был заперт в Севастополе, а Балтийский — в Кронштадте; 13. 5 октября 1854 года. 14. Николаевская батарея; 15. Англичане вне зоны досягаемости артиллерийского огня выстраивались в батальонные колонны, затем разворачивались для атаки в две линии. Этот неглубокий боевой порядок был уязвим и позволял русским частям контратакой отбрасывать англичан. Французы свои батальонные колонны прикрывали цепью стрелков, но полностью использовать это преимущество при атаке не могли; 16. Генерал Пелиссье Эммануэль Жан-Жак; 17. Малахов курган; 18. Контр-адмиралу П.М. Юхарину; 19. Вице-адмирал, начальник штаба Черноморского флота В.А. Корнилов; 20. Контр-адмирал В.И. Истомин; 21. Выдающийся военный инженер, генерал-адъютант Э.И. Тотлебен; 22. «Севастополь в декабре месяце»; 23. Политический аспект: а) главным виновником позорного поражения России в Крымской войне стала бюрократическая система управления при императоре Николае I, выражавшая интересы высшей знати. Для нее Россия была не родиной, а местом ловли «счастья и чина»; одним из виновников дипломатической изоляции России во время войны был министр иностранных дел России К.В. Несельероде; б) бюрократическая николаевская система проиграла Англии и Франции политико-пропагандистскую и психологическую войну; в) важнейшим политическим плюсом для России был дружественный нейтралитет Пруссии, тогда как почти вся Европа ополчилась на Россию. Пруссия фактически свела к нулю предпринятую Англией и Францией блокаду России. Военно-технический аспект: а) эффективная деятельность стрельбы нарезных ружей пехоты союзников не только намного превышала этот показатель гладкоствольных штатных ружей русской пехоты, но и была больше дальности стрельбы картечи русских полевых пушек; б) применение союзниками бронированных судов, которые были неуязвимы для всех существовавших тогда береговых и корабельных орудий; в) союзному паровому флоту противостоял устаревший парусный флот России; г) из-за отсутствия железных дорог на юге страны в русской армии не хватало пороха и продовольствия; 24. В феврале 1856 года в Париже состоялся конгресс в составе представителей Англии, Франции, России, Австрии, Турции, Сардинии, Пруссии. 25. Главные положения договора: а) восстанавливается довоенный территориальный статус-кво; б) султан издает указ, подтверждающий права и имущества его христианских подданных и доводит его до сведения держав, которые не имеют права вмешиваться в отношения султана с его подданными и во внутренние дела Османской империи; в) в мирное время Турция закрывает проливы Босфор и Дарданеллы для всех военных судов; г) Черное море объявляется нейтральным и открытым для торговых судов всех наций; д) Россия и Турция обязуются не иметь на берегах Черного моря военно-морских arsenалов; е) Сербия, Молдова и Валахия остаются в вассальной зависимости от Турции; ж) Россия отказывается от части своей береговой полосы у устья Дуная, которая переходит к Молдове; з) граница России и Турции в Азии восстанавливается в том виде, в котором она существовала до войны; Россия обязуется не укреплять Аляндские острова в Балтийском море и не держать там военных сухопутных и морских сил; к) отдельной русско-турецкой конвенцией Россия фактически лишается флота на Черном море.

Победителем этого конкурса стал майор **Самосват Дмитрий Анатольевич** (г. Кострома).

Он получает приз — книгу: *Геевский И.А., Иванов Р.Ф.* Клан Кеннеди и убийство XX века. М.: Вече. 2003. 448 с., ил.

Поздравляем!

Продолжаем публикацию малоизвестных произведений В.И. Даля, объединенных общим названием «Матросские досуги». Начало публикациям было положено в «Военно-историческом журнале» № 7 2006 года. Текст приведен к нормам современной орфографии.

В.И. ДАЛЬ

ЧТО ТАКОЕ ОТЧИЗНА? МАТРОССКИЕ ДОСУГИ

Отчизна, Отечество — это родная земля наша, где отцы и деды жили и умирали, где родились и сами мы, живем и хотим умереть.

Она земля отцов наших, и за это зовут ее Отчизною, Отечеством; мы родились на ней, за это зовем ее родною землею, Родиной.

Кому же не мила родная земля? Кто не постоит за Родину свою, за землю Русскую, которую завещали нам в духовной своей деде и прадеды наши, а мы завещать должны детям и внукам своим, чтобы было им где жить и тужить, веселиться и радоваться, а подчас и поплакать, коли беда лихая одолеет, да утешиться? Разве жить им на чужой земле, в поденниках у чужого народа и, как придет последний час, кости положить на чужбине?

Земля Русская, Отечество наше, обширнее и сильнее других земель.

Гордись тем и величайся, что родился ты русским, что Господь сподобил тебя быть ратником, воином Русской земли. Нужды и забот везде на белом свете много, и у тебя также не без того; надейся на Бога, на царя своего и на справедливое начальство, и правдивая служба твоя не пропадет.

Царство Русское велико: от Финского [Балтийского] моря до Черного будет с лишком тысяча пятьсот верст; от Белого моря до Каспийского — без малого две тысячи пятьсот, а в длину от Польши до самого конца Сибири будет более двенадцати тысяч верст. В России более шестидесяти губерний и областей, а иная губерния более целой немецкой либо французской земли. Народу у белого царя всего более русского; а есть, кроме того, много народов других, которые говорят не русским языком и исповедуют иную веру. Так, например, есть христиане неправославные: поляки, армяне, грузины, немцы, латыши, чухь или финны, попросту чухны; есть мусульманские народы: татары, башкиры, киргиз-кайсаки и много сибирских и кавказских племен; есть еще и кумирники, идолопоклонники; калмыки, буряты, самоеды, вотяки, черемисы, чуваша и много других; многие из кумирников этих ныне уже приняли православную веру, хотя на это всякому дана своя

воля, а принуждать никого не принуждают, потому что каждый из нас будет за то, во что веровал, ответ держать Отцу Небесному.

Все эти губернии, области и разноязычные народы составляют Русскую землю; всех их бережет царь русский в деснице своей, а потому все подданные белого царя должны стоять друг за друга, за землю, за Родину свою и за своего государя, как односельчане стоят за избу свою, за наживное добро, за себя и за старшего в семье, за отца либо деда. Поколе все дружно стоят заодно, никто их не осилит, никто не обидит; а вместе стоять всем заодно без головы нельзя; сказано слово: и песня без запевалы не поется, а дело без головы и подавно не спорится. Вот для чего Бог дал нам одного царя-государя, чтобы все мы держались за него на земле, как за Бога на небеси. Царь любит землю Русскую более, нежели кто-либо из нас; ему дал Бог пресветлый ум-разум царский, а царь избрал себе хороших, умных и достойных советников и помощников; через них он управляет нами, а мы, любя государя и родину свою, повинемся без оглядки начальникам, которые поставлены от государя; без этого не было бы ни толку, ни ладу, не было бы земле Русской благоденствия и долголетия и не было бы добра нам самим.

Например, кто постарше из вас, сам помнит [тысяча] восемьсот двенадцатый год, а кто помоложе, чай, слышал о нем от старших. В ту пору император Французский подчинил себе всех королей, собрал рать несметную, не только из своей французской земли, а еще из всех земель, ему подвластных и, словно туча грозная, налетел на православную землю нашу, на Русское царство; хотел попрасть ее, истоптать копытами, испалить пожарами и размести хвостом конским родные наши пепелища. Велика была сила вражеская; кому бы устоять супротив нее? Ни ты, ни я, ни третий какой-либо, вдесятером либо сотней, не совладали бы с одним полком Наполеона, не отстояли бы ни одной деревушки русской; погибло бы царство православное, разогнали бы на все четыре стороны нас с родной земли и закабалили бы нас французы в оброк вековечный. И что же? Страшен черт, да милостив Бог; был и в ту пору, как ныне, один государь земли Русской; держал разум, силу и правду в единойдержавной деснице своей; сказал: «Не положу из рук меча булатного, доколе еще хоть один неприятель будет на земле Русской» — и по слову царскому стар и мал опясались острыми саблями, ухватились за копье ратное, все сошлись в одну кучу, словно на пожар великий, все слушались слова одного: шли вперед, когда царь приказал заманить незваных гостей в ловушку настороженную; стояли дружно, где приказано было отстаивать — и куда девалась сила сильная, гроза грозная, куда девалась рать несметная

вражеская? Нет ее, погибла. Господь попустил сгинуть ей дотла, а царя нашего возвеличил и прославил: указал ему идти до самой столицы вражеской, освободить все земли и государства от полона и оброка и изгнать самозванца, который был не царской крови, и возвести на престол французский законного их государя. Кто же мог собрать войско русское со всех концов царства; кто мог велеть ему идти на врага, кроме царя русского? Кто мог повести войско это на врага и указать ему, где и как бить неприятеля, куда обходить, откуда зайти и куда ударить — кто, кроме великого, славного полководца, которого государь избрал и подчинил ему все русское войско? И ведомо, что никто; сказано слово: мужик умен, да мир дурак; сколько голов, столько умов; каждый городит свое, а в одну думу, в один разум не сойдутся.

На постое, по избам бери солдат, как кур, поодиночке, а дай им сойтись вместе, выстроиться, выровняться, вскинуть от ноги, бросить глаза налево, на генерала своего, так на стену ползут и любую крепость штыком разматают; каплю воды девчонка тряпицей по столу разотрет, а капля камень долбит; и море, которому нет конца во всех подозрительных трубках, слилось из таких же капелек; без капли нет моря, что рубля без копейки, что силы царской, войска грозного без солдата!

Славное и памятное было время, ребята, этот двенадцатый год! Велик Бог русский, силен штык и крепка грудь русская! Вынослив и стоек солдат русский; и долго, долго силою и правдою красоваться будет земля Русская из конца в конец, под защитой русского царя, да русского солдата!

Отстаивай, ребята, Родину свою, Отчизну! Это зыбка твоя, колыбель и могила твоя; это и дом и домовина*; хлеб насущный, вода животворная; Русская земля тебе отец и мать, она же тебе церковь православная, она и престол царский; она житье отцов и дедов твоих, она же мир и приют детям твоим и всем добрым русским людям, всем православным потомкам нашим, доколе труба громозвучная, последняя, не позовет всех нас из земли на суд Божий, будем ответ держать за дела наши, воздастся нам по делам и помышлениям нашим, где каждого из нас спросят: так ли ты жил, как вера твоя повелевает; клал ли ты душу за царя и Родину свою, как велит долг и совесть и присяга твоя?

Отчество тебе колыбель и могила. Не отрекайся от земли Русской, да не отречется от тебя Господь. Держись дружно: камень ногами топчут, а из камней твердыни кладут. Одна головня и в печи гаснет, а две и в чистом поле дымятся.

* Гроб

Публикацию подготовил
С.К. ДАРКОВ

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И А. Г. ОРЛОВ НЕ РАЗГЛЯДЕЛИ В РОССИЙСКИХ АДМИРАЛАХ ЭЛЬФИНСТОНЕ И НОУЛЬСЕ ШПИОНОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ИСТОРИЯ эта, произошедшая в Русско-турецкую войну 1768–1774 гг., очень запутанная. И хотя от тех далеких событий нас отделяет более двух столетий, до сих пор она окружена покровом таинственности. Недаром эти загадочные события обходили вниманием военные историки: уж очень много в них необъяснимого, а порой и просто невероятного.

Русские, добившись 24–26 июня 1770 года грандиозной Чесменской победы, не воспользовались ее плодами, остановившись в полущаге от еще более блистательного успеха — захвата Стамбула, когда тот был почти у них в руках. Что же произошло у дарданелльских берегов летом 1770 года?

Однако прежде чем попытаться ответить на все эти вопросы, вернемся в год 1768-й, на берега Невы, в столицу Российской Империи Санкт-Петербург.

6 ОКТЯБРЯ 1768 года Турция, поддерживаемая Францией и Австрией, объявила войну России. Россию поддерживали Англия и Пруссия. Однако Англия, в свою очередь, смертельно враждовала с Францией за монополию на средиземноморскую торговлю и совсем не желала действительного усиления России на юге. Поэтому, хотя британский кабинет и был определенным образом заинтересован в русской экспедиции в Средиземное море, оказывать реальную помощь России в ее рискованном предприятии не собирался. Так, британское правительство ответило немедленным отказом на просьбу России поддержать русскую эскадру боевыми кораблями английского флота, ограничившись обещанием оказывать помощь русским кораблям при их заходе в британские порты.

Столь двойственное отношение союзника не осталось без внимания Екатерины II, и она снабила командующего Первой Архипелагской экспедицией графа А. Г. Орлова секретной инструкцией, в которой предостерегала относительно возможных провокаций со стороны англичан. Как показали дальнейшие события, императрица беспокоилась не зря. Англичане имели широкую шпионскую сеть и в случае необходимости могли организовать ряд диверсий. Можно было с большой вероятностью предположить, что британская разведка не только разослала агентов по всем портам на пути следования русских эскадр, но и внедрила их на русские корабли.

Особое подозрение вызывал контр-адмирал Д. Эльфинстон, командовавший 2-й эскадрой. Всего в составе Первой Архипелагской экспедиции насчитывалось 5 эскадр: 1-й эскадрой командовал адмирал Г. А. Спиридов, 2-й — контр-адмирал Д. Эльфинстон, 3-й — контр-адмирал И. Н. Арф, 4-й — контр-адмирал В. Я. Чичагов, 5-й — контр-адмирал С. К. Грейг. Правда, ряд исследователей полагает, что он со своим отрядом кораблей входил в состав 1-й эскадры.

Личность Джона Эльфинстона в отечественной исторической литературе почему-то всегда рассматривалась весьма однобоко: писалось, что контр-адмирал был человеком нрава буйного и неуживчивого. На самом же деле, видимо, Эльфинстон являлся лич-

ностью куда более сложной: в поведении его много неясного и даже таинственного.

В Россию Джон Эльфинстон прибыл в начале 1769 года в звании капитана 1 ранга британского флота. Через два месяца в обход всех существовавших правил ему присвоили контр-адмиральский чин «сверх комплекта» (сверх штата) — для русского флота XVIII века событие исключительное, тем более что никаких сколько-нибудь заметных деяний на пользу России за эти два месяца Эльфинстон совершить не успел. К примеру, шотландец К. Грейг, чтобы получить звание капитана бригадирского ранга, прослужил в русском флоте несколько лет, обретя при этом всеобщую известность грамотного и искусного военного моряка.

Кто же стоял за спиной свежеспеченного адмирала? Чья мощная протекция обеспечила ему головокружительную карьеру в русском флоте? Фигура эта четко прорисовывается на фоне последующей служебной деятельности Эльфинстона, и была она чрезвычайно влиятельной. Протектировал англичанина самолично руководитель Коллегии иностранных дел Никита Иванович Панин, известный англоман, один из создателей «Северного аккорда», враг братьев Алексея и Григория Орловых — инициаторов Средиземноморской экспедиции. Каким образом вышел на Панина британский капитан, неизвестно, но несомненно, что здесь не обошлось без хитрых ходов британской дипломатии. Английский посол, внедряя в Российский флот нужного Лондону человека, вел умелую игру. Конечно, свои виды на Эльфинстона имел и Панин, ведавший не только иностранными делами, но и делами Тайной канцелярии. Однако англичане переиграли Панина: уж больно увлекся глава российских дипломатов дворцовыми интригами и проглядел главное — не увидел исходившей от Эльфинстона опасности для России.

Но зачем был нужен Эльфинстон Панину? Получал ли он что-либо от этого необычного союза? Оказывается, получал, и немало! Ему был необходим свой человек на Средиземном море, способный не только своевременно информировать его о происходивших там делах, но и при случае активно влиять на ход событий. Будучи противником средиземноморской затеи братьев Орловых, он намеревался использовать против них Эльфинстона, чтобы, скомпрометировав саму идею экспедиции, помешать дальнейшему возвышению орловского клана. Никита Иванович все просчитал точно, ошибся лишь в одном: Эльфинстон работал не столько на Панина, сколько на британское адмиралтейство.

ЕЩЕ ДО ВЫХОДА из Кронштадта Эльфинстон начал скандальную кампанию против адмирала Спиридова, который вышел в море раньше. В чем только ни упрекали заслуженного адмирала! Добиваясь его отстранения, Эльфинстон обвинял Спиридова не только в нерадивости и неумелости, но и в измене: Спиридова спасло лишь заступничество адмирала С. И. Мордвинова. При этом с эскадрой Спиридова на протяжении всего пути, особенно когда он пролегал вдоль побережья Англии и Дании, почему-то происходили «странные события».

Во-первых, во время прохождения кораблями адмирала Г.А. Спиридова пролива Скагеррак шедший впереди всех «Лапоминк» ночью налетел на Скагенский риф и затонул. Лишь благодаря героизму его команды, успевшей дать предупредительные выстрелы, остальные суда эскадры смогли отвернуть в сторону и избежать подобной участи. Причиной трагедии было отсутствие в ту ночь света на Скагенском маяке. Почему это случилось, так и осталось тайной. Во-вторых, на подходе к английскому мысу Флампоро-Хед британские лодчаны не явились к месту условленной встречи и тем самым поставили под угрозу срыва проход русскими кораблями Английского канала. В-третьих, при подходе к Портсмуту английские лодчаны посадили на мель линейный корабль «Европа». Из-за тяжелых повреждений корабль пришлось поставить в доковый ремонт, продолжавшийся 4 месяца. В-четвертых, до сих пор до конца не выяснена история повреждения и ремонта корабля «Северный Орел». По прибытии эскадры в Гулль корабль имел повреждения и был поставлен в ремонт, который производили английские мастера. Однако после ремонта на выходе в море корабль едва не затонул, и Спиридов был вынужден также оставить его в Портсмуте.

А что представляла собой практическая деятельность англичанина как командующего эскадрой и флотоводца?

Вся деятельность Эльфинстона в период перехода до Средиземного моря и в ходе Чесменского сражения, на первый взгляд, кажется совершенно авантюрной и бессмысленной. Поставленная в тупик его выходками, Екатерина Великая в своих письмах охарактеризовала действия английского контр-адмирала как несуразные, самого же его объявила сумасшедшим.

Но нет, с головой у контр-адмирала все было в порядке! Более того, это был чрезвычайно грамотный и энергичный моряк, вот только задачи перед ним стояли особые.

Все несуразности и бессмысленности в поведении англичанина бесследно исчезают, если предположить, что контр-адмирал Эльфинстон являлся главой британской разведки на русских Средиземноморских эскадрах и действовал исходя из интересов британской короны.

ГЛАВНОЙ задачей британца могло быть прежде всего ослабление русских военно-морских сил на Средиземном море. Это намерение вполне отвечало всему смыслу тогдашней внешней политики Великобритании. Согласно ее логике требовалось втянуть Россию в средиземноморские дела, а втянув, сделать все зависящее от Англии, чтобы Россия, не добившись решающих успехов на Средиземном море, находилась там как можно дольше. Выгода от этого для Лондона была двойная. Во-первых, постепенно увеличивалась зависимость России от Англии по всем направлениям, во-вторых, усиливалась враждебность к Петербургу со стороны Франции.

На что могли быть направлены усилия Эльфинстона? Видимо, любой ценой избежать оказания Спиридову помощи в боевых действиях по овладению Мореей (полуостров Пелопоннес). Исходя из этого, уничтожить находившийся на кораблях 2-й эскадры сухопутный десант, в крайнем же случае подставить относительно слабую 2-ю эскадру (три корабля и два фрегата) под удар главных сил турецкого флота.

Вся дальнейшая деятельность Эльфинстона полностью укладывается в данную схему. Прибыв с эскадрой в Средиземное море, он бросил на произвол судьбы у греческого местечка Рупино малочисленный десант и устремился на поиск турецкого флота.

Чего же добивался Эльфинстон, то атакуя турецкий флот, то, наоборот, спасаясь от него бегством? Если исключить «сумасшествие» контр-адмирала, то объяснение здесь может быть только одно: англичанин всеми силами стремился устрашить капудан-пашу и принудить его отвести свой флот в глубь архипелага, обрекая тем самым русских моряков на изнуритель-

ную многомесячную борьбу за господство на море! Что ж, задачу свою Эльфинстон выполнил: вскоре турецкий флот исчез в лабиринте греческих островов и был обнаружен русскими с помощью греческих корсаров лишь через месяц в Хиосском проливе.

Столь явное преступное поведение командующего 2-й эскадрой не могло остаться незамеченным и привело к беспрецедентному для русского флота событию. На военном совете командиры кораблей 2-й эскадры отказались выполнять приказания своего командующего контр-адмирала Эльфинстона, если он не подчинится их требованиям и не пойдет на соединение с отрядом адмирала Спиридова.

Только эта крайняя мера заставила Эльфинстона присоединиться к 1-й эскадре адмирала Спиридова, однако и после соединения он стремился всячески торжествовать боевые действия, полностью игнорируя распоряжения Спиридова и третируя его. Лишь прибывший к эскадре 11 июня 1770 года А.Г. Орлов пресек подлую деятельность британского эмирара.

ПОЛУЧИВ первый серьезный отпор, Эльфинстон изменил тактику и стал концентрировать на кораблях эскадры соотечественников-англичан, добиваясь даже перевода их к себе с кораблей 1-й эскадры в обмен на русских офицеров. Так, первоначально он заменил капитана своего флагманского корабля С.П. Хметевского на В. Роксбурга. Эльфинстон копил силы для последующей борьбы.

Тем временем, активно осуществлявшая поиск неприятеля, русская объединенная эскадра 23 июня 1770 года обнаружила турецкий флот у острова Хиос. Состоялся военный совет флагманов и капитанов. На нем обсуждался план атаки. Выступил на совете и Эльфинстон, однако ввиду полной абсурдности его план был единогласно отклонен. В свою очередь, Эльфинстон наотрез отказался возглавить авангард, сославшись на то, что не может «рисковать на нем своей репутацией». Совет принял план атаки адмирала Г.А. Спиридова, который и возглавил авангард. Почему же Эльфинстон отказался поднять на крьюйс-стеннге передового корабля свой флаг? Прежде всего, видимо, потому, что боялся остаться без единомышленников-соотечественников в решающий момент. Не менее важной причиной могло быть и то, что от командующего авангардом требовались в предстоящем сражении решительные действия, при этом любая попытка уклониться от утвержденного плана боя была бы сразу же пресечена с самыми печальными последствиями для ее организатора.

КОНТР-АДМИРАЛ Эльфинстон являлся главой британской разведки на русских Средиземноморских эскадрах

Бой 24 июня с турецким флотом вышел ожесточенным. Русские корабли атаковали неприятеля с дистанции пистолетного выстрела, несмотря на тройной перевес турок в силах. Шести русским линейным кораблям противостояли шестнадцать турецких. Арьергард же Эльфинстона на протяжении всего сражения в бой так и не вступил! Британский контр-адмирал еще раз сделал все возможное для того, чтобы поставить русскую эскадру на грань поражения.

Однако вопреки всем стараниям Эльфинстона русские моряки уничтожили флагманский турецкий корабль, и неприятель в полном расстройстве бежал в Чесменскую бухту, где спустя сутки ночью русская эс-

● НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ ●

ЭЛЬФИНСТОН наотрез отказался возглавить авангард, сославшись на то, что не может «рисковать на нем своей репутацией»

кадра решительно атаковала турецкий флот. В результате Чесменской победы русские моряки обеспечили себе господство в восточной части Средиземного моря. Великобритании это не понравилось. В Средиземное море была незамедлительно отправлена эскадра вице-адмирала Сандерса, превосходившая русских по мощи бортового залпа в два с половиной раза. К русским экспедиционным силам был послан фрегат «Винчелси», имевший задание отозвать все ранее зафрахтованные в Англии транспорты.

Тогда же покинула русские корабли и большая часть нанятых английских офицеров. Былое пренебрежение к русским морякам сменилось у англичан плохо скрытой боязнью. Не желая рисковать, Сандерс держался со своими кораблями поодаль, стараясь в то же время быть в курсе всех дел русского флота. Помощники для этого у него там были. Прежде всего им надлежало выяснить, что же намерены предпринять русские и насколько их планы будут соответствовать планам британских политиков, которые теперь были заинтересованы в блокаде Дарданелл, что вело, с одной стороны, к упадку французской торговли в Средиземноморье, а с другой – к росту британского авторитета в этом регионе.

Тем временем на кораблях экспедиции происходили весьма важные события. Сразу же после Чесменского сражения на совете флагманов было рассмотрено предложение адмирала Спиридова о нанесении удара по турецкой столице и о последующем прорыве эскадры в Черное море. Идея Спиридова сразу же нашла поддержку у Грейга и у других флагманов, однако А.Г. Орлов не поддержал Спиридова.

Почему же заколебался в принятии решения Алексей Орлов? Ведь в случае успеха операции Турция могла быть выведена из войны в кратчайшее время. Причин могло быть несколько.

Во-первых, главнокомандующий по незнанию обстановки мог опасаться турецких дарданельских батарей, под огнем которых пришлось бы прорываться русскому флоту. Во-вторых, определенные сомнения могли возникнуть у него из-за трудностей базирования в Мраморном море. В-третьих, А.Г. Орлов как главнокомандующий всеми русскими вооруженными силами на Средиземноморье не был особо заинтересован в том, чтобы, отправив флот в Черное море, самому остаться без сил и средств. И, наконец, императрица не выдала А.Г. Орлову на сей счет никаких указаний.

Однако, судя по комментариям С.К. Грейга, можно предположить, что А.Г. Орлов все же решился на Дарданельский прорыв. При этом было задумано вначале захватить остров Лемнос, являвшийся ключом к Дарданеллам, где в случае неудачи можно было бы укрыть флот.

Впрочем, неудачи и быть не могло, ибо турецкие укрепления Дарданелл находились в плачевном состоянии, о чем не мог не знать А.Г. Орлов. Все же на всякий случай русское командование принимает единственно верное решение: высадить десант на остров Лемнос и захватить главную крепость острова – Пелари; кроме того, немедленно провести разведку Дарданельских проливов и состояния турецкой береговой обороны. Началась подготовка к прорыву в Черное море. Однако была допущена одна

трагическая ошибка: для проведения разведки определили наименее поврежденные в Чесменском сражении корабли, а это, естественно, были корабли арьергарда, которыми командовал Эльфинстон.

НО ПОЧЕМУ Эльфинстон не был арестован или хотя бы как-то наказан за свое поведение в Чесменском сражении? Скорее всего, Алексей Орлов под впечатлением небывалой в истории Российского флота победы простил англичанина. Кроме того, в связи с отрицательной реакцией Лондона на Чесму он мог постараться сам замазать это дело, чтобы не вызывать еще большей агрессивности со стороны англичан. Как бы то ни было, но чesменское предательство сошло Эльфинстону с рук; мало того, он получил возможность снова влиять на действия средиземноморской эскадры.

Вскоре его корабли «Святослав», «Не тронь меня» и «Саратов» устремились к дарданельским теснинам. Появление русских вызвало панику среди турок. «Европейский берег был усеян войсками, – вспоминал один из участников этого рейда. – Наши залпы имели действие поразительное: неприятельский огонь сейчас же ослабел, и войска стали поспешно отступать в глубь полуострова». Но и в такой, казалось бы, благоприятной обстановке Эльфинстон сделал все возможное, чтобы наглядно показать Орлову всю бесполезность и бессмысленность его затеи. Маневрирование кораблей в проливе, выполнявшееся по его приказу, привело к тому, что корабли подхватило течение, и «Не тронь меня» навалило на «Саратов», а «Святослав» на «Не тронь ме-

Для проведения разведки определили наименее поврежденные в Чесменском сражении корабли

ня». Все это вызывает по меньшей мере недоумение: ведь контр-адмирал был опытный моряк и знал, к чему могли привести его распоряжения.

Вернувшись к главным силам, контр-адмирал доложил, что форсирование пролива невозможно из-за сильного противного течения. И вот здесь Эльфинстон просчитался. Ему не поверили. На русской эскадре имелось достаточно греческих лощманов, отлично знавших характер пролива и способы его преодоления. А.Г. Орлов форсирование пролива не отменил, а перенес на первые числа сентября 1770 года. В течение августа русские корабли еще не раз подходили к Дарданеллам, выявляя слабые места турецкой обороны и проводя промеры глубин. Эльфинстон, видя, что он бессилен, теряет хладнокровие. Поведение его становится не только вызывающим, но и открыто враждебным. А.Г. Орлов вынужден предупредить его о возможном снятии с должности.

В ПЕРВЫХ числах сентября 1770 года гарнизон турецкой крепости Пелари на острове Лемнос принял, наконец, все условия капитуляции. В крепости уже побывали представители русской армии, которые описали цейхгаузы со всеми припасами. Над крепостью был поднят белый флаг, и через двое суток русские войска должны были ступить на ее территорию. Дарданельский прорыв эскадры в Черное море становился делом ближайшего будущего.

Что же предпринял в этой ситуации Эльфинстон? Именно в это время в его эскадре, на флагманском корабле Эльфинстона «Святослав», внезапно объявился новый лощман англичанин Гордон. И это при

том, что у русских было полным-полно опытных лоцманов из греков, знавших здешние воды как свои пять пальцев.

Около семи часов вечера 16 сентября 1770 года, когда сумерки начали спускаться над морем, флагманский корабль Эльфинстона «Святослав» внезапно снялся с якоря и, подняв все паруса, устремился в неизвестном направлении. Достоверно установлено, что ни А.Г. Орлов, ни Г.А. Спиридов такого распоряжения ему не давали. Меж тем новый лоцман вел корабль к юго-западной оконечности острова Имброс — туда, где в сплошной ряби волн громоздились многочисленные рифы. В ночь на 17 сентября 1770 года самый мощный корабль 1-й Архипелагской экспедиции — 80-пушечный «Святослав» на полном ходу врезался в каменный риф.

Очевидцы этого кораблекрушения, одного из самых странных и загадочных в истории русского флота, отметили в своих показаниях, что курс, ведший корабль на риф, был указан лично Эльфинстоном через капитана Роксбурга. Тот же Роксбург приказал указанного курса ни при каких обстоятельствах не менять, а отчаянная попытка корабельного штурмана отвернуть в сторону была немедленно пресечена.

Капитан линейного корабля «Три Святителя» С.П. Хметевский в своих воспоминаниях так описывает случившееся: «Узнали от греков, что "Святослав" сел на мель к востоку от Лемноса и уже стоит несколько дней и неизвестно кем зажжен. Хотя недалеко стоял "Саратов" и другие суда, с корабля ничего из имущества не спасли, все погибло. Хорошо хоть сняли людей! Контр-адмирал Эльфинстон перенес флаг на "Не тронь меня", ушел к Лемносу...»

Однако главная беда была еще впереди: пока русская эскадра занималась спасением «Святослава», турки на греческих судах прорвались к крепости Пелари, доставив туда войска и припасы. Крепость немедленно опустила белый флаг и продолжила оборону. Поражает необыкновенно точный расчет турок: кажется, об отходе эскадры от Лемноса им было известно заранее.

ОЧЕВИДЦЫ отметили в своих показаниях, что курс, ведший корабль на риф, был указан лично Эльфинстоном

Возобновление обороны Пелари поставило Орлова и Спиридова перед тяжелым выбором. Было совершенно ясно, что осада крепости может затянуться, да и вероятность ее взятия становилась весьма невысокой. Кроме того, надвигался период осенних штормов, а эскадра не имела даже временной стоянки. В этих условиях было принято единственно верное решение — отвести эскадру в глубь архипелага, обустроиться в одной из защищенных от ветра бухт, а к Дарданеллам высылать блокадные отряды. Возможность прорыва кораблей в Черное море была упущена окончательно.

ПОПЫТКИ выгородить себя в деле гибели «Святослава» Эльфинстону не удалось. Граф Орлов все понял и начал действовать решительно. Превысив свои полномочия, он арестовал Эльфинстона. Одновременно с ним был взят под стражу и таинственный лоцман Гордон. Капитан «Святослава» Роксбург, несмотря на все ухищрения своего бывшего покровителя, аресту не подвергся. Что тому причиной? Заступничество ли со стороны любимца

А.Г. ОРЛОВ, сытый по горло действиями иностранных шпионов, обращается к императрице с просьбой не присылать более на эскадру иностранцев

Орлова Самуила Грейга, который не остался равнодушным к судьбе двоюродного брата, явная ли подставка Роксбурга Эльфинстоном как мальчика для битья? Кто знает...

А вскоре на эскадре состоялся суд. Контр-адмирал Эльфинстон был обвинен в «принятии несведущего лоцмана и излишней к нему доверенности», однако огласить приговор Алексею Орлов не решился, и контр-адмирала под конвоем препроводили в Санкт-Петербург. А лоцман Гордон, приговоренный судом к смертной казни «через расстреляние», в ночь перед исполнением приговора бежал из-под стражи к туркам. Что ж, видимо, у него были основания полагать, что турки отнесутся к нему весьма доброжелательно. Как тут не вспомнить необыкновенно точную осведомленность неприятеля о выходе эскадры для спасения «Святослава». И еще. Мог ли бежать пленный англичанин, не зная паролей дозорных караулов? В такое верится слабо! Не сработали ли здесь тайные пружины британской агентуры, спасавшей столь ценного и заслуженного агента, как лоцман Гордон?

Именно в эти дни А.Г. Орлов, сытый по горло действиями иностранных шпионов, обращается к императрице с просьбой не присылать более на эскадру иностранцев.

Тем временем в Петербург под усиленным караулом привозят контр-адмирала Эльфинстона. Англичанин сразу же предпринимает отчаянную попытку прикрыться авторитетом Н.И. Панина. Но Панин, поняв, что Эльфинстон потерпел крах, отвернулся от своего бывшего подопечного. Эльфинстон ожидал всего самого худшего, но императрица приказала просто изгнать его из России.

Интересен и такой факт. Почти одновременно с Эльфинстоном на Дунае действовал другой британский специалист — адмирал Ноульс. Однако очень скоро этот агент английской короны был разоблачен и так же, как и Эльфинстон, изгнан из России.

Если отбросить элемент случайности как крайне редкий в таких делах, то сам собой напрашивается вывод: Эльфинстон и Ноульс являлись звеньями единой цепи в крупномасштабной операции британской разведки по предотвращению продвижения России к югу.

Что же касается итога деятельности британских секретных служб на русской эскадре, то, несмотря на попытку помешать прорыву русских кораблей в Черное море через Дарданеллы, главной своей задачей они не выполнили: в 1771 году в Черное море вошли корабли Азовской флотилии вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина. Отныне и навеки Россия открыла свое южное окно в Европу.

Возможно, изложенная версия подготовки и срыва Дарданелльской операции 1770 года покажется кому-то не очень аргументированной и убедительной, однако никому не возбраняется иметь свои взгляды на малоизученные события отечественной истории.

**Капитан 1 ранга
В.В. ШИГИН**

ПОМОЩЬ ФРОНТУ ОБЩЕСТВА СПАСЕНИЯ НА ВОДАХ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА. 1941–1944 гг.

Общество спасения на водах (ОСВОД) ведет свою историю с 70-х годов XIX века. В СССР это была добровольная массовая общественная организация. Спасатели ОСВОДа¹ внесли свой вклад в дело победы над врагом. Они выходили на дополнительные дежурства, вносили денежные средства для закупки обмундирования, производства военной техники. После освобождения Московской области были восстановлены спасательные службы в 16 ее районах, созданы 92 первичные организации. В ОСВОД вступили 5606 человек. В то время легководолазная служба насчитывала 124 человека, из них старших водолазов — 22 и легководолазов — 89².

ОСЕНЬЮ 1941 года в ходе оборонительных боев под Москвой наши войска оказывали упорное сопротивление врагу. Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) с 20 октября 1941 года в столице и прилегающих к городу районах было введено осадное положение³. В строительстве оборонительных рубежей участвовало более полутора миллиона москвичей. Были среди них и спасатели, исследовавшие дно водоемов, рек и готовившие разного рода заграждения для вражеских частей. В ходе Битвы под Москвой водоспасатели героически сражались на многих участках обороны. Они сыграли важную роль при переправе войск через водные преграды, спасая затонувшую технику, вооружение и имущество.

В феврале—ноябре 1942 года по просьбе руководства военного завода № 150 выполнялись работы по подъему из Оки у каширского железнодорожного моста импортного оборудования затонувшего во время крушения поезда. Водолазы извлекли из воды 80 импортных станков и иное оборудование весом около 300 т. В мае 1942 года по просьбе автобронетанкового управления (АБТУ) Западного фронта в районе г. Солнечногорска Московской области извлекли из воды тяжелый танк КВ. По просьбе командования 751-го авиационного полка со дна одного из подмосковных озер был поднят советский самолет⁴.

Так, водолазы Москвы и Московской области очистили около 150 км рек, впадающих в Москву-реку, а также многие озера, водохранилища и другие водоемы⁵. Даже в годы войны водоспасатели охраняли жизни людей в период купального сезона, обеспечивали безопасность и культурный отдых трудящихся. Несмотря на то, что значительная часть водолазов ушла на фронт, штатная численность практически не отличалась от той, что была в мирное время, так как пополнялась в основном за счет женщин и молодежи.

Работники спасательной службы из своих сбережений передали государству значительную сумму на строительство двух торпедных катеров. Этот благородный поступок был отмечен И.В. Сталиным. В телеграмме на имя заместителя председателя Центрального совета союза ОСВОДа т. Диневица и секретаря парторганизации Дег-

терева сообщалось: «Прошу передать личному составу спасательной службы осводов и обществу ОСВОД, внесшим 200 000 руб. на строительство торпедных катеров "М.И. Калинин" и "Освододец", мой братский привет и благодарность Красной армии. И. Сталин»⁶.

В связи с празднованием 20-й годовщины Красной армии был поощрен ряд работников, а также определены победители соревнования. Так, первое место занял 3-й район (начальник Харлашин); второе место — 1-й район (начальник Малкин); третье место — 4-й район (начальник Веденкин).

В то же время назывались и недостатки. Так, в приказе начальника спасательной службы от 15 февраля 1943 года отмечалась плохая работа 2-го района (начальник Гутковский) и ставилась задача по ее улучшению. В 1943 году число штатных работников составило 150 человек, среднесписочная годовая численность — 189 человек, средняя заработная плата — 258 рублей⁷.

Главная работа водоспасателей в 1942—1943 гг. состояла не только в организации спасения людей, терпящих бедствие на воде, защите собственности, очистке водоемов, но прежде всего в подготовке кадров для армии и флота. Только московские осводовцы для отправки на фронт подготовили сотни специалистов водолазного дела.

Несмотря на проводимую организациями ОСВОДа работу, затраты на содержание спасательной службы увеличивались, а ее результативность снижалась. Объяснялось это тем, что большинство высококвалифицированных специалистов ушли на фронт, их заменили люди, не имеющие должной квалификации. Например, только на водоемах Московской области в 1943 году насчитывалось 8 спасательных станций, 17 постов 1-го разряда, 71 пост 2-го разряда, 94 поста 3-го разряда, а легководолазных пунктов — более 70. Качество же выполняемых работ не всегда соответствовало требованиям времени. При этом содержание осводовских организаций влекло за собой большие финансовые затраты: только в 1943 году их госбюджета для ОСВОДа было ассигновано 53 млн рублей⁸.

В связи со сложившимся положением Постановлением Совнаркома СССР от 18 декабря 1943 года служба спасения на водах была ликвидирова-

на, а ее функции возложены на судоходные инспекции Наркомречфлота и порты Наркомморфлота⁹.

Охрана общественного порядка и обеспечение безопасности на пристанях, водных переправах, в установленных местах купания, во время проведения массовых гуляний, спортивных соревнований на воде и других мероприятий были возложены на НКВД СССР. Все числящееся за спасательными станциями и постами имущество безвозмездно было передано Наркомфлоту¹⁰.

Во исполнение постановления Совнаркома СССР от 18 декабря 1943 года вышли распоряжение Мосгорисполкома от 30 декабря 1943 года и приказ по спасательной службе МосгорОСВОДа от 10 января 1944 года. СоюзОСВОД прекратил свою деятельность. Большинство личного состава ОСВОДа ушло на фронт, а плавучие средства перешли в ведение армии и флота. Функции спасательной службы были переданы наркоматам морского и речного флота¹¹.

В Москве все движимое и недвижимое имущество ОСВОДа получило парходство канала Москва—Волга (КМВ) по акту. Не ушедший на фронт персонал станций и постов перевели в подчинение новой структуры.

В связи со значительным кадровым некомплектом женщины становились руководителями станций, постов, водолазами, работали по другим специальностям. Это улучшило и оживило работу. На разные должности были приняты женщины, хорошо известные среди московских спасателей-ветеранов службы, — А.Д. Ключкова, К.А. Козырева, Ю.К. Бычкова, З.И. Малкина, А.Н. Грипаева и др.

Окончив курсы водолазов, девушки успешно работали, совмещая ряд специальностей, активно вели общественную работу. Приказом от 6 января 1944 года в ведение парходства КМВ перешли не только станции ОСВОДа вместе с имуществом, но и механические мастерские (начальник Н.М. Крутов). К тому же на работу в парходство были направлены семь специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1989. С. 294; *Букань П.З.* 120 лет Всероссийскому обществу спасения на водах. М., 1991. С. 3.

² *Попович В.А.* Служба спасения на водах в России — вчера, сегодня, завтра. М., 2002. С. 49.

³ *Вечерняя Москва.* 1941. 20 октября.

⁴ Архив Московского речного парходства (АМРП). Ф. 21. Оп. 2. Д. 1. Л. 48—51.

⁵ *Елисеев А.М., Мушнин А.П., Плясунов В.С.* Московская служба спасения на водах. 130 лет. М., 2005. С. 24.

⁶ Московский государственный архив Московской области (МГАМО). Ф. 2549. Оп. 1. Д. 99. Л. 7.

⁷ Там же. Ф. 1792. Оп. 2. Д. 21. Л. 7—9.

⁸ *Попович В.А.* Указ. соч. С. 28.

⁹ АМРП. Ф. 21. Оп. 2. Д. 4. Л. 9—12.

¹⁰ МГАМО. Ф. 1792. Оп. 2. Д. 30. Л. 10.

¹¹ АМРП. Ф. 21. Оп. 2. Д. 2. Л. 9—12.

Н.В. ГАВРИКОВА

НАУЧНЫЙ ТРУД ПОСВЯЩЕН ФРОНТОВИКУ И ВОЕННОМУ ИСТОРИКУ В.М. КОВАЛЬЧУКУ

В.М. Ковальчук

ВЫШЕДШИЙ в свет в 2006 году исторический научный труд* коллектива авторов, освещающий различные события, происходившие в нашей стране в XIX–XX вв., без преувеличения можно назвать прижизненным памятником историку и публицисту В.М. Ковальчуку, о чем свидетельствует соответствующее уточнение в выходных данных. Из биографической справки автора читатель узнает, что Валентин Михайлович Ковальчук — главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук — родился в 1916 году. Окончив исторический факультет Ленинградского государственного университета и адъюнктуру Военно-морской академии, он трудился научным секретарем, научным сотрудником исторического отдела Главного штаба Военно-морского флота, преподавателем Военно-морской академии и Ленинградского государственного университета. Его перу принадлежат многие публикации на исторические темы, в частности статьи, вошедшие в многотомную историю Второй мировой войны. Впрочем, полковнику в отставке В.М. Ковальчуку, удостоенному боевых наград, самому довелось пройти по фронтовым дорогам.

Более подробные сведения о юбиларе читатель сможет почерпнуть из вступительного слова ответственного редактора сборника академика

РАН А.А. Фурсенко. «Впервые в Петербургском Институте истории Академии наук (тогда ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории АН СССР), – пишет он, – В.М. Ковальчук появился в середине 1960 г., в форме морского полковника» (с. 7). Дальше сообщается, что это появление явилось событием для столь неординарного консервативного научного учреждения, каким являлся на то время ЛОИИ, «ранее традиционно занимавшийся феодальным периодом и досоветской историей», но остро нуждавшийся «в специалистах по советскому периоду» (там же). 1 сентября 1960 года Валентин Михайлович стал младшим научным сотрудником института, а спустя пять лет он уже руководил совершенно новым для учреждения научным подразделением, исследовавшим процесс становления и развития советского общества и преобразованным впоследствии в сектор, а затем в отдел истории современной России.

С годами, приобретая авторитет знатока как общей, так и военной истории, фронтовик прослыл крупным специалистом особой темы – обороны северной столицы во время Великой Отечественной войны. Это произошло после выхода в свет посвященного блокаде города на Неве в 1941–1944 гг. V тома «Истории Ленинграда», готовившегося к печати под руководством и при непосредственном участии Валентина Михайловича. Подтверждая его ведущую роль в освещении данной темы, А.А. Фурсенко пишет: «Известный американский журналист, автор знаменитой книги "900 дней. Осада Ленинграда" Гаррисон Солсбери

Титульный лист книги

говорил, что считает В.М. Ковальчука самым авторитетным и интересным бытописателем истории города военного периода. Таким знают его и многочисленные российские читатели и коллеги» (с. 7).

По мнению ответственного редактора сборника, в настоящее время как в нашей стране, так и за рубежом едва ли найдется более компетентный, более знающий историю Ленинградской блокады специалист, чем В.М. Ковальчук. Подтверждением тому может служить еще один его капитальный научный труд – выдержавшая несколько изданий книга «Непокоренный Ленинград». Валентин Михайлович явился создателем и редактором также популярного издания, посвященного 300-летию северной столицы, – однотомной истории Петербурга–Ленинграда.

Примечательные штрихи к портрету известного военного историка добавил его коллега по институту член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Р.Ш. Ганелин в кратком биографическом очерке о В.М. Ковальчуке. По мнению автора очерка, все написанное Валентином Михайловичем «за

полвека работы в институте характеризуется высокой исследовательской достоверностью и строгостью подхода к источникам» благодаря влиянию «его уникального жизненного пути» и тому, что в начале этого пути «он получил двойную выучку, необходимую для занятий военной историей, – профессионального историка – исследователя и штабиста». На штабной работе В.М. Ковальчук оказался во время войны, имея за плечами историческое образование и, «придя с флота в Академию наук, почувствовал себя в академической среде как рыба в воде» (с. 10). Ему, по словам Р.Ш. Ганелина, «удалось слияние военной истории с академической исследовательской традицией» (с. 11), что очень важно, поскольку в научных кругах бытовало (бытует и до сих пор) непонимание и даже неприятие предмета военной истории как такового. Тот же Р.Ш. Ганелин, отдавая должное специалистам в этом вопросе, в том числе и В.М. Ковальчуку, развеявшему подобные сомнения, признается, что, поступив на истфак, «как-то не очень понимал, что такое военная история как самостоятельная дисциплина» (с. 9).

Дольше же всех «из ныне здравствующих... коллег-историков» по институту В.М. Ковальчука знает доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Д.Н. Альшиц, а именно, по его

* История России: исследования и размышления. Сборник статей к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Валентина Михайловича Ковальчука. СПб: Европейский Дом, 2006. 454 с.

словам, с сентября 1937 года. В течение всех этих лет Валентин Михайлович всегда был и оставался для него «глубоко порядочным человеком, добрым и отличным другом, безусловно честным и объективным историком» (с. 415, 416). Именно эти качества известного ученого, имеющего «все высшие, престижные отличия» и выдающегося историка, вдохновили профессора Альшица, по его же признанию, на подготовку для сборника, посвященного юбилею В.М. Ковальчука, «статью о значении историзма, объективности и честности как в исторической науке, так и в политике, и в культуре» (с. 416).

О том, что книга всецело посвящена конкретному лицу, свидетельствует преобладание на ее страницах темы, которой длительное время занимается В.М. Ковальчук и которая тесно связана с историей Петербурга – Ленинграда. В сборник включены, к примеру, следующие исторические исследования: «Генерал М.А. Милорадович и 14 декабря 1825 г.» (о событиях на Сенатской площади; с. 12–30), «Первые частные женские гимназии Санкт-Петербурга» (с. 31–48), «Дискуссия о тактике среди политической элиты Петербургского комитета РСДРП(б) в марте–апреле 1917 года» (с. 49–59), «Политическое образование в Петрограде в 1918–1925 гг.: структуры, формы, методы» (с. 75–98), «Подвиг ополчения» (об организации в Ленинграде добровольческих воинских формирований; с. 224–243), «Неудавшаяся попытка перекрестить Ленинградскую Дорогу жизни в 1942 году» (с. 257–266), «Политический контроль и настроения населения Ленинграда в 1943–45 гг.» (с. 267–287).

Большинство авторов сборника (Т.А. Абросимова, Д.Н. Альшиц, Е.М. Балашов, Н.И. Барышников, А.З. Ваксер, Б.Б. Дубенцов, Ю.И. Колосов, А.П. Крюковских, Н.А. Ломагин, В.И. Мусаев, А.И. Рупасов, М.М. Сафонов, С.В. Яров и другие) – тоже представители научных кругов Санкт-

Петербурга. Правда, нашлось место и для «иногородних» авторов (Е.Н. Кульков – Москва, Ю.А. Поляков – Москва, О.А. Ржешевский – Москва, М.Н. Супрун – Архангельск, М.А. Фельдман – Екатеринбург), представивших для примечательного труда обстоятельные исследования. В числе других – об отношении к культурным ценностям рабочих Урала в первые десятилетия XX века (с. 60–74), о противоречиях среди участников военного блока, возглавляемого в годы Второй мировой войны нацистской Германией (с. 190–210), о советских военных планах в канун нападения Германии на СССР (с. 211–223), о ленд-лизе и северных конвоях (с. 244–256). Думается, немалый интерес у читателей вызовет статья «Неудачная попытка отстранения И.В. Сталина от власти в 1932 г.: О судьбах участников конспиративной группы М.Н. Рютина и привлекавшихся по делу "Союза марксистов-ленинцев" партийцев» (с. 155–189). Особая ценность работы автора над ней заключается в кропотливом поиске архивных документов, освещающих эту малоизвестную историю, а также в подготовке (тоже на основе изысканий в архивах, исследований других соответствующих публикаций) биогрфических сведений «о членах конспиративной группы» М.Н. Рютина и причастных к ней лиц.

Последней публикацией в сборнике значится рецензия на монографию В.М. Ковальчука «900 дней блокады Ленинграда 1941–1944», изданная в 2005 году. Завершается же книга, посвященная 90-летию полковника в отставке В.М. Ковальчука, сведениями об ее авторах, что тоже является достоинством уникального научного труда, ставшего прижизненным памятником военному историку.

**Капитан 1 ранга
в отставке
В.Г. ОПКОКОВ**

КРЫЛЬЯ НАД МОРЕМ

**Титульный лист
книги**

МОНОГРАФИЯ* кандидата исторических наук полковника В.Л. Герасимова посвящена одному из родов сил Военно-морского флота – морской авиации за 95-летний период ее развития (1910–2005). Основу источниковой базы книги составили документы и материалы из Российского государственного архива Военно-морского флота, Российского государственного военного исторического архива и Российского государственного военного архива.

Научное исследование состоит из двух глав. В первой рассматривается боевой путь этого рода сил ВМФ: от первого полета в Севастополе на небе лейтенанта Российского императорского флота С.Ф. Дорожинского в сентябре 1910 года до сегодняшнего дня. Хронологически этапы строительства отечественной морской авиации автор распределил следующим образом: 1910–1920 гг., 1920–1937 гг., 1938–1945 гг., 1946–2005 гг. Первый этап – это создание и развитие нового рода сил, второй – передача и деятельность авиации флота в составе ВВС РККА, третий – возвращение морской авиации в ВФ СССР и ее участие в Советско-финляндской (1939–1940), Великой Отечественной (1941–1945) и Со-

ветско-японской (1945) войнах. Четвертый этап – это послевоенное развитие морской авиации, судьба которой неотделима от судьбы отечественного ВМФ.

Особое внимание автор уделил исследованию проблемы строительства морской авиации России с начала Первой мировой до конца Великой Отечественной войны, убедительно доказав при этом, что нахождение морской авиации в составе Военно-воздушных сил РККА далеко не лучшим образом сказалось как на ее техническом состоянии, так и на уровне боеспособности.

Надо отметить, что весьма значительную информацию несет в себе и вторая глава книги, где речь идет о символике авиации ВМФ. Что касается, например, нарукавных знаков различия морских авиаторов, то приводятся иллюстрации 46 современных нарукавных знаков, появившихся на военно-морской форме одежды в 1992–2005 гг.

Следует отметить приложения к тексту – документы, содержание которых служит иллюстрацией к выводам автора. Так, впервые полностью приводится «Положение о службе морской авиации и воздухоплавания», введенное в действие в конце кампании 1916 года и фактически придавшее морской авиации статус самостоятельного рода сил Российского военного флота.

В заключение своей работы автор аргументированно выходит на современные проблемы отечественной морской авиации, предлагая еще раз осмыслить факт трансформации морской авиации в ВВС и ПВО ВМФ. Думается, что новый труд исследователя отечественной флотской авиации будет полезен как профессиональным военным, так и любителям военной истории, внося в то же время заметный вклад в историографию отечественного Военно-морского флота.

**Полковник
В.В. ИЗОНОВ**

* Герасимов В.Л. Отечественная морская авиация 1910–2005 гг. История и символика: Монография. Смоленск: Коллекция, 2006. 188 с.

Сведения об авторах номера

АРАПОВА Елизавета Дмитриевна — сотрудник музея истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

БЕЗУГОЛЬНЫЙ Алексей Юрьевич — кандидат исторических наук (Москва)

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Военного университета, кандидат исторических наук (Москва)

БУГАЕВ Олег Николаевич — аспирант Пятигорского государственного технологического университета (г. Кисловодск)

ВИЛИНОВ Михаил Абрамович — участник Битвы под Москвой, полковник в отставке, кандидат военных наук, доцент (Москва)

ВОРОНЦОВ Борис Германович — депутат внутригородского муниципального образования Ясенево (Москва)

ГАВРИКОВА Наталья Васильевна — ведущий специалист финансового управления Южного административного округа г. Москвы (Москва)

ГЛУШКОВА Юлия Александровна — сотрудник ИТАР — ТАСС (Москва)

ГОРНОСТАЕВ Петр Васильевич — профессор кафедры педагогики Коломенского государственного педагогического института, доктор исторических наук, профессор (г. Коломна)

ГРЕБЕНЩИКОВА Галина Александровна — научный сотрудник кафедры истории России Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ДАРКОВ Сергей Константинович — директор информационно-издательского центра ВДС (Москва)

ИЗОНОВ Виктор Владимирович — начальник управления Института военной истории МО РФ, полковник, доктор исторических наук, профессор (Москва)

КАЗАКОВЦЕВ Сергей Владимирович — аспирант Вятского государственного университета (г. Киров)

КОЛОМЫЦ Дмитрий Михайлович — доцент кафедры философии Казанского государственного энергетического университета, кандидат политических наук (г. Казань)

КРИНКО Евгений Федорович — доктор исторических наук (г. Майкоп)

МАНЖОСОВ Александр Николаевич — вице-президент Курского областного научного краеведческого общества, майор запаса, кандидат исторических наук (г. Курск)

ОППОКОВ Виталий Георгиевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга в отставке (Москва)

ВОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПАРФЕНОВ Руслан Игоревич — редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

ПОПОВ Виктор Исаакович — участник Великой Отечественной войны и Парада Победы, полковник в отставке (Москва)

ПОПОВ Юрий Митрофанович — капитан 1 ранга, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

СЕРГЕЕВ Владимир Семенович — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского открытого социального университета, полковник в отставке (Москва)

СТЕПАНОВ Валерий Васильевич — сотрудник Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., капитан запаса (Москва)

ФИЛИПОВА Алина Сергеевна — литературный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ЧАБАНОВА Анна Николаевна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ШИГИН Владимир Виленович — редактор по отделу литературы и искусства, критики и библиографии редакции журнала «Морской сборник», капитан 1 ранга (г. Железнодорожный Московской обл.)

ЮРКЕВИЧ Евгений Иванович — старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник полковник И.И. Басик (Институт военной истории МО РФ); кандидат технических наук, старший научный сотрудник генерал-лейтенант В.П. Володин (Военно-научный комитет Генерального штаба ВС РФ); заслуженный работник культуры РФ И.О. Гаркуша (Российский государственный военно-исторический архив); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольтюков (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макар (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат педагогических наук адмирал флота В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); кандидат политических наук, доцент генерал-полковник А.С. Скворцов (Генеральный штаб ВС РФ); доктор военных наук, профессор генерал-полковник Н.Е. Соловцов (Командование ПВСН); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объемом не более одного авторского листа, набранного в Word 95,97,2000 через два интервала с постраничными сносками и конечными ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За качество полиграфического исполнения журнала и его своевременное распространение несет ответственность Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать, публиковать присланные материалы помимо печатной версии в интернет-приложении «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» (www.mil.ru). Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется почтовый адрес автора, ученая степень, ученое звание, номера телефонов, указаны полностью его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверение личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 693-54-10.

Компьютерная верстка — Р.И. ПАРФЕНОВ, Р.А. АЛИЕВ

Электронные версии «Военно-исторического журнала» и интернет-приложений «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 157-87-19.

Сдано в набор 15.02.2007
Подписано к печати 30.03.2007
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж 5500 экз. Зак. 633

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО «Красногорская типография». © «Военно-исторический журнал», 2007.

СОЗДАТЕЛЬ ПЕРВЫХ ИСКУССТВЕННЫХ СПУТНИКОВ ЗЕМЛИ И КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ

12 апреля —
День космонавтики

С.П. Королев на полигоне
1953 г.

К 100-летию
со дня рождения
С.П. Королева

С.П. Королев
на митинге в ОКБ-1

С.П. Королев и Ю.А. Гагарин на стартовой площадке
космодрома Байконур

12 апреля 1961 г.

Ракета-носитель «Восток»

Памятник
С.П. Королеву
г. Королев

Иллюстрации www.energia.ru

ДВАЖДЫ Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, академик Академии наук СССР Сергей Павлович Королев — выдающийся конструктор и ученый, работавший в области ракетной и ракетно-космической техники, родился 12 января 1907 года в г. Житомире. Неукротимая тяга к авиационной технике преследовала Королева со школьных лет, проект летательного аппарата оригинальной конструкции — «бесмоторного самолета К-5», он разработал в 17 лет. Уже во время учебы в Московском высшем техническом училище С.П. Королев получил известность как молодой способный авиаконструктор и опытный планерист. Но больше всего его увлекали полеты в стратосфере и принципы реактивного движения. В дальнейшем под его руководством были реализованы проекты первых отечественных баллистических ракет дальнего действия на высококипящих, низкокипящих и твердотопливных компонентах топлива, их ракетных комплексов, включая комплексы подводных лодок, первых отечественных высотных геофизических ракет, первого в мире искусственного спутника Земли, первых научных спутни-

В ближайших номерах «Военно-исторического журнала»

ков «Электрон», автоматических станций к Луне, Марсу, Венере, первого отечественного спутника связи «Молния-1», спутника фотонаблюдения «Зенит», пилотируемых кораблей «Восток» и «Восход». С его именем связаны первый в мире космический полет Ю.А. Гагарина и выход человека в открытое космическое пространство — А.А. Леонова. Академик Королев — инициатор создания Совета главных конструкторов по ракетной и ракетно-космической технике и его председатель. Он обеспечивал техническое руководство и координацию работ предприятий и организаций страны по ракетным, ракетно-космическим и космическим проектам.

Умер С.П. Королев 14 января 1966 года. Урна с его прахом установлена на Красной площади в Кремлевской стене.

О малоизвестных фактах жизни и научно-го творчества С.П. Королева, сохранившихся в фондах Российского государственного архива научно-технической документации, читайте в статье кандидата исторических наук П.Н. Грюнберга в ближайших номерах «Военно-исторического журнала».

Публикацию подготовила
А.С. ФИЛИППОВА

АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УДАРА

К 110-летию со дня рождения
маршала артиллерии В.И. Казакова

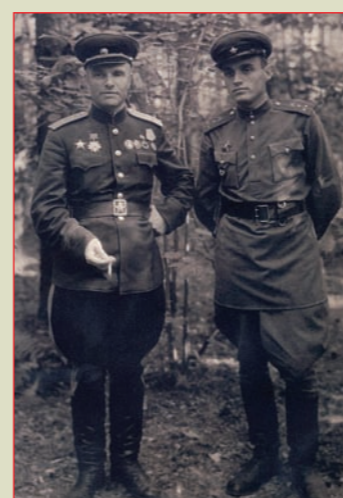
Василий Казаков
Петроград, 1916 г.

Сталинградская битва. В штабе Донского фронта
(слева направо): А.А. Новиков, К.К. Рокоссовский,
Н.Н. Воронов, К.Ф. Телегин, М.С. Малинин, В.И. Казаков
Осень, 1942 г.

Генерал-лейтенант
артиллерии В.И. Казаков
Лето, 1943 г.

В.И. Казаков
с сыном —
старшим
лейтенантом
Виктором
Казаковым
Центральный
фронт,
пос. Свобода
под Курском,
1943 г.

В.И. Казаков (справа) с фронтовыми друзьями
генерал-лейтенантом Г.Н. Орлом и его женой Надеждой
(майором медицинской службы)
1944 г.

Перед
Парадом Победы
24 июня 1945 г.

Полководцы
и военачальники
Великой Отечественной
войны на 1-й сессии
Верховного Совета СССР
второго созыва.
В.И. Казаков третий слева
в третьем ряду
Москва, Кремль, март 1946 г.

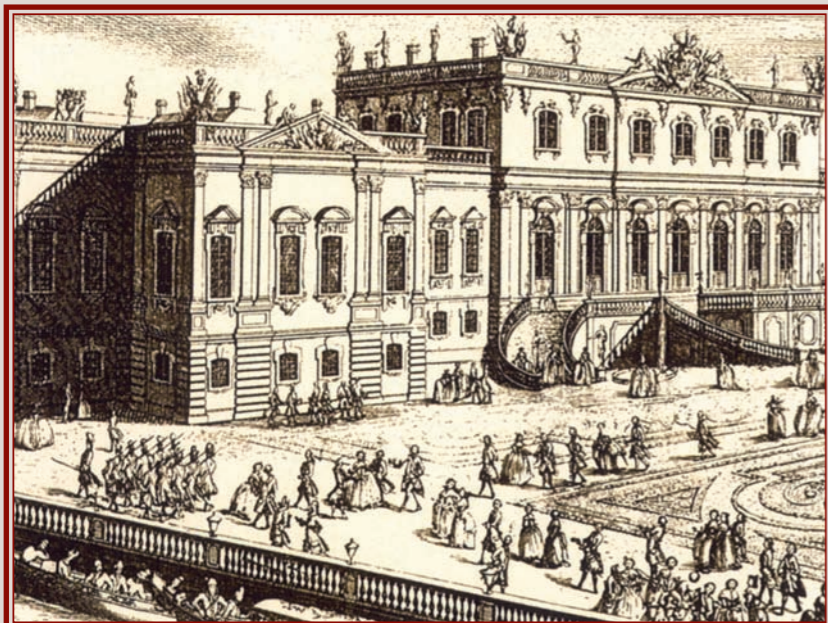

Василий Иванович с женой
Светланой Павловной
1948 г.

Вручение маршальских
звезд. Сидят слева
направо: И.Х. Баграмян,
Н.Г. Кузнецов, Н.М. Пегов,
К.Е. Ворошилов,
В.И. Чуйков,
А.И. Еременко; стоят
С.И. Руденко, В.И. Казаков,
В.А. Судец, С.С. Варенцов,
К.С. Москаленко,
И.С. Исаков
Москва, Кремль,
1955 г.

Развод гвардейского караула у Летнего дворца императрицы Елизаветы Алексеевны 1750-е гг.

▲ Конный кавалергард 1727 г.

▶ Портрет императора Александра II в общегенеральском мундире образца 1872—1875 гг. Художник П.И. АНТОНОВ

▲ Инструкции в записной книжке команды по охране цесаревича Николая Александровича 1887 г.

◀ Чины лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона СЕИВК в повседневной форме: обер-офицер эскадрона (слева), казак в парадной форме Рисунки императора Александра II

▲ Александр III с окружением на охоте в Спале. Рядом с императрицей Марией Федоровной — 7-я слева — начальник охраны императора генерал-адъютант П.А. Черевин 1880 г.

◀ Начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР (отдел охраны), комиссар государственной безопасности 3 ранга Н.С. Власик 1940 г.

ЗАРОЖДЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ РОССИИ. 1881—2006 гг.

По материалам выставки в Большом Кремлевском дворце и Выставочном зале федеральных архивов

▶ Обложка каталога выставки

▶ Торжественный въезд принцессы Дагмар в Царское Село. Слева от коляски — командир Собственного его императорского величества конвоя (СЕИВК) флигель-адъютант полковник С.А. Шереметьев Сентябрь, 1866 г. Художник Ф. ТЕЙХЕЛЬ

▶ Общий вид Мавзолея В.И. Ленина во время Парада Победы 24 июня 1945 г.
◀ Церемония развода конных и пеших караулов Президентского полка Соборная площадь, Кремль, 16 апреля 2005 г. Фото Г. СЫСОЕВА

В Большом Кремлевском дворце и Выставочном зале федеральных архивов прошла выставка «125 лет государственной охраны. 1881—2006», посвященная одной из самых неисследованных и загадочных страниц российской истории, подготовленная Государственным архивом Российской Федерации (ГАРФ) и Федеральной службой охраны Российской Федерации в содружестве с рядом федеральных и ведомственных архивов и музеев.

Выставочная коллекция, собранная из лучших российских музеев и архивов, позволяет понять объективную необходимость создания на рубеже XIX—XX вв. специального ведомства по охране высшей государственной власти России и в первую очередь российского императора.

Экспонаты, представленные на выставке, наглядно свидетельствуют о неразрывности истории Российского государства с историей государственных учреждений и институтов, когда решение общих задач требовало применения адекватных средств и методов.

Впервые так широко были представлены архивные документы и материалы, наглядно демонстрирующие этапы становления и развития российской государственности. В составе экспозиции нет ни одного документа, который в день его создания не имел бы грифа «Конфиденциально» или «Совершенно секретно».

В начале 1990-х годов ФСБ России передала в состав фондов Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской Империи Государственного архива Российской Федерации целый комплекс документов, связанных с историей охраны императора Николая II. Немного позднее из Архива Президента РФ на хранение в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) поступили документы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Ф.Э. Дзержинского и других политических деятелей советской эпохи. Некоторые из этих документов, рассказывающих о становлении службы охраны советского руководства, можно было впервые увидеть в составе экспозиции.

Выставка интересна еще и тем, что она освещает ту сторону истории Российского государства, о которой ранее практически ничего известно не было. Многочисленные документы и предметы наглядно показывают историю зарождения, становления и развития системы государственной охраны в нашей стране. Безусловно, защищенность информационных потоков является одним из основных факторов обеспечения безопасности государства. Однако исторические процессы в России в XX веке наглядно показали, что восстановление преемственности, верность собственным историческим традициям, воспитание на примерах доблести и героизма такая же необходимая составляющая успеха в деле национальной безопасности.

Публикацию подготовила
Е.Г. РЫЖОВА,
студентка Московского
гуманитарно-экономического
института
(Москва)

